

ПРИДНЕСТРОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Т. Г. ШЕВЧЕНКО
Юридический факультет

Яковлевские Чтения:

**актуальные вопросы
юридической науки и практики
в условиях цифровой трансформации**

*Материалы
международной научно-практической
конференции*

г. Тирасполь 9 апреля 2024 г.

Москва
Тирасполь

*Издательство
Приднестровского
Университета*

2024

УДК 340.1(082)
ББК 67.4
Я47

Редакционная коллегия:

Н. В. Щукина, д-р юрид. наук, доц., зав. каф. предпринимательского и трудового права, председатель

С. В. Олейников, д-р полит. наук, проф. кафедры журналистики

А. В. Калякина, канд. юрид. наук, доц. кафедры гражданского права и гражданского процесса

Т. А. Дёмина, канд. юрид. наук, доц., зав. каф. конституционного, административного и муниципального права

А. В. Ильяхи, канд. юрид. наук, доц., и. о. зав. каф. юриспруденции Института истории и права, ФГБОУ ВО «Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского»

Яковлевские чтения: актуальные вопросы юридической науки и практики в условиях цифровой трансформации: материалы международной научно-практической конференции, г. Тирасполь 9 апреля 2024 г. [Электронный ресурс] / ГОУ «Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко» ; Юридический факультет ; редколлегия : Н. В. Щукина [и др.]. – Москва ; Тирасполь : Изд-во Приднестр. ун-та, 2024. – 252 с.

ISBN 978-5-6051575-7-1

Системные требования: CPU (Intel/AMD) 1,5 ГГц / ОЗУ 2 Гб / HDD 450 Мб / 1024*768 / Windows 10 и новее / Microsoft Edge / Adobe Acrobat Reader 6 и новее.

Издание содержит пленарные и секционные доклады, статьи и тезисы Международной научно-практической конференции «Яковлевские чтения. Актуальные вопросы юридической науки и практики в условиях цифровой трансформации», которая проводилась в г. Тирасполе 09 апреля 2024 года. В материалах отражены актуальные проблемы правового регулирования использования цифровых технологий, цифрового гражданского оборота и цифровых прав, разработки конкретных механизмов защиты прав и законных интересов человека в цифровой среде, преодоления цифрового неравенства, оценки рисков при разработке и реализации цифровых проектов в сфере государственного управления, создании автоматизированной системы ведения государственного земельного кадастра и государственного учета объектов недвижимости, защиты прав потребителей и защиты от несанкционированного использования персональных данных.

Адресовано научным и практическим работникам, преподавателям, аспирантам и студентам юридических вузов.

УДК 340.1(082)
ББК 67.4

Рекомендовано Научно-координационным советом ПГУ им. Т. Г. Шевченко

ISBN 978-5-6051575-7-1

© ПГУ им. Т. Г. Шевченко, 2024

ОСОБЕННОСТИ ОЦЕНКИ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ РИСКОВ ОТДЕЛЬНЫХ НБИКС-ТЕХНОЛОГИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Е. А. Белокрылова

В статье рассматриваются особенности трансформации приоритетных направлений развития науки и техники в России в систему НБИКС-технологий. Обосновывается расширение перечня НБИКС за счет добавления социальных технологий (НБИКС+С). Подчеркивается важность комбинаций конвергированных технологий «нано-био», «нано-инфо», «нано-когно», которые могут вызвать серьезные социально-экологические и экономические последствия.

Выделяется значимость нанотехнологий, позволяющих манипуляции на атомарном и молекулярном уровнях. Анализируется российское законодательство в области НБИКС, а также вопросы оценки рисков и обеспечения безопасности нанотехнологий и их продуктов. Рассматриваются международные нормы по экологической безопасности при производстве и применении нанотехнологий. Выделяются основные проблемы и предлагаются пути совершенствования законодательства в этой сфере.

Ключевые слова: *публично-правовые науки, экологическое право, правовое обеспечение экологической безопасности, НБИКС-технологии, природоподобные/конвергентные технологии, нано-, био-, информационные, когнитивные и социо-гуманитарные технологии.*

FEATURES OF ASSESSING ENVIRONMENTAL RISKS OF INDIVIDUAL NBICS TECHNOLOGIES IN THE RUSSIAN FEDERATION

E. A. Belokrylova

The article discusses the features of the transformation of priority areas of development of science and technology in Russia into the NBICS technology system. The expansion of the list of NBICS by adding social technologies (NBICS+S) is justified. The importance of combinations of converged technologies “nano-bio”, “nano-info”, “nano-cogno” is emphasized, which can cause serious socio-ecological and economic consequences.

The importance of nanotechnology is highlighted, allowing manipulation at

the atomic and molecular levels. Russian legislation in the field of NBICS is analyzed, as well as issues of risk assessment and ensuring the safety of nanotechnologies and their products. International standards on environmental safety in the production and application of nanotechnologies are considered. The main problems are highlighted and ways to improve legislation in this area are proposed.

Keywords: *public law sciences, environmental law, legal support for environmental safety, NBICS technologies, nature-like/convergent technologies, nano-, bio-, information, cognitive and socio-humanitarian technologies.*

С середины 90-х годов прошлого века и по настоящее время в Российской Федерации уточняется перечень стратегически важных технологий, на основе которых функционируют практически все значимые сферы жизнедеятельности государства и общества: оборона и безопасность, энергетика и энергоэффективность, транспортные и космические системы, здравоохранение, образование, информационная безопасность и т. д.

В соответствии с общепринятой мировой практикой, в последние годы было принято решение опираться на четыре основных фундаментальных направления исследований: нано- и биотехнологии, информационные и когнитивные технологии (НБИК: NBIC – Nanotechnology, Biotechnology, Information Technology, and Cognitive Science).

Термин «конвергенция наук и технологий» трактуется как взаимопроникновение различных наук и технологий, интеграция их методов и подходов, позволяющая достигать результатов, принципиально недостижимых в рамках каждой из наук и технологий в отдельности. Основным моментом конвергенции является использование идеологии, инструментов и результатов одних наук и технологий для получения результатов в других.

Позже российские учёные предложили расширить перечень технологий НБИК, добавив в него социальные и гуманитарные технологии (НБИК+С). Эти отрасли науки, в центре изучения которых находится человек (социология, философия, психология и др.), способны гармонизировать научно-технологический процесс, соблюдая баланс между потребностями государства, бизнес-сообщества, исследователей-разработчиков и общества в целом.

В последние годы в Российской Федерации активно формируется законодательство в области регулирования НБИКС-технологий. 14 июня 2022 года Министерство науки и высшего образования Российской Федерации опубликовало проект Указа Президента Российской Федерации «О Стратегии развития природоподобных (конвергентных)

технологий» [1] (далее – Стратегия). В документе природоподобные технологии определяются как технологии, способные воспроизводить системы и процессы живой природы в виде технических систем и технологических процессов, интегрированных в естественный природный ресурсооборот.

Большинство учёных считает, что именно нано- и биотехнологии, а также основанные на них информационные и когнитивные технологии, являются основой развития наиболее значимых и перспективных технологий современного общества. К ним относятся базовые и критические военные и промышленные технологии для создания новых видов вооружения и специальной техники, биокаталитические, биосинтетические и биосенсорные технологии, геномные, протеомные и постгеномные технологии, технологии атомной энергетики и ядерного топливного цикла, безопасного обращения с радиоактивными отходами и отработавшим ядерным топливом. Также важны технологии доступа к широкополосным мультимедийным услугам, мониторинга и прогнозирования состояния окружающей среды, предотвращения и ликвидации её загрязнения, а также разработки программного обеспечения для распределённых и высокопроизводительных вычислительных систем. Важными направлениями являются технологии снижения потерь от социально значимых заболеваний, создания высокоскоростных транспортных средств и интеллектуальных систем управления новыми видами транспорта, а также разработки электронных компонентов и энергоэффективных световых устройств, энергосберегающих систем транспортировки, распределения и использования энергии и т. д.

Поскольку указанные технологии находятся в непрерывном взаимодействии и взаимовлиянии, результаты комбинаций конвергированных технологий, таких как «нано-био», «нано-инфо» и «нано-когно», могут потенциально привести к социально-экологическим и экономическим последствиям, которые, без сомнения, можно назвать революционными. Примеры с «нано-» не случайны, поскольку в концепции НБИКС-конвергенции особенно важное значение имеют нанотехнологии, предоставляющие уникальную возможность осуществлять целенаправленные манипуляции с объектами на атомарном и молекулярном уровнях [5].

Несмотря на заявленные преимущества, в Стратегии отмечаются определённые угрозы, связанные с возникновением и развитием природоподобных (конвергентных) наук и технологий.

Риски, связанные с созданием и развитием природоподобных технологий, многократно увеличиваются из-за ряда специфических особенностей, а именно:

- двойственный характер технологий, размытые границы между гражданскими и военными применениями, что приводит к неэффективности существующих средств контроля;
- доступность и относительная дешевизна технологий, что позволяет создавать средства поражения даже в кустарных условиях, без необходимости в сложных и дорогостоящих системах доставки;
- невозможность предугадать все последствия выхода искусственных живых систем в окружающую среду.

Потенциальные риски и угрозы nano- и биотехнологий в сочетании с информационно-коммуникационными и когнитивными технологиями связаны с новыми качествами и свойствами, которые проявляются в нанодиапазоне, а также с новыми свойствами генетически модифицированных организмов и активных гибридных нанобиоструктур. К сожалению, в Российской Федерации управление развитием НБИКС-технологий сегодня находится на начальной стадии, несмотря на широкие дискуссии о возможных негативных последствиях применения конвергентных технологий для здоровья человека, состояния окружающей среды и биобезопасности.

Подводя итог вышесказанному, следует подчеркнуть, что, несмотря на сложившуюся острую внешнеполитическую ситуацию, Российской Федерации стоит изучить положительный законодательный опыт зарубежных государств, вовлеченных в процесс НБИКС-индустрии. С 2004 года США, Великобритания, Китай, Корея, страны Европейского Союза, Швейцария, Австралия и Канада активно развивают этот сектор. Это позволит нашему государству в кратчайшие сроки выработать систему правового регулирования, обеспечивающую необходимый уровень экологической, технологической и социально-экономической безопасности при разработке и применении продуктов НБИКС-индустрии.

Литература

1. Проект Указа Президента Российской Федерации «О Стратегии развития природоподобных (конвергентных) технологий». – Текст : электронный // Полный текст документа. – URL : https://sovet-po-nauke.ru/sites/sovet-po-nauke.ru/files/data/converg_concept_project.pdf (дата обращения: 12.04.2023).

2. Kuraj, Nertila. REACH and the Environmental Regulation of Nanotechnology : Preventing and Reducing the Environmental Impacts of Nanomaterials (Routledge Studies in Environment and Health). Published by Routledge; 1st edition (7 Aug. 2019).

3. Roco M. C., Bainbridge W. S. (Eds.) Managing Nano-Bio-Info-Cogno Innovations : Converging technologies in society. – Berlin. Springer. 2006. – 384 p.

4. Кричевский Г. Е. НБИКС-технологии для Мира и Войны / Саар-брюккен, Германия: Ламберт. 2017. – 634 с.

5. Скребцова, Е. В. Конвергентные NBIC-технологии : этические аспекты их использования в медицине и проблемы биобезопасности / Е. В. Скребцова, П. Я. Смалько, Н. А. Чашин. – Текст : непосредственный // Сахаровские чтения 2020 года : экологические проблемы XXI века. – Минск : ИВЦ Минфина, 2020. – Ч. 1. – С. 95–98.

Сведения об авторе

Белокрылова Екатерина Александровна – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой экологического, природоресурсного и трудового права Института права, социального управления и безопасности ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет».

E-mail: kaf.eco.trud.law@mail.ru

УДК 347

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

А. И. Бигуненко

В статье анализируется применение информационных технологий в гражданском судопроизводстве. Исследуются условия и способы цифровизации, а также правовая основа этой трансформации. В условиях растущей дематериализации гражданского оборота и международной конкуренции использование информационных технологий становится необходимым для адаптации судопроизводства к современным требованиям. Пандемия COVID-19 ускорила цифровизацию общественных отношений в Российской Федерации, что

ставит перед судами задачу переосмысления природы гражданского процесса и сохранения его основных принципов и инструментов правосудия.

Ключевые слова: информационные технологии, право, гражданское судопроизводство, информатизация, искусственный интеллект, процессуальная деятельность, активность, добросовестность, технологические средства.

THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECTS OF THE APPLICATION OF INFORMATION TECHNOLOGY IN CIVIL PROCEEDINGS

A. I. Bigunenکو

The article analyzes the use of information technology in civil proceedings. The conditions and methods of digitalization, as well as the legal basis for this transformation, are explored. In the context of the growing dematerialization of civil circulation and international competition, the use of information technology becomes necessary to adapt legal proceedings to modern requirements. The COVID-19 pandemic has accelerated the digitalization of public relations in the Russian Federation, which poses the task of courts to rethink the nature of the civil process and preserve its basic principles and instruments of justice.

Keywords: information technology, right, civil proceedings, informatization, artificial intelligence, procedural activity, activity, conscientiousness, technological means.

Влияние информационных технологий на гражданское судопроизводство позволяет сосредоточить внимание ученых на трех основных направлениях исследований. Первое направление связано с междисциплинарными аспектами, которые уже активно изучаются процессуалистами. Сюда входят вопросы языка, а также потребностей общества и человеческих реакций, определяющих цели участия заинтересованных лиц в рассмотрении гражданских дел. Это влияет на их процессуальное право быть выслушанными судом. Второе направление основано на переосмыслении идейных основ гражданского процесса, а третье – на исследовании процессуальной деятельности суда и участников процесса. Важно ответить на вопросы о том, что информационные технологии привносят в гражданское судопроизводство, какие границы должен установить законодатель, чтобы технологии не поглотили систему судов и не изменили гражданскую процессуальную форму правосудия, а

также как должно осуществляться правоприменение в условиях развития информационных технологий.

Цифровизация, создавая новое информационное пространство, влияет на человека как субъекта правореализации. Л. Флориди называет реальность, возникшую после информационной революции, иносферой – совершенно новым аспектом мира, доступ к которому осуществляется с помощью современного оборудования и облегчается новыми программными обеспечениями и услугами [8, с. 113]. Произошедшие трансформации влияют на самосознание и самопонимание человека, его знания о себе и своем месте в мире. Это не может не отражаться на процессе принятия процессуальных действий и реализации процессуальных прав участниками гражданского процесса. Именно поэтому самопознание, человеческие реакции и целевые установки становятся важными аспектами, знания о которых легли в основу их изучения в гражданском процессуальном праве.

Под давлением громадного объема ежесекундно поступающей информации и цифровых способов ее восприятия человек становится «сетевым» индивидом, что изменяет факторы, влияющие на принятие правовых решений в процессе правореализации [3, с. 39]. Процедуры принятия и реализации правовых норм предполагают дискурсивную коммуникацию, помогающую субъектам права преодолевать субъективные взгляды ради достижения мотивированного согласия [3, с. 41]. Эти выводы подчеркивают актуальность коммуникативной теории права для изучения гражданского судопроизводства в условиях развития информационных технологий.

Основные положения о применении этой теории для гражданского процесса изложены И. И. Черных в контексте судебной коммуникации, которая включает всех участников гражданского процесса. Это информационное взаимодействие суда с участниками (лицами, участвующими в процессе, и теми, кто содействует правосудию), а также взаимодействие участников между собой [7, с. 64]. Развитие информационных технологий в гражданском судопроизводстве содействует формированию информационной формы судебной коммуникации, где участники направляют суду информацию о своих позициях, фактических обстоятельствах и доказательствах. Суд, в свою очередь, использует информационные технологии для совершения процессуальных действий: направляет судебные извещения, предоставляет доступ к материалам дела в цифровом формате, к протоколу заседания и к базе судебных решений.

Темпы использования информации позволяют сосредоточиться на установлении взаимодействия между судом и участниками гражданского процесса в цифровом формате. При этом необходимо учитывать не только само взаимодействие и характер его реализации, но и информационные аспекты человеческого сознания, поведенческие реакции и языковые аспекты. Последнему уделяется особое внимание учеными во всем мире, поскольку с ним связывают переход от текстового законодательства к «закону», основанному на данных, то есть машинчитаемому. Происходит пересмотр природы современного позитивного права как закона, выраженного в словах и воплощенного в конкретной технологии, такой как печатный станок [9, с. 13–15].

Уже упоминалось, что цифровизация приводит к необходимости пересмотра формы и инструментов гражданского процесса. Однако при должном понимании основных правовых положений цифровые технологии могут стать, если не основной, то по крайней мере альтернативной формой отправления правосудия по гражданским делам [5, с. 72].

Искусственный интеллект (ИИ) управляет алгоритмами с помощью машинного обучения и математического моделирования, используя большое количество вычислений [4, с. 25]. При применении ИИ информационные технологии могут способствовать решению ряда юридических задач, таких как создание информационных баз данных, использование биометрических данных для формирования единой цифровой среды в процессе идентификации и аутентификации, хранение процессуальных документов по гражданским делам и создание цифровой базы судебных решений, позволяющей выявлять аналогичные аргументы сторон в других делах.

Юридические тексты создают уникальные проблемы даже для ИИ. Человеческий язык богат и многозначен; он содержит смысловой и содержательный окрас, обогащен подтекстами, двойными смыслами и синонимами. Ученые акцентируют внимание на необходимости оцифровки естественного языка. Одна из самых серьезных проблем, с которой сталкиваются юридические технологии, связана с текстами законов: ИИ не может надежно «читать» юридические тексты и извлекать из них юридические понятия.

Одна из причин заключается в том, что стороны и их представители, участвующие в гражданском деле, представляя суду свою позицию, обосновывают и доказывают её с использованием естественного языка,

который допускает множество интерпретаций на основе норм права, сравнения и жизненного опыта. Исход дела часто зависит от плотного сочетания аргументов, необходимых для гражданского дела, включая: лингвистические аргументы о законодательном и повседневном значении термина; системные аргументы о гармонизации нормативных актов; аналогичные аргументы из других дел, встречающиеся в судебных решениях; доказательные аргументы о ключевых фактах; телеологические аргументы или другие существенные ценности.

ИИ в аргументационном контексте может определять роли участников (например, определять правовые нормы, факты и роли участников: суд, истец, свидетель). Классификация и анализ таких данных являются каноническими задачами ИИ и важным шагом для анализа юридических текстов. Однако ИИ ещё не перешёл от простых задач к полноценной аргументации.

Юристы могут оказать влияние на машины и помочь программистам в преобразовании оперативного доктринального текста в иерархическую структуру терминов и понятий. Только когда ИИ освоит навыки аргументации и сможет в автоматизированном гражданском процессе (в условиях информационной судебной коммуникации) выстроить онтологию юридических фактов и сущностей – выделить основные юридические категории по делу, установить фактические доказательства и применить соответствующие нормы права – можно будет говорить о замене ИИ человека, в данном случае судьи, при осуществлении правосудия по гражданским делам.

И. И. Черных обосновала три основных сценария цифровизации нормотворчества:

- 1) создание юридического языка программирования;
- 2) автоматизация законодательства на естественном языке (использование меток, по ключевым словам, в нормативных актах);
- 3) симбиоз двух предложенных механизмов, предполагающий параллельное использование естественного языкового выражения норм и кодирования для автоматизации [6, с. 17].

В зависимости от целей и задач законодателя, потребностей общества и практики правоприменения будет выбран один из этих вариантов. На наш взгляд, симбиоз естественного и машинного языков позволит сохранить за правосудием «человеческое лицо», что особенно важно в условиях развития информационных технологий в гражданском судопроизводстве.

Суды принимают решения, руководствуясь не только буквой, но и духом закона, а также внутренним убеждением, учитывая оценочно-ценностные критерии: мораль, справедливость, гуманизм, добросовестность и разумность. Человек развивается в социальной среде в процессе воспитания и становления личности, чего не происходит с ИИ. Поэтому информационно-коммуникационные технологии не могут заменить судью-человека в судопроизводстве, но могут стать удобным инструментом для суда и участников гражданского процесса в реализации их процессуальных прав.

Второе направление в науке обусловлено изучением принципов гражданского процесса. Ученые выделяют новые «информационные и дистанционные» принципы гражданского судопроизводства. С. В. Василькова в диссертационном исследовании рассматривает «принцип дистанционности». Автор приходит к выводу о сущности данного принципа, который характеризуется непрямым взаимодействием суда и участников гражданского процесса с использованием информационно-коммуникационных технологий (например, участие в судебной процессуальной деятельности посредством различных дистанционных технологий, не предполагающих обязательного фактического присутствия лица в зале судебного заседания – видеоконференцсвязь и т. п.) [1, с. 9–10].

Данный принцип проявляется через «метод электронного документооборота», который подразумевает переход внутренней деятельности суда на электронную форму фиксации информации, например, электронное ведение дела, электронное оформление протокола судебного заседания и т. д. Стремительное развитие современных информационных технологий, по мнению С. В. Васильковой, закономерно ставит вопрос о пределах применения принципа дистанционности. Нарушение этого принципа может вызвать недоверие граждан к суду, снизить качество и объективность судебной деятельности, исказить в обществе представления о роли и значении судебной власти [1, с. 10].

Ю. В. Миронова также выделяет новый «принцип информатизации судопроизводства». Сущность данного принципа заключается в совокупности взаимосвязанных элементов, которые проявляются в дистанционности судопроизводства и информационной открытости правосудия. Эти элементы позволяют осуществлять электронное судопроизводство с использованием информацион-

но-телекоммуникационных технологий и автоматизированных баз данных [2, с. 11].

Выделяя основополагающую сущность данных принципов, заключающуюся в элементах электронного правосудия, взаимодействия участников гражданского процесса с судом и получении доступа участников к информационным ресурсам, можно сделать вывод о том, что появляются лишь информационные средства и инструменты, находящиеся в поле действия традиционных принципов гражданского судопроизводства. С нашей точки зрения, нет достаточных оснований для утверждения о появлении новых принципов гражданского процесса.

Третье направление в науке гражданского процессуального права обосновывает процессуальную деятельность суда и участников гражданского процесса при рассмотрении и разрешении гражданских дел. Информационная судебная коммуникация между судом и участниками процесса возникает в результате выбора заинтересованными лицами информационных средств передачи и получения процессуальной информации. У суда возникает процессуальная обязанность разъяснить участникам возможные способы взаимодействия с ним в процессе обмена документами и материалами дела, а также цифровые и связанные с ними процессуальные риски. Эти риски могут лечь в основу Постановления Пленума Верховного Суда как разъяснительно-инструктивные рекомендации для нижестоящих судов.

Изменяется и отношение к участникам гражданского процесса. В рамках изучения аспектов первого направления определяются цели и процесс целеполагания лиц, заинтересованных в исходе дела, а также активность сторон при использовании информационных технологий. В этом случае информационные технологии становятся активным инструментом получения и использования процессуальной информации в своих целях, к достижению которых участники стремятся в гражданском процессе. Они также могут быть средством для пассивных участников (например, возможность участвовать в судебном заседании посредством веб-конференции, если лицо не собиралось добираться до зала судебного заседания). В этой связи роли участников характеризуются стремлением к достижению целевых установок. Информационные технологии развивают процессуальный институт активности и самостоятельности сторон и заинтересованных лиц, стремящихся владеть информацией о процессе рассмотрения и разре-

шения гражданского дела, а также способствуют оптимизации судебной деятельности.

В настоящее время, как никогда актуальна процессуальная обязанность участников гражданского процесса реализовывать свои процессуальные права добросовестно, особенно в контексте применения информационных технологий. Следует отметить, что суд вправе отказать в использовании видеоконференцсвязи (веб-конференции), если лицо злоупотребляет своими правами и его поведение квалифицируется судом как недобросовестное, выходящее за рамки среды доверия. Например, это может быть связано с созданием условий, при которых суд не может идентифицировать участника: не подключение к веб-конференции без уважительных причин, затягивание сроков рассмотрения дела под предлогом технических неполадок или представление доказательств, которые не были представлены в суде и т. д. [5, с. 89].

Таким образом, внедрение информационных технологий в гражданское судопроизводство может сопровождаться лишь расширением способов реализации процессуальных прав участниками процесса, а также появлением альтернативной формы проведения судебного заседания (традиционной – в зале суда и дистанционной, с помощью подключения к веб-конференции). Информационные технологии не должны изменять и трансформировать судопроизводство по гражданским делам; их влияние ограничивается лишь изменением структуры действующих процессуальных норм и появлением новых норм. Однако эти изменения не предназначены для модификации процессуальной деятельности суда и участников гражданского процесса, а для сохранения и обеспечения основополагающих идей гражданского процесса, процессуальных средств и инструментов осуществления правосудия.

Законодателю предстоит прислушаться к науке в вопросах применения информационных технологий в гражданском процессе, а ученым – провести масштабное исследование всех аспектов влияния информационных технологий на потребности общества при формировании нового коммуникативного подхода к гражданскому судопроизводству.

Литература

1. Василькова, С. В. Электронное правосудие в цивилистическом процессе: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.15 /

С. В. Василькова. – Саратов, 2018. – 251 с. – Текст: непосредственный.

2. Миронова, Ю. В. Реализация принципов гражданского процессуального права при использовании систем видеоконференцсвязи: автореферат диссертации ... кандидата юридических наук: 12.00.15 / Ю. В. Миронова. – Саратов, 2021. – 27 с. – Текст: непосредственный.

3. Пашенцев, Д. А. Особенности правоприменения в условиях цифровизации общественных отношений / Д. А. Пашенцев. – Вестник СПбГУ. Право. – 2020. – Т. 11. – Вып. 1. – С. 35–49. – Текст: непосредственный.

4. Просвирин, Ю. Г. Информационная функция государства / Ю. Г. Просвирин. – Текст: непосредственный // Журнал российского права. – 2002. – № 3. – С. 25–29.

5. Томак, А. И. Реализация принципа состязательности в условиях развития информационных технологий: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.15. – Москва, 2022. – 214 с. – Текст: непосредственный.

6. Черных, И. И. Тезисно о роли государства в цифровизации гражданского судопроизводства / И. И. Черных. – Текст: непосредственный // Законы России: опыт, анализ и практика. – Москва, 2021. – № 9. – С. 14–20.

7. Черных, И. И. Судебная коммуникация и мотивировочная часть судебного решения / И. И. Черных. – Вестник университета имени М. И. Кутафина (МГЮА). – 2023. – № 10. – С. 63–69. – Текст: непосредственный.

8. Floridi, L. The Philosophy of Information. Oxford University Press, 2011. – P. 113. – URL: <http://ukcatalogue.oup.com/product/9780199232383.do?keyword=floridi&sortby=bestMatches>.

9. Hildebrand, M. Data-driven prediction of judgment. Law's new mode of existence? OUP Collected Courses Volume EUI Summer-school, 2019. – P. 13–15. – Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=3548504>.

Сведения об авторе

Бигуненко Анастасия Ивановна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и гражданского процесса юридического факультета ГОУ «ПГУ им. Т. Г. Шевченко».

E-mail: anastasiiaivanovnat@mail.ru

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ФИНАНСОВО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ БЮДЖЕТНОЙ СИСТЕМЫ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Д. Ю. Виноградова

Бюджетная система Приднестровской Молдавской Республики прошла определённый путь в своём развитии, опосредованном изменениями, происходящими в государстве. Сегодня переход нашего государства и всех стран мира на новый этап развития, обусловленный широким применением и внедрением новейших технологий, требует, в первую очередь, правового регулирования и его совершенствования. В частности, необходимо улучшение правового регулирования бюджетных отношений и функционирования бюджетной системы с учётом повсеместного внедрения цифровых технологий как в Приднестровской Молдавской Республике, так и во всём мире.

Ключевые слова: бюджетная система, электронный бюджет, портал государственных услуг, Бюджетный кодекс, цифровизация, цифровые технологии.

IMPROVING THE FINANCIAL AND LEGAL REGULATION OF THE BUDGET SYSTEM IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF THE DIGITAL ECONOMY

D. Y. Vinogradova

The budget system of the PMR has gone a certain way in its development, mediated by the changes taking place in the state. Today, the transition of our state and all countries of the world to a new stage of development, due to the widespread use and introduction of the latest advanced technologies, requires, first of all, legal regulation and its improvement. Among other things, it is necessary to improve the legal regulation of budgetary relations, the functioning of the budget system, taking into account the widespread introduction of digital technologies both in the Pridnestrovian Moldavian Republic and throughout the world.

Keywords: Budget system, electronic budget, Public services Portal, Budget Code, digitalization, digital technologies.

Внедрение цифровых технологий осуществляется достаточно быстрыми темпами, причём наибольшая активность достигается за счёт обеспечения финансовыми средствами, а в большинстве случаев – бюд-

жетными. Любое применение и внедрение новейших разработок требуют определённого финансирования и выделения денежных средств на их реализацию. Однако стоит обратить внимание на то, что процесс глобализации и автоматизации производства, внедрение роботов и разработка искусственного интеллекта зачастую сопряжены с определёнными трудностями [1, с. 233] и требуют не только дополнительного финансирования и целевых расходов, но и должного, полного правового регулирования. В частности, необходимо совершенствование правового регулирования бюджетных отношений и функционирования бюджетной системы с учётом повсеместного внедрения цифровых технологий.

Объём работы органов государственной власти, и в первую очередь финансовых органов, в процессе осуществления финансовой деятельности трудно представить непосвящённому человеку, особенно в сфере бюджетной деятельности. Но именно для неё значение цифровых технологий очень велико.

Огромное значение цифровые технологии сегодня имеют на всех стадиях бюджетного процесса. Это включает составление проекта бюджета, обсуждение бюджетной документации, внешнюю проверку за ходом исполнения бюджета и бюджетных обязательств, а также рассмотрение и утверждение бюджетной отчетности. Цифровые технологии также используются в сфере формирования доходной части бюджета и проведения финансового контроля, облегчая законодателю его деятельность и предоставляя возможность изучить сущность проблемы и принять правильное решение.

Конечно, уровень развития и внедрения цифровых технологий, а также их правовая регламентация в Приднестровской Молдавской Республике не такие, как в других государствах. Например, в России процесс построения информационного общества начался в 2002 году. Огромный шаг был сделан 1 декабря 2016 года, когда Президент РФ в своем Послании Федеральному Собранию впервые определил необходимость создания цифровой экономики в России.

Сегодня в Российской Федерации базовыми документами, регулирующими процессы цифровизации, являются:

- «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы».

- В рамках реализации Указа Президента РФ 2018 года «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» в целях ускоренного внедрения цифровых

технологий в экономику и социальной сфере была разработана национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (17 сентября 2018 г.).

В Приднестровской Молдавской Республике основным документом, затрагивающим применение цифровых технологий, является Стратегия развития Приднестровской Молдавской Республики на 2019–2026 годы. В рамках стратегии определены основные задачи информационной политики, которые сводятся к модернизации информационно-телекоммуникационной инфраструктуры и развитию информационных и телекоммуникационных технологий.

В стратегии запланированы пять программ, одна из которых – Государственная программа обеспечения готовности информационно-телекоммуникационной основы цифровой экономики. Однако на данный момент ни одна из этих программ не была реализована. Исходя из данного документа, вся сфера цифровой экономики в Приднестровье сводится к информационно-телекоммуникационным основам.

Перечисленные меры государственной политики по созданию необходимых условий для развития цифровой экономики в Приднестровской Молдавской Республике, особенно в бюджетной сфере, конечно же, недостаточны. Однако некоторые шаги в этом направлении уже предприняты.

В 2020 году впервые в рамках Закона «О республиканском бюджете» была определена система «Электронный бюджет». Её создание предусматривало возможность ведения и обмена документами на всех этапах бюджетного процесса. Несмотря на отраслевую специфику системы, она должна была использоваться не только органами, осуществляющими финансовую деятельность, но и органами государственной власти и местного самоуправления, связанными с бюджетом.

По задумке, электронный бюджет должен был стать неотъемлемой частью формирующегося электронного государства. Электронная модель управления государством во многих странах уже включает в себя электронные государственные услуги (портал государственных услуг), электронное образование, а в некоторых странах уже внедрено электронное здравоохранение (электронные медицинские карты). Все эти компоненты современной жизни могут и должны быть дополнены электронным бюджетом, который должен стать прозрачным и эффективным. Качество и эффективность государственного управления должны повышаться, а открытость деятельности государства обеспечиваться.

Приоритетной задачей реализации и развития системы «Электронный бюджет» является перевод всех основных документов, используемых в бюджетной сфере, в электронный вид в специально созданной информационной системе, например на портале, что сможет обеспечить их интерактивное взаимодействие. Однако пока такого портала у нас нет.

Сегодня данные о бюджете доступны на сайте Министерства финансов ПМР, где в открытом доступе можно получить отчеты об исполнении республиканского бюджета. Однако на данный момент все основные документы можно увидеть только в виде электронных таблиц.

По аналогии с РФ в Приднестровье необходимо создать основной сайт для получения информации из «Электронного бюджета», и им может стать портал для публикации данных о бюджетной деятельности. Понятие и значение портала, который существует в Российской Федерации (Единого портала бюджетной системы), закреплены в статье 241.2 БК РФ. Здесь же определено и его основное назначение – обеспечение доступа к информации о бюджетной системе РФ. Единый портал начал свою работу 28 февраля 2013 года, и с этого времени его посещаемость увеличивается с каждым годом; на сегодняшний момент она составляет до 40 000 посещений в день. Состав информации на портале и порядок её размещения определяются Министерством финансов РФ.

Наравне с порталом в РФ работает подсистема «Бюджетное планирование», которая представляет собой ведение сводной бюджетной росписи федерального бюджета. Указанные электронные ресурсы позволяют систематизировать бюджетную информацию по всей стране. В них отражены все субъекты и объекты бюджетных правоотношений, а также их идентификация. Таким образом, созданы единые информационные ресурсы бюджетного процесса, которые имеют правовую основу и закреплены в Бюджетном кодексе РФ.

Таким образом, официальный сайт и портал услуг являются важнейшими элементами всей системы управления финансами «Электронный бюджет», который, в свою очередь, является главным источником информации. Такая система не может функционировать без соответствующей правовой базы в Приднестровье. Здесь необходимо акцентировать внимание на самой главной и серьезной проблеме – несовершенстве законодательства в ПМР. В сфере бюджетных отношений правовое регулирование значительно устарело и сегодня отстает от всех процессов, в том числе и от темпов цифровизации. В Приднестровье до

сих пор не принят Бюджетный кодекс, и все отношения регулируются тремя законами, которые также уже не отвечают реалиям сегодняшнего времени.

Несмотря на явные проблемы в правовом регулировании, даже в этой ситуации можно найти положительные стороны. Как известно, с 1 января 2000 года вступил в действие Бюджетный кодекс РФ (за исключением отдельных его статей). Прошло достаточно времени с момента вступления БК РФ в силу, и в его структуру и содержание было внесено огромное количество изменений и дополнений. Некоторые статьи и даже главы были отменены, и вместо них были включены новые. Это вполне закономерный процесс правотворчества. Данный процесс свидетельствует не о юридическом несовершенстве БК РФ, а о том, что постоянно появляются и развиваются новые публичные и частные интересы в бюджетной сфере, в частности, изменяются отношения с появлением цифровизации, которые необходимо урегулировать.

Эти факты должны помочь нашему законодателю при разработке содержания и структуры будущего Бюджетного кодекса. Хотелось бы надеяться, что опыт, ошибки и недостатки, а также достоинства бюджетного законодательства других стран, доступные в открытом доступе, были изучены и учтены на данном этапе, когда продолжается процесс разработки проекта кодекса. Это позволит избежать проблем, с которыми сталкиваются другие государства, когда правовые нормы приходится адаптировать к уже существующим способам применения цифровых технологий.

Но пока сегодня, в бюджетных отношениях цифровой элемент остается. Однако на сегодняшний день в бюджетных отношениях цифровой элемент остается вовсе неурегулированным и функционирует только на основе писем министерств и ведомств, не имеющих статуса нормативных правовых актов и, соответственно, не являющихся обязательными к исполнению.

Таким образом, в Приднестровской Молдавской Республике необходимо не просто принять Бюджетный кодекс, но и предусмотреть отдельную главу в кодексе, регулиующую отношения в сфере цифровизации. Положениями кодекса следует определить:

- принципы создания и ведения информационных систем в сфере бюджетных правоотношений;
- цели и содержание государственной информационной системы в сфере бюджетных правоотношений;

- правовой статус и назначение единого портала бюджетной системы;
- порядок информационно-технологического взаимодействия информационных систем в сфере бюджетных правоотношений;
- требования к организации электронного документооборота;
- субъекты, которые обязаны использовать цифровые технологии в бюджетных отношениях;
- сведения, которые должны быть переданы в цифровом формате, их получатели, сроки передачи и цели использования, адрес сайта, через который организуется информационное взаимодействие субъектов (или наименование информационной системы);
- механизм обратной связи между субъектами;
- статус контролирующих органов;
- меры ответственности за нарушения в сфере цифровизации бюджетных отношений.

Некоторые из этих положений также должны быть предусмотрены в Бюджетном кодексе РФ.

Особые требования должны раскрывать положения применительно к каждому конкретному бюджетному отношению и цифровой технологии, а также многие другие моменты, которые предстоит еще разработать приднестровскому законодателю. Главное – соблюдать важнейшее правило: во всех бюджетных отношениях первичным должно быть именно право, а указанные технологии – инструментом его реализации.

Литература

1. Зновьюк, Н. Н. Практика реализации цифровой трансформации органов государственного финансового контроля на примере Федерального казначейства / Н. Н. Зновьюк. – Текст : непосредственный // Теория и практика финансовых, правовых и учетно-аналитических аспектов развития: управление регионом в условиях цифровой экономики: сборник материалов региональной конференции, Симферополь, 25 февраля 2021 г. – Симферополь: Университет экономики и управления, 2021. – С. 230–235.
2. Левицкая, Е. П. Цифровая экономика / Е. П. Левицкая, П. А. Коновалова. – Текст : электронный // Экономика и менеджмент инновационных технологий. – 2018. – № 12. – URL : <http://ekonomika.snauka.ru/2018/12/16320> (дата обращения: 29.04.2024).
3. Соколова, Э. Д. К вопросу о совершенствовании финансово-правового регулирования бюджетной системы России в современных условиях ее развития / Э. Д. Соколова. – Текст : непосредственный // Бюджетная

система государства в условиях развития цифровой экономики: правовые и экономические аспекты: сборник материалов Международной практической конференции. Москва, 30 ноября 2020 г. – Москва : Российский Государственный университет правосудия, 2020. –С. 18–26.

Сведения об авторе

Виноградова Диана Юрьевна – старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин юридического факультета ГОУ «Приднестровский Государственный университет им. Т. Г. Шевченко».

E-mail: DiVin1981@yandex.ru

УДК 342.8

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ ГРАЖДАН ПОСРЕДСТВОМ СЕТИ ИНТЕРНЕТ

И. А. Воронина, А. В. Кирпичникова

Рассматриваются вопросы реализации избирательных прав граждан через Интернет. Акцентируется внимание на активном избирательном праве как отражении демократического характера выборов и государства. Приводится анализ проблем обеспечения и гарантии прав и свобод граждан, включая право на участие в выборах в сетевом пространстве.

Ключевые слова: *избирательное право, права и свободы гражданина, сеть Интернет.*

PROBLEMS OF REALIZATION OF CITIZENS' ELECTORAL RIGHTS VIA THE INTERNET

I. A. Voronina, A. V. Kirpichnikova

The article discusses the implementation of citizens' electoral rights via the Internet, focusing on active suffrage as a reflection of the democratic nature of elections and the state. An analysis of the problems of ensuring and guaranteeing the rights and freedoms of citizens, including the right to participate in elections in the network space, is provided.

Keywords: *electoral rights, civil rights and freedoms, the Internet.*

Невозможно отрицать безусловное влияние интернет-технологий на нашу жизнь; они становятся важной её составляющей и затрагива-

ют такие сферы общественно-правовой жизни, как конституционные права индивидуума. Сегодня практически любой человек может с помощью информационно-коммуникационных технологий дистанционно подать заявление в государственный орган, принять участие в голосовании, оплатить товар или получить другую услугу. Несмотря на эти, казалось бы, позитивные тенденции, все еще нельзя игнорировать наличие существенных проблем, а именно недостаточную законодательную проработку в области реализации прав граждан в сети Интернет (далее – Сеть).

В наши дни сеть Интернет приобретает все большую значимость не только как способ быстрого обмена сообщениями, но и как более приемлемый и часто выбираемый инструмент взаимодействия и диалога. Безусловно, личные права индивидуума также становятся объектом интернет-технологий, что требует от государства новых механизмов защиты этих прав и выработки новых направлений и условий их реализации. В то же время в российском правовом поле уже активно ведется работа по разрешению упомянутой проблемной «зоны».

В этой связи представляется актуальным упомянуть следующий законодательный акт: Федеральный закон от 2 февраля 2006 года № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», фактически регламентирующий реализацию прав и свобод граждан в Сети [2]. Следующим можно назвать Федеральный закон от 9 февраля 2009 года № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации и о деятельности государственных органов местного самоуправления», положения которого гарантируют создание необходимых условий для взаимодействия граждан с официальными структурами (органами государственной и местной власти) при помощи Сети [3].

Необходимо также упомянуть Стратегию развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 года № 203. Данная Стратегия провозглашает ряд основополагающих принципов, среди которых ведущее место занимает принцип обеспечения прав граждан на доступ к информации, а также ряд других [6].

Так, Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 года № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» называет «цифровую трансформацию» одной из целей, предусматривающей рост массовых социально значимых услуг, доступных в электронном виде [7].

Среди проблем информационной безопасности, выходящих на первый план, можно выделить:

1. Международное сотрудничество в сфере обеспечения информационной безопасности – углубление сотрудничества.

2. Интеграция достижений глобальных информационных технологий в национальную информационную инфраструктуру.

Для решения указанных проблем необходима официальная пропаганда на уровне правительственных учреждений, что позволит увеличить спрос на информационные сетевые услуги. Однако существует сдерживающий фактор – достаточно высокий уровень цен на компьютеры. Следует отметить, что еще в начале 2000-х годов Министерство связи и информатизации ставило задачу открытия в нашей стране около 1860 центров коллективного доступа к сети Интернет в регионах.

В России продолжает активно развиваться институт «информационного» общества, и такая интенсивная интеграция информационных технологий в деятельность органов публичной власти позволит:

1. Существенно сократить затраты на «официальный» сектор.

2. Эффективно улучшить качество услуг и расширить их перечень.

3. Стимулировать создание новых информационных технологий и продуктов.

Однако интеграция новых информационных продуктов в государственный сектор – это не простой процесс, вызванный рядом проблем на местах. Здесь государство выступает в роли балансирующего элемента между возрастающей конкуренцией, правовым регулированием и личными правами граждан.

Для выделения в отдельный блок вышеупомянутых проблем необходимо разграничить такие понятия, как «право на Интернет» и «реализация прав и свобод через Сеть». Собственно, «право на Интернет» не регламентировано общепризнанными нормами и принципами международного права, такими как Всеобщая декларация прав человека. Таким образом, понятие «право на Интернет» может быть не реализовано каждым, но там, где реализация имеет место, государство вводит различные ограничения в виде цензуры, например.

При реализации своих конституционных прав и свобод через Сеть гражданин сталкивается с определенными рисками. Поскольку все больше услуг становится доступными дистанционно, все больше аспектов частной жизни человека подвергаются уязвимости со стороны

государства и третьих лиц [8]. В этой связи реализация прав и свобод человека и гражданина, как в реальном, так и в сетевом пространстве, должна быть санкционирована и гарантирована государством. Конституция Российской Федерации предусматривает обязанность государства охранять и защищать достоинство личности как объединяющее начало всех прав и свобод [9].

Конституционные положения гарантируют одно из важнейших политических прав – право избирать и быть избранным (статья 32) [1]. Указанное правомочие относится к числу неотъемлемых правового статуса гражданина и подлежит охране и защите со стороны государства. Обеспечение надлежащей государственной защиты активного избирательного права, по сути, и составляет демократический смысл института выборов.

В условиях интернет-технологий «традиционный» контекст активного избирательного права немного трансформируется, поскольку у избирателя появляется возможность участия в избирательном процессе через Сеть. Формат дистанционного голосования позволяет восстановить активное избирательное право «внутренним мигрантам», что нивелирует проблему требования о наличии регистрации по месту жительства, существенно влияющей на возможность реализации конституционного права граждан Российской Федерации избирать своих представителей на региональном уровне [10]. В условиях активной интеграции Сети Интернет в общественно-государственную жизнь возникает необходимость пристального внимания к реализации активного избирательного права в виртуальном пространстве, поскольку такой уход от «традиционного» понимания голосования несет в себе множество «подводных» камней.

Нужно отметить, что современная избирательная система была введена в российское законодательство после принятия Конституции Российской Федерации от 12 декабря 1993 года. Вместе с развитием избирательного законодательства одновременно происходило автоматизированное обеспечение института выборов и самого избирательного процесса: от ручного подсчета голосов избирателей до упрощенной цифровой и электронной форм. Правовая регламентация порядка использования технических устройств и подсчета голосов отражена в Федеральном законе от 10 января 2003 года № 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации» (далее – Закон), чего не было в предыдущих редакциях данного Закона, а также не существовало четкого

перечня технических средств и устройств, применяемых на выборах [6]. Согласно положениям Закона о выборах решение о конкретных технических устройствах принимается Центральной избирательной комиссией (ЦИК) и комиссиями субъектов. Такая правовая формулировка дает возможность внедрения новых информационных технологий, обеспечивая модернизацию технических устройств подсчета голосов на участках.

Правовое регулирование электронного голосования началось с принятия Федерального закона от 9 марта 2016 года № 66-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации о выборах и референдумах и иные законодательные акты Российской Федерации» [5]. Возможность электронного голосования существенно расширила институт активного избирательного права и стала одной из его важнейших частей. Однако такая активная интеграция интернет-технологий в процесс голосования несет с собой некоторые проблемы, одна из которых – это невозможность обеспечения равного доступа всех к Сети.

Еще одной проблемой, требующей пристального внимания, остается сетевое мошенничество (например, фишинг). Кроме того, существует проблема отсутствия у конкретных избирателей знаний о том, как работают сервисы, позволяющие дистанционно голосовать. Нельзя также в полной мере исключить влияние административного ресурса в дистанционном формате голосования. Например, должностное лицо, обладая доступом к результатам голосования, может преднамеренно оказать влияние на конечный результат в своих интересах.

Как следствие, все вышеназванные проблемы значительно влияют на доверие избирателей к дистанционному электронному голосованию и в целом к институту выборов и государственной власти.

Несомненно, внедрение дистанционного электронного голосования принесло положительные аспекты, такие как минимизация ресурсов, затрачиваемых при проведении традиционных выборов. Речь идет не только о денежных затратах, но и о человеческих ресурсах. Кроме того, важным преимуществом дистанционного электронного голосования является удобство для избирателей: нет необходимости быть привязанным к конкретному времени работы избирательного участка и выстаивать в очереди. Этот формат голосования позволяет привлекать более широкое количество избирателей.

Немаловажным преимуществом дистанционной формы голосования является значительное снижение, хотя и не полного исключения, человеческого фактора, например, в отношении порчи бюллетеней.

Вот исправленный текст с учетом логических, пунктуационных, грамматических и орфографических ошибок:

Важнейшим аспектом внедрения дистанционной возможности реализации избирательных прав является отказ от таких процедурных правил, как временные ограничения, необходимые для осуществления активного избирательного права. Вместе с тем существуют и негативные стороны процесса реализации избирательных прав граждан посредством сети: отсутствует реальный механизм отслеживания правильности учета голосов. Однако «традиционный» способ подсчета голосов не всегда гарантирует точность результатов, поскольку могут быть допущены технические ошибки.

Актуализируется вопрос дистанционной формы голосования не только среди представителей молодого поколения, но и среди зрелой возрастной группы, поскольку удобство и минимизация затраченного времени являются очень привлекательными преимуществами. Однако несовершенство законодательной базы в данной сфере существенно влияет на качество услуги дистанционного электронного голосования.

Прежде всего, необходимо решить вопросы, связанные с обеспечением кибербезопасности, поскольку отсутствие законодательных механизмов защиты личных данных в сети вызывает растущее недоверие у населения к подобной форме голосования. Ведь основой дальнейшего развития сетевых форм волеизъявления является абсолютное доверие граждан к официальным цифровым платформам.

Помимо вышеупомянутых проблем, существуют и технические недоработки, такие как различные сбои в работе мобильных сервисов для голосования. Также имеется проблема ограниченной локализации конкретных приложений, что делает их недоступными для населения в других регионах.

Таким образом, для повышения эффективности и популяризации института дистанционного электронного голосования необходима масштабная проработка использования мобильных сервисов, охватывающих большую территорию государства, основанная не только на заинтересованности государства, но и, в первую очередь, на интересах населения.

Несомненно, институт дистанционного голосования для российской действительности представляет собой новеллу, но, несмотря на это, он привлекает внимание населения своей новизной. Однако критика, как правило, исходит от возрастных групп, поскольку данная социальная группа не столь активно взаимодействует с интернет-технологиями.

Среди прочего можно выделить еще одну значимую проблему – недостаточность отечественных технологических разработок и протоколов шифрования. Вследствие этого работа многих мобильных платформ затруднена, поскольку зарубежные разработки в данной области не прошли сертификацию.

В этой связи следует учитывать, что в России формат дистанционного голосования ограничен по времени использования, что существенно влияет на его актуальность среди общественности. Однако подобный вектор может кардинально изменить свое направление в будущем, если будет учтен успешный опыт выборов в различных регионах и на разных уровнях.

Можно констатировать, что, несмотря на активное внедрение интернет-технологий и цифровых решений в нашу жизнь, их влияние еще незначительно. Говоря об осуществлении избирательных прав посредством Сети, следует отметить, что в российской действительности выборы проводятся не так часто, и политико-экономическую ситуацию по-прежнему формируют господствующие силы и элиты. Таким образом, именно эти силы становятся объектом злоупотребления сетевыми коммуникациями, а информация о них – орудием публичной власти. Такое положение вещей позволяет сделать вывод, что онлайн-пространство превращается в арену внутривнутриполитического противостояния между политическими группировками.

Насущной проблемой, напрямую связанной с осуществлением избирательных прав посредством Сети, остается порядок правовой регламентации агитации. Суть данной проблематичной зоны заключается в том, что сетевая агитация зачастую осуществляется на интернет-ресурсах, не имеющих статуса средств массовой информации.

Кроме того, можно выделить ряд других проблем, связанных с агитацией в онлайн-пространстве:

1. Сложность в определении круга правонарушителей законодательства в данной области.
2. Отсутствие точного указания на количество материалов, размещаемых в онлайн-пространстве.

3. Неясность временных рамок, в течение которых размещенные материалы будут доступны; зачастую после завершения агитационного периода ресурсы продолжают оставаться в свободном доступе.

Серьезной проблемой также остается распространение недостоверной информации о кандидатах, что значительно влияет на мнение избирателей. В этой связи законодателю необходимо разработать механизмы опровержения такой информации, введя законодательно обязанность для интернет-площадок, зарегистрированных в качестве средств массовой информации.

Таким образом, важность дистанционной реализации избирательных прав заключается в том, что избиратель получает возможность выбора места голосования в зависимости от своих потребностей и возможностей, а также ощущает личную свободу, поскольку не привязан к определенным временным рамкам работы избирательного участка, как при традиционном способе голосования. Однако этот формат также влечет за собой множество рисков.

Кроме того, необходимо сосредоточить усилия государства на повышении правовой грамотности и правовой культуры среди населения. Такие действия приведут к пониманию своих прав, их границ и способов защиты с помощью правовых механизмов.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.). – Текст : непосредственный // Российская газета. – 1993. – № 237.

2. Федеральный закон от 2 мая 2006 года № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации». – Текст : непосредственный // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 19. – С. 2060.

3. Федеральный закон от 9 февраля 2009 года № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления». – Текст : непосредственный // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2009. – № 7. – С. 776.

4. Федеральный закон от 10 января 2003 года № 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации». – Текст : непосредственный // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 2. – С. 171.

5. Федеральный закон от 9 марта 2016 года № 66-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации о выборах и референдумах и иные законодательные акты Российской Федерации». – Текст : непосредственный // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 11. – С. 1493.

6. Указ Президента РФ от 21 июля 2020 года № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». – Текст : непосредственный // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 30. – С. 4884.

7. Стратегия цифровой трансформации обрабатывающих отраслей промышленности в целях достижения их «цифровой зрелости» до 2024 года и на период до 2030 года. – URL : <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401415210/?ysclid=lvnolch4s1827107091> (дата обращения: 30.05.2024). – Текст : электронный.

8. Гаджиева, А. О. Активное избирательное право в цифровую эпоху : правовой аспект / А. О. Гаджиева, А. А. Костырко, А. С. Кошель. – URL: <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1714551777&tld=ru&lang=ru&name> (дата обращения: 30.05.2024). – Текст : электронный.

9. Саликов, М. С. Права и свободы человека в Сети Интернет: особенности реализации и защиты / М. С. Саликов, С. Э. Несмеянова. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/k-postanovke-problemy-ob-osobennostyah-realizatsii-i-zaschity-prav-i-svobod-cheloveka-v-seti-internet/viewer> (дата обращения: 30.05.2024). – Текст : электронный.

10. Остапович, И. Ю. Реализация и защита прав человека в сети Интернет : проблемы соотношения и баланса / И. Ю. Остапович, А. В. Нечкин. – URL : <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1714547128&tld=ru&lang=ru&name=17.pdf&text> (дата обращения: 30.05.2024). – Текст : электронный.

Сведения об авторах

Воронина Ирина Аркадьевна – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории государства и права и конституционного права, Оренбургский государственный университет.

E-mail: post@mail.osu.ru

Кирпичникова Анастасия Владимировна – старший преподаватель кафедры теории государства и права и конституционного права, Оренбургский государственный университет.

E-mail: darkevil89@mail.ru

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ

Т. А. Демина

Знаковым элементом современного миропорядка выступают процессы информатизации и цифровизации. Использование современных технологий расширяет возможности человека и общества в целом. При этом несомненные положительные результаты сопровождаются определенными проблемами, негативными последствиями и рисками. В таких условиях, при проведении государственных и правовых реформ, важен системный подход, который позволит минимизировать риски и сохранить национальные особенности и государственную специфику. Особое внимание в этой связи следует уделить тем сферам государства и общества, которые связаны с воспитанием подрастающего поколения.

Ключевые слова: информационные технологии, традиции, инновации, образование, цифровизация, проблемы.

INFORMATION TECHNOLOGIES AND NATIONAL TRADITIONS

T. A. Demina

A significant element of the modern world order is the processes of informatization and digitalization. The use of modern technologies expands the capabilities of individuals and society as a whole. At the same time, undoubted positive results are accompanied by certain kinds of problems, negative consequences and risks. In such conditions, when carrying out government and legal reforms, it is important to have a systematic approach that will minimize risks and preserve national characteristics and state specifics. In this regard, special attention should be paid to those areas of the state and society that are associated with the education of the younger generation.

Keywords: information technology, traditions, innovation, education, digitalization, problems.

Современный мир все больше обретает так называемую цифровую форму, проявления которой наблюдаются в самых разнообразных сферах. Поэтому цифровизация становится неотъемлемым фактором жизнедеятельности общества.

На сегодняшний день нет единого понимания значения и роли цифровизации. Даже сам этот термин в исследованиях рассматривается с разных позиций, к числу которых можно отнести понимание цифровизации как процесса перевода информации в «цифру», как средство усовершенствования бизнеса, инфраструктуры, управления, культуры и образования, а также как новое направление развития научной мысли, общения и взаимодействия. Кроме того, цифровизация рассматривается как новый этап жизнедеятельности общества в целом, нацеленный на изменение качества жизни людей.

Обозначенный поворот привел к повышению значимости как новых технологий, так и навыков и умений их применения и использования. К числу актуальных можно отнести те технологии, которые уже сегодня снабжены возможностями анализа и прогноза, что позволяет воздействовать на эффективность управленческих решений и позицию населения. Среди таких технологий можно выделить нейронные сети и искусственный интеллект.

Большое значение для общества современные авторы придают также технологиям «больших данных», «облака», «интернет вещей», когнитивным и мобильным технологиям [1].

В связи с возросшей ролью новых технологий в самых различных сферах повышается потребность в специалистах, готовых генерировать и обслуживать инновации. Эту задачу призвана решить система образования. Наряду с подготовкой специалистов нового поколения перед системой образования также поставлена задача трансформации с учетом новых реалий.

Инновационные технологии постепенно охватывают образовательную среду. Особая роль отводилась таким технологиям в годы пандемии, при организации образовательного процесса в дистанционном формате. Для Приднестровья это был, кроме прочего, и период действия чрезвычайных режимов. Подобные условия на длительный срок перевели образование в дистанционный формат.

Сегодня готовы результаты исследований по мониторингу влияния новых технологий на образование. Обратимся к результатам мониторинга, проведенного под эгидой ЮНЕСКО, которые были опубликованы в мировом докладе «Технологии в образовании: на чьих условиях?».

Авторы доклада призывают с особой тщательностью относиться к оценке эффективности инноваций в системе образования. Указывается

на практически невозможность оценить положительный опыт в сфере применения новых технологий. При этом отмечается, что преимущества в этой области очень сложно определить. Это связано, в том числе, с быстрой сменой технологических продуктов (как правило, в рамках трех лет).

К числу положительных результатов авторы относят предоставление новых возможностей для инвалидов, жителей труднодоступных районов, а также организацию дистанционного обучения в сложной обстановке, например, во время пандемии. ИТ призваны обеспечивать поддержку обучаемых и создавать условия для реализации их права на образование в широком смысле при любых обстоятельствах.

К числу проблем авторы отнесли: неравный доступ к интернету, снижение успеваемости, несогласованность систем данных и образовательных платформ, падение дисциплины, недостаток личного общения, а также угрозу нарушения прав человека и демократических принципов в целом.

Как отмечено в докладе, страны констатировали, что мобильные устройства отвлекают обучающихся и отрицательно влияют на процесс обучения. Такие результаты привели к тому, что четверть стран ввела запрет на использование смартфонов в школах [2].

Приднестровье, в свою очередь, также постоянно отслеживало ситуацию в сфере образования. Результатом стало принятие изменений в Закон ПМР «Об образовании» с целью запрета мобильных устройств в системе среднего образования с нового 2024 учебного года [7].

Аналогично, в России годом ранее утвердили закон, запрещающий школьникам использовать мобильные телефоны на уроках, за исключением экстренных случаев, связанных с угрозой жизни или здоровью.

Что касается системы высшего образования, то показателен опыт зарубежных стран, в частности США, в части применения онлайн-технологий. Как правило, престижные вузы в Америке отказываются от дистанционного образования, отдавая предпочтение классической модели очного обучения с использованием инновационных возможностей цифровых технологий [5, с. 21].

Исследование вопроса показало две сформированные точки зрения на применение ИТ в системе образования. Сторонники классической модели настаивают на дозированном использовании новых технологий в процессе обучения. Такой инструментарий оправдан как

дополнение к традиционному образованию, в котором центральной фигурой остается преподаватель, которого современные технологии просто не могут заменить.

Представители другого лагеря утверждают, что современные школьники и студенты обладают принципиально новыми возможностями и способностями, поэтому необходима перестройка образовательного процесса. Новый образовательный подход обозначается термином «коннективизм» и предполагает ориентацию на ученика с активным использованием цифровых инструментов. Преподаватель при таком подходе перестает быть ключевой фигурой в процессе образования и даже не предоставляет учебный материал. К достоинствам такой системы сторонники относят:

- формирование самостоятельности обучающегося;
- персонализацию учебных курсов;
- гибкость образовательного процесса с возможностью сочетания учебы в учебном заведении с другими формами;
- решение проблем, связанных с физическим, эмоциональным и когнитивным состоянием обучающихся, а также логистики (например, проживание вдали от места обучения) и другими аспектами [4, С. 477–478].

Вторая из обозначенных выше задач в системе образования заключается в трансформации данной системы. Подобная реформа направлена на серьезное техническое оснащение учебных заведений, включая доступ к электронным ресурсам и современным научным достижениям. Однако такая трансформация ставит перед исследователями новые вопросы, так как ее реализация связана с рядом проблем:

1. Новые технологии сами по себе не приведут к повышению уровня образования. Решение проблем цифровой технической отсталости неизбежно приведет к неравенству среди тех, кто способен выполнять только стандартные операции, и тех, кто может стать у истоков появления новых инновационных продуктов.

2. Новые технологии в образовательной среде и новые требования к специалистам, выпускаемым из высших учебных заведений, требуют определенных знаний и умений со стороны преподавателя для формирования его цифровой грамотности.

3. Создание цифровой образовательной среды для всех участников образовательного процесса, которая представляет собой совокупность информационных систем, цифровых устройств, источников, инстру-

ментов и сервисов, обеспечивает эффективность образовательного процесса и работу учебных заведений.

4. Отсутствие единого стандарта цифровых решений и форматов электронных курсов, единых платформ или требований к совместимости отдельных сервисов, а также отсутствие согласованных требований и стандартов качества электронного контента и онлайн-курсов, создает проблему в области защиты авторских прав [8].

В этой связи уместно обратиться к опыту российских исследователей, которые оценивали эффективность применения отдельных образовательных платформ (Moodle, Blackboard, Desire2Learn и др.). По мнению исследователей, «к основным недостаткам систем относятся несоответствие специфике организации образовательного процесса в высшей школе РФ и отсутствие российских сертификатов по защите информации» [6]. Кроме того, не определены универсальные правила использования систем управления, что приводит к появлению самостоятельных механизмов в стенах учебного заведения. Также отмечается практика дублирования функций педагога как в рамках проведения аудиторных занятий, так и при формировании электронных ресурсов, что свидетельствует об увеличении нагрузки на преподавателя.

Интерактивные технологии не всегда вызывают интерес у аудитории. Дополнение лекции презентацией и слайдами не всегда оказывается эффективным. Использование механизмов онлайн-тестирования также не может свидетельствовать о реальных результатах успеваемости из-за трудностей идентификации реального исполнителя.

Поэтому личность преподавателя, его живая речь и контроль знаний в аудитории продолжают сохранять свою актуальность в обеспечении образовательного процесса.

Хочется отметить еще одну проблему, касающуюся электронных курсов. При личном взаимодействии со студентами преподаватель может оценить уровень знаний группы и особенности восприятия. Иногда внутри одного потока встречаются студенты, требующие совершенно разного подхода к обучению, не говоря уже о студентах разных направлений подготовки.

В целом, по мнению исследователей, важную конкуренцию классической национальной модели образования составляют такие образовательные ресурсы, как Coursera, НОУ ИНТУИТ, Lectorium, Российская национальная платформа открытого образования [9].

Отказ от классических методов в системе образования в пользу новых технологий не требуется. Важно разумно использовать имеющиеся возможности, анализировать происходящие процессы, делать выводы и искать пути решения проблем. Именно тогда система образования будет способна отвечать реалиям времени в плане подготовки действительно востребованных специалистов в любой отрасли.

Таким образом, поднимаемые в обществе вопросы, связанные со значимой ролью информационных технологий, свидетельствуют о том, что перед системой образования поставлены серьезные задачи по их внедрению в образовательные процессы. Значимость новых технологий и предоставляемые ими возможности в процессе обучения не вызывают сомнений. Многие из них представляют интерес как для педагогов, так и для обучающихся. Главное – определить эффективность применения, соответствие рабочим программам и учебным планам, а также потребностям государства и общества.

Современный подход, в отличие от традиционного, имеет большую ориентацию на обучающего, мотивацию его самостоятельной деятельности и обеспечение гибкости образовательного процесса. При этом все открываемые возможности, в том числе и по использованию искусственного интеллекта, не могут нивелировать роль педагога в обеспечении воспитательных и образовательных процессов. Новые технологии необходимы как дополнительные вспомогательные средства и призваны обеспечить эффективный образовательный процесс по подготовке и переподготовке специалистов.

Новые возможности могут быть реализованы и принести пользу обществу только при их разумном использовании и решении отдельных проблемных моментов технического, социального и психологического характера. Эффект цифровых технологий в образовании возможен только при глубоком анализе возможностей и личностных особенностей обучающихся, разумном их применении и постоянном самообразовании профессорско-преподавательского состава, с сохранением национальных традиций и особенностей.

Литература

1. Введение в «Цифровую» экономику / А. В. Кешелава, В. Г. Буда-нов, В. Ю. Румянцев [и др.]; под редакцией А. В. Кешелава. – ВНИИГе-осистем, 2017. – 28 с. – Текст : непосредственный.

2. Всемирный доклад ЮНЕСКО по мониторингу образования «Технологии в образовании : на чьих условиях ?». – URL : https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000386147_rus (дата обращения : 19.05.202). – Текст : электронный.

3. Индустрия российских медиа : цифровое будущее : академическая монография / Е. Л. Вартанова, А. В. Вырковский, М. И. Максеенко, С. С. Смирнов. – Москва : МедиаМир, 2017. – 160 с. – Текст : непосредственный.

4. Ковба, Д. М. Цифровые технологии в образовании : история, проблемы и возможности / Д. М. Ковба. – Текст : непосредственный // Сборник материалов XXI российской научно-практической конференции (с международным участием). – Екатеринбург, 2019. – С. 473–478.

5. Кочергин, Д. Г. Опыт цифровизации высшего образования за рубежом / Д. Г. Кочергин. – Текст : непосредственный // Профессиональное образование в России и за рубежом. – 2019. – № 2 (34). – С. 12–23.

6. Мельникова, Е. В. Образовательная информационная среда университета как средство развития информационной компетентности студента / Е. В. Мельникова. – Текст : непосредственный // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Естественные, общественные науки. – 2016. – № 1. – С. 44–48.

7. Официальный сайт Верховного Совета ПМР. – URL : <https://www.vspmr.org/news/supreme-council/zapret-ispoljzovaniya-gadgetov-naurokah-zakonoproekt-prinyat-v-pervom-chtenii.html> (дата обращения: 15.05.2024). – Текст : электронный.

8. Уваров, А. Ю. Проблемы и перспективы цифровой трансформации образования в России и Китае / А. Ю. Уваров, С. Ван, Ц. Канидр; ответственный редактор И. В. Дворецкая. – Москва : Изд. Дом Высшей школы экономики, 2019. – С. 155. – Текст : непосредственный.

9. Тульчинский, Г. Л. Цифровая трансформация образования: вызовы высшей школе / Г. Л. Тульчинский. – Текст : непосредственный // Философские науки. – 2017. – № 6. – С. 121–136.

Сведения об авторе

Демина Татьяна Анатольевна – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин юридического факультета.

E-mail: tagen809@rambler.ru

К ВОПРОСУ О КРИТЕРИЯХ ДОПУСТИМОСТИ ИНФОРМАЦИИ, ПОЛУЧЕННОЙ ПОСРЕДСТВОМ ВИДЕО-КОНФЕРЕНЦСВЯЗИ, В ЦЕЛЯХ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Е. В. Завгороднева, А. Г. Голощапова

В статье уделено внимание исследованию допустимости информации, полученной посредством технических средств для доказательств по уголовным делам. Проведен анализ проблем допустимости доказательств в электронном формате в России, а также изучена практика применения цифровых технологий в иностранных государствах.

Ключевые слова: информатизация, доказательства, информационные технологии, цифровизация.

ON THE QUESTION OF THE CRITERIA FOR THE ADMISSIBILITY OF INFORMATION OBTAINED THROUGH VIDEO CONFERENCING FOR THE PURPOSE OF PROVING CRIMINAL CASES

E. V. Zavgorodneva, A. G. Goloshchapova

The article focuses on the study of the admissibility of information obtained through technical means for the purpose of proving criminal cases. The analysis of the problems of the admissibility of electronic format evidence in Russia is carried out. The practice of using digital technologies in foreign countries is analyzed.

Keywords: informatization, evidence, information technology, digitalization.

В условиях постоянной информатизации и компьютеризации общества вопросы использования достижений научно-технического процесса при рассмотрении уголовных дел становятся центральной проблемой процессуального законодательства. Главным стержнем этой проблемы является использование электронных систем для расследования уголовных дел.

Уголовно-процессуальный закон не содержит прямого указания на возможность использования сведений в уголовном судопроизводстве, представленных в цифровом формате. Законодатель предпочел огра-

ничиться лишь упоминанием «носителей электронной информации» в нескольких статьях УПК РФ (ч. 4 ст. 81, ст. 82, ч. 8 ст. 166, ч. 9.1 ст. 182, ч. 3.1 ст. 183 УПК РФ) [1].

По мнению Ю.Н. Соколова, справедливо поднимается вопрос о необходимости регламентации в ст. 5 УПК РФ понятия «информационных технологий» в уголовном судопроизводстве. Под таковыми понимается совокупность процессов сбора, фиксации, обработки, накопления, хранения, поиска и представления процессуальной и непроцессуальной информации, а также способов и методов их существования, которые протекают в соответствии с назначением уголовного судопроизводства [5, с. 122].

Чтобы электронные доказательства считались допустимыми в суде, их безопасность и методы извлечения должны соответствовать правилам электронных доказательств. Для того чтобы суды признали их допустимыми для дачи показаний с помощью видеосвязи и других цифровых механизмов, необходимо установить несколько предварительных условий для подтверждения их подлинности.

Предположим, что электронное письмо используется в качестве цифрового доказательства. Как в этом случае доказать, что конкретное лицо является автором этого текста или отправленных данных? Все доказательства должны быть собраны с использованием соответствующих технических средств, прежде чем их можно будет представить в суде. Подлинность доказательства является необходимым аспектом: его приемлемость в суде будет зависеть от способа его получения.

Одним из правил допустимости цифровых доказательств является правильная обработка этих доказательств. Учитывая, насколько изменчивы цифровые данные, одна ошибка может сделать доказательства бесполезными. Ответчики могут использовать малейшую ошибку в обращении с доказательствами в качестве основания для их аннулирования.

Это можно предотвратить только с помощью надлежащей интегрированной системы, где процессы работы с каждым отдельным файлом могут быть отслежены до и даже после дачи показаний в суде по видеосвязи. Эксперт по цифровой криминалистике отвечает за использование специализированных инструментов и методов при сборе доказательств с точек приема и носителей данных, таких как жесткие диски. Такой человек понимает важность сохранения целостности до-

казательств и создает точное изображение накопителя, которое является точной копией оригинала.

Подлинность цифровых доказательств имеет первостепенное значение при определении их допустимости в судебном разбирательстве. Важно учитывать такие факторы, как способ получения доказательств, методы его обработки и полная документация, начиная с источника и до момента его представления в зале суда.

Целесообразно подчеркнуть особую правовую природу электронного доказательства, которая включает в себя две основные составляющие: информацию, отвечающую за формирование содержания, и обязательные реквизиты, представляющие собой специфический набор электронных данных. Закон связывает неотъемлемые свойства электронного доказательства, такие как подлинность, достоверность, целостность и пригодность для использования. Именно обязательные реквизиты формируют основу юридической силы электронных доказательств.

Распространение предложенного обозначения электронного доказательства возможно во всех сферах его применения. Однако в контексте его использования в качестве средства доказывания следует дополнительно подчеркнуть необходимость еще одного обязательного признака информации как составляющей электронного документа — она должна содержать данные об обстоятельствах, имеющих значение для дела. Таким образом, под электронными документами можно понимать зафиксированную в электронной (цифровой) форме информацию (в том числе текстовую, в виде графических изображений, планов, фотографий, видео и звукозаписей т.д.), которая содержит юридически значимые данные об обстоятельствах дела и реквизиты, определенные законодательством как обязательные.

Электронный документ правильно считать сложным комплексным понятием на пересечении различных отраслей науки. Последующее исследование его правового значения должно происходить в двух направлениях: первое — рассматривать электронный документ как самостоятельный вид электронных доказательств, а второе — как основную электронную форму существования информации, информационную единицу единой судебной информационно-телекоммуникационной системы [3, с. 114].

Такая дуалистичность электронного документа имеет важное практическое значение, поскольку без надлежащего технического ин-

струментария для участников процесса, прежде всего для суда, трудно представить возможность представления электронных документов как доказательств в их первичном формате.

Возможность проверки судом соблюдения законодательства о скреплении электронных доказательств электронной цифровой подписью практически невозможна без обеспечения суда соответствующим программным и аппаратным обеспечением. От соблюдения этих требований напрямую зависит признание доказательства допустимым.

Анализ электронного документа с точки зрения его использования в качестве источника доказательств требует, чтобы информация, содержащаяся в документе, имела значение для решения дела и была связана с предметом доказывания. Этот процессуальный аспект содержательного компонента является обязательным, поскольку для суда доказательное значение имеет именно информация, а не ее носитель.

Кроме того, в настоящее время электронный документ не связан неразрывно с его носителем: физический носитель может быть заменен на другой без утраты процессуального значения для самого содержания. В то же время создаются все условия для представления электронных документов в суд без использования материальных носителей, что позволяет совершать процессуальные действия непосредственно с самим электронным документом, а не с его носителем [4, с. 27].

Со стремительным развитием компьютерных технологий и появлением разнообразных инструментов передачи и хранения цифровых данных, а также автономизацией электронных доказательств среди письменных и вещественных, материальный носитель электронного документа теряет свое самостоятельное правовое значение. В результате он не может считаться формой документа как его стабильный отличительный признак. Материальный носитель становится элементом внешним по отношению к электронному документу (находится за пределами его статической структуры) и должен занимать отдельное место среди его компонентов.

На каждом этапе необходимо удостовериться в том, что доказательства не были изменены каким-либо образом. Все эти меры принимаются для обеспечения подлинности и достоверности цифровых доказательств, чтобы они оставались подлинными, неповрежденными и свободными от вмешательства или подделки. Перечисленные ниже результаты поддержания подлинности и надежности доказательств демонстрируют следующее:

1. Данные о доказательствах не изменились по сравнению с их первоначальным состоянием.

2. Представленные доказательства должны исходить от устройства, которое, как утверждается, является источником.

3. Все временные метки, связанные с указанными доказательствами, должны быть точными.

Также можно отметить преимущества электронного документооборота для правоохранительных органов:

1. Экономия места. Хранение бумажных документов может занимать сотни или даже тысячи кубических метров. Система управления документами позволяет хранить необходимые физические документы и освобождает место для других целей.

2. Повышение эффективности работы персонала. В рамках системы электронного документооборота суд может предоставлять доступ к конкретным документам из удаленных мест круглосуточно. Это позволяет сотрудникам получать формы и просматривать информацию со своих рабочих станций и устройств, подключенных к интернету. Благодаря оптическому распознаванию символов и интеллектуальным возможностям обработки данных судья, например, может быстро находить информацию в нескольких томах юридических журналов и материалов дел всего за считанные минуты. Кроме того, система управления документами позволяет нескольким лицам одновременно работать с одним и тем же документом.

3. Улучшение доступа общественности к информации. Обеспечение доступа к документам в интернете, таким как заявки на получение лицензий, позволяет судебной системе значительно сократить использование бумаги и одновременно облегчает доступ к информации. Когда общественность может просматривать документы онлайн, у сотрудников появляется больше времени для выполнения своих основных обязанностей.

4. Улучшенная целостность дел. Системы управления документами позволяют пользователям просматривать файлы, не внося в них изменений. Если у пользователя есть право на редактирование, программное обеспечение отслеживает все изменения, что помогает сохранить целостность исходного файла и создать виртуальный бумажный след.

5. Возможности планирования. Встроенные календари в системах управления документами делают процесс отслеживания дел более эффективным. Календарь может уведомлять ответственных лиц, когда

наступает время архивировать или уничтожать как физические, так и электронные файлы.

6. Точная информация в режиме реального времени. Система электронного документооборота позволяет уполномоченным пользователям мгновенно обновлять данные, обеспечивая доступ к актуальной информации в режиме реального времени. Это особенно полезно для таких специалистов, как сотрудники службы пробации, тюремный персонал и адвокаты [5, с. 3].

7. Непрерывность процесса. Создание электронных документов защищает уязвимую и конфиденциальную информацию от кражи, повреждений и катастроф. Например, если здание суда подвергнется наводнению или пожару, процесс восстановления будет проще и дешевле, так как электронные копии документов уже будут храниться в безопасном месте. Благодаря технологиям шифрования и протоколам безопасности цифровые документы с меньшей вероятностью будут утрачены, повреждены или обработаны неправомерно.

Электронный документооборот для судов делает системы правосудия более эффективными за счет оптимизации процессов и обеспечения соблюдения местных и федеральных правил. В случае аварии системы документооборота защищают записи от потерь.

Практика создания и использования электронного документооборота требует правовой регламентации. Это включает в себя придание электронным документам юридического статуса, а также защиту информации от несанкционированного доступа. Если в традиционных документах подлинность удостоверяется подписью лица и печатью, то для электронного документа, представляющего собой «систему определенным образом организованных и соответствующих друг другу специальных символов, кодов и электрических сигналов, существующих в телекоммуникационной среде», традиционные способы удостоверения оказались совершенно непригодными [6, с. 98].

Существование электронного документа практически в неограниченном количестве и признаваемого оригиналом, имеющим одинаковую юридическую силу, предполагает организацию мер, направленных на защиту от несанкционированного внесения изменений в текст и удостоверяющие реквизиты.

Например, в Казахстане ч. 1 ст. 345 УПК устанавливает, что главное судебное разбирательство происходит в условиях, обеспечивающих нормальную работу суда и безопасность участников процесса. Также

указано, что оно может происходить в режиме видеосвязи, решение о котором принимает председательствующий по делу [2].

По решению лица, осуществляющего досудебное расследование, а также по просьбе подозреваемого, обвиняемого, свидетеля или потерпевшего при допросе могут быть применены звуко- и видеозаписи. О применении звуко- и видеозаписи допрашиваемый уведомляется до начала допроса.

При этом ч. 2 ст. 213 УПК устанавливает, что использование при дистанционном допросе научно-технических средств и технологий должно обеспечивать надлежащее качество изображения и звука. Применение таких средств признается допустимым при наличии ряда требований, указанных в п. п. 1-4 ч. 3 ст. 126 УПК. Эти требования заключаются в том, что средства должны быть:

- 1) прямо предусмотрены законом или не противоречить его нормам и принципам;
- 2) научно состоятельны;
- 3) эффективны при производстве по уголовному делу;
- 4) безопасны.

Звуко- и видеозаписи должны отражать весь ход допроса и содержать полные показания допрашиваемых лиц. Запись отдельных частей допроса, а также повторение показаний, данных в ходе того же допроса, не допускаются. Показания, полученные с использованием звуко- и видеозаписей, заносятся в протокол допроса, а записи полностью воспроизводятся допрашиваемому.

Методы информационных технологий варьируются от компьютерной транскрипции до цифровых аудиосистем и аудиовизуальных записей. Разные страны используют различные методы. Например, Румыния, при поддержке Всемирного банка, внедрила аудиозаписи во всех судах. В недавнем отчете о завершении реализации проекта было установлено, что это значительно повысило как эффективность, так и подотчетность румынской судебной системы. Национальная судебная инспекция также использует записи для проверки поведения судей и применяет их в ряде дел о коррупции и неправомерных действиях. Ранее рукописные заметки хранились секретарями, но не обеспечивали необходимой надежности для отчетности. Теперь записи доступны участникам дела в течение одного дня по запросу и высоко ценятся как практический инструмент. В настоящее время ежедневно запрашиваются сотни записей.

Как аудио, так и видеозаписи также доступны в Хорватии, однако они еще не полностью внедрены в повседневную судебную практику. Стороны могут запрашивать записи, но только с разрешения председательствующего судьи. Видеозапись чаще используется для слушаний по уголовным делам и для дачи показаний уязвимыми свидетелями в режиме видеоконференции, а также Верховным судом – для открытых заседаний. В других случаях пользователи жалуются, что процесс транскрипции недостаточно быстр для их нужд.

В Африке Кения проводит экспериментальное внедрение системы видеозаписи. Ранее рукописные записи судьи составляли единственный протокол судебного заседания, поэтому кенийские судьи часто делали обильные записи, что мешало им активно участвовать в разбирательстве и наблюдать за сторонами.

Некоторые из потенциальных преимуществ технологий включают следующие:

- Цивилизованное поведение: мониторинг зала суда способствует более вежливому поведению участников, что, в свою очередь, может улучшить нормы поведения, пользовательский опыт и удовлетворенность судебным процессом.

- Повышение эффективности: наличие транскрипции в режиме реального времени позволяет судьям и адвокатам просматривать стенограммы и делать заметки в процессе, что экономит время и деньги суда, адвокатов и сторон. Это также позволяет сторонам и судьям сосредоточиться на разбирательстве, а не на ведении записей.

- Повышение прозрачности и подотчетности: электронные записи могут повысить доверие законности разбирательств и служить доказательством неправомерного поведения. Апелляционные суды могут использовать записи для пересмотра дел, обеспечивая процессуальную целостность, особенно в делах, которые опираются на визуальные или устные сигналы.

- Предотвращение процессуальных злоупотреблений или коррупции: хотя электронная запись не может полностью остановить совершение преступлений за пределами зала суда (некоторые утверждают, что это просто уводит коррупцию еще дальше в подполье), усиление контроля может иметь сдерживающий эффект.

- Расширение доступа к правосудию: видеосвязь предлагает более благоприятные условия для дачи показаний уязвимыми жертвами и обвиняемыми, поскольку они могут проходить за пределами зала суда.

Электронная запись также имеет свои недостатки. Автоматизированные системы могут быть громоздкими, дорогостоящими и вызывать задержки, поскольку их необходимо регулярно обслуживать, а технология не всегда имеет открытый исходный код.

Важно отметить, что не все технологии равны. Видеозаписи стоят дороже и требуют больше места для хранения больших электронных файлов по сравнению с аудиозаписями. Любая технология в зале суда также требует квалифицированного персонала, способного эффективно управлять ей, что увеличивает дополнительные расходы на обучение и поддержку.

Технология требует больше времени: например, для просмотра 5-часовых показаний необходимо 5 часов просмотра видео, в то время как чтение стенограммы займет всего 30 минут. Неисправности оборудования могут привести к серьезным последствиям, иногда требующим повторного рассмотрения.

Поскольку страны рассматривают, как наилучшим образом автоматизировать этот аспект судебного процесса, следует тщательно оценить разнообразный опыт. Однако технология является средством, а не окончательным решением. Когда судебные органы внедряют технологии в залах судебных заседаний, крайне важно выяснить, какие варианты работают лучше всего для повышения эффективности и качества правосудия.

Подводя итог, можно отметить, что центральным элементом в системе электронных доказательств является электронный документ. Анализ электронного документа с точки зрения его использования в качестве источника доказательств требует, чтобы информация, содержащаяся в документе, имела значение для решения дела и была связана с предметом доказывания.

Полагаем, перспективным является использование электронных носителей информации в качестве «иных документов». Перспективность определяется тем, что доказательственная информация может сохраниться не только в бумажных протоколах следственных действий, но и в электронном виде (возможность фиксации сведений, содержащихся, в ином виде по ч. 2 ст. 84 УПК РФ).

Успешное применение информационных технологий в российских судах требует их активного внедрения и на стадии предварительного расследования. В этом направлении, на наш взгляд, также должно двигаться уголовное судопроизводство России.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : офиц. текст : по состоянию на 10 октября 2022 года // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2022. – № 41. – Ст. 6946. – ISSN 1560-0580. – Текст : непосредственный.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V. – URL : https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31575852 (дата обращения: 05.10.2024). – Текст : электронный.
3. Алимов, Э. В. Защита данных : научно-практический комментарий к судебной практике / Э. В. Алимов. – Москва: ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2020. – 176 с. – ISBN 978-5-6043246-6-0. – Текст : непосредственный.
4. Зайцев, П. П. Электронный документ как источник доказательств / П. П. Зайцев. – Текст : непосредственный // Законность. – 2022. – № 4. – С. 27-48. – ISSN 0869-4486.
5. Зуев, С. В. Информационные технологии как предмет уголовно-процессуального регулирования / С. В. Зуев. – Текст : непосредственный // Мировой судья. – 2021. – № 5. – С. 3–18. – ISSN 2072-4152.
6. Радиванович, Н. Н. Правовая информатизация Республики Беларусь : становление и перспективы развития / Н. Н. Радиванович. – Минск, Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, 2017. – 366 с. – ISBN 978-985-577-113-6. – Текст : непосредственный.
7. Соколов, Ю. Н. Технологичность – свойство уголовного судопроизводства / Ю. Н. Соколов. – Текст : непосредственный // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения РАН. – 2020. – № 1. – С. 122–144. – ISSN 2305-7742.

Сведения об авторах

Завгороднева Екатерина Валерьевна – преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики ФГБОУ ВО Оренбургский государственный университет.

Е-mail: Korniyaseva.katy@mail.ru

Голощанова Александра Георгиевна – преподаватель кафедры административного и финансового права ФГБОУ ВО Оренбургский государственный университет.

Е-mail: sanechka_dom@mail.ru

ПРАВА И СВОБОДЫ СУВЕРЕННОЙ ЛИЧНОСТИ

И. А. Иванников

Посвящена правам и свободам суверенной личности. Цель статьи заключается в том, чтобы показать, что статус суверенной личности связан с понятием правовой статус личности, достичь который можно лишь при наличии объективных и субъективных предпосылок в социально-правовом государстве. Автор сделал вывод о том, что предпосылкой появления правового статуса суверенной личности является провозглашение, законодательное закрепление и реализация идеи социально-правового государства, широких конституционных прав и свобод человека и гражданина. На конституционном уровне должны быть не только закреплены правовые свободы, но и реализованы на практике.

Ключевые слова: свобода, право, права человека, суверенная личность, международно-правовые стандарты прав человека.

THE RIGHTS AND FREEDOMS OF A SOVEREIGN PERSON

I. A. Ivannikov

Devoted to the rights and freedoms of a sovereign person. The purpose of the article is to show that the status of a sovereign person is related to the concept of the legal status of a person, which can be achieved only if there are objective and subjective prerequisites in a socio-legal state. The author concluded that the prerequisite for the emergence of the legal status of a sovereign person is the proclamation, legislative consolidation and implementation of the idea of a social and legal state, broad constitutional rights and freedoms of man and citizen. At the constitutional level, legal freedoms should not only be secured, but also implemented in practice.

Keywords: freedom; law; human rights; sovereign personality; international legal standards of human rights.

Проблема личности имеет давнюю историю и многоаспектна. В философии, юриспруденции, политологии проблема личности порой становилась центральной. Свободу личности неоднозначно рассматривали монархисты и анархисты, либералы и революционеры. М. А. Бакунин не представлял свободную личность в условиях монархии и в социалистическом государстве по учению К. Маркса. При любом государстве есть господство и ограничивается свобода личности [1, с. 482]. Со второй половины XX века и в начале XXI века большинство государств и народов мира признают ценностями правовое и социальное

государства, права и свободы человека, суверенную личность. Все эти виды суверенитета могут быть отражены в конституциях и иных законах государств. Их реализация имеет непосредственное отношение к правовой системе государства, а значит, и к правовому сознанию населения страны.

В этой связи интересны суждения И. А. Ильина, который отмечал, что «единственно верный путь ко всяким реформам есть постепенное воспитание правосознания» [3, с. 277]. В начале XXI века профессор Н. И. Матузов ценность правовой системы государства определял по ее способности обеспечить защиту прав и свобод личности, ее жизни, здоровья, чести, достоинства, безопасности. Правовая система должна противостоять «...натиску криминала, экстремизма и терроризма, национальной и религиозной розни», как она воспринимает «...все лучшее, что есть в мировом правовом опыте» [4, с. 107]. В силу этого личность является центральным элементом правовой системы общества и государственной власти. Н. И. Матузов определял суверенитет личности как объективно обусловленную меру «...ее независимости от государства и общества, а также характер и форма ее взаимодействия с ними» [4, с. 479].

Проблема суверенитета личности связана с категориями свободы в ее известных интерпретациях: «свободы от» и «свободы для». Сильное государство и реальная свобода личности возможны, если государство защищает правовую свободу [2, с. 68]. С точки зрения теории можно выделить экономический, политический, культурный, идеологический, гендерный (равенство прав мужчины и женщины) и информационный суверенитет личности. В условиях цифрового общества важен информационный суверенитет личности.

Л. Ю. Черняк отмечает, что важен в наше время и информационный суверенитет не только государства, но и личности. В его понимании «...информационный суверенитет – это многоаспектная категория, включающая в себя как минимум два компонента: информационный суверенитет государства и информационный суверенитет личности» [5, с. 113].

В теории информационных прав выделяют информационную безопасность государства и личности. В вопросах прав человека анализируется концепция прайвеси и категория «информационный суверенитет личности». Под прайвеси «...понимается особая правовая категория в англоамериканской правовой системе, означающая тайну и право на неприкосновенность частной жизни, на интимную сферу человека» [5, с.

119]. В этой теории презюмируется примат индивидуальных интересов над общественными (государственными). Предполагается, что общество (государство) не вправе вторгаться в личные дела (и информацию об этих делах) своих граждан, если они этого не хотят в явном виде.

Американский ученый А. Вестин в книге «Приватность и свобода» сформулировал четыре формы приватности: «уединение», исходящее из потребности быть избавленным от наблюдения посторонних; «интимность», предполагающая замкнутое общение, т. е. добровольное поддержание контакта с узким кругом лиц; «сдержанность» как форма соблюдения психологического барьера с окружающими его людьми; «анонимность» как стремление человека остаться неузнанным в общественном месте» [5, с. 120]. Однако такой суверенитет личности приведет к доминированию интересов личности над интересами общества и государственной власти. В условиях многих угроз суверенитету государственной власти, суверенитет личности гражданина может привести к противоречиям с суверенитетом государства.

Теория и практика прав человека часто находятся в глубочайшем противоречии. Конституции закрепляют социально-экономические права граждан, которые являются основой всех других прав, основой правового статуса личности. Одним из основных социально-экономических прав является право на труд. Конституции социалистических государств его закрепляли и обеспечивали. Конституции в государствах с рыночной экономикой право на труд не закрепляют и не обеспечивают. В условиях рыночной экономики нормальным явлением считается безработица. Если есть безработные, то они не могут реализовать такие социально-экономические права, как право на отдых, на жилище и другие. Государства с рыночной экономикой не могут обеспечить равенство граждан. Государственная власть может обеспечить свои интересы, в том числе и правовой порядок, но не в состоянии обеспечить равенство граждан, равенство их правового статуса, так как правовой статус личности во многом зависит от имущественного положения. Можно обеспечить равноправие в реализации вторичных прав: политических, религиозных и других. Легче всего обеспечить избирательные права граждан. Важно показать реальное участие граждан в политической жизни. Самой лучшей Конституцией в мире является Конституция Швейцарской Конфедерации. Собрав 100 000 (сто тысяч подписей), граждане Швейцарии могут вынести любой закон, принятый парламентом, на референдум. Заслуживает внимания часть первая статьи 112 Конституции Швейцарии, которая

закрепляет, что «пенсии должны соразмерно покрывать потребности существования», а максимальная пенсия не должна превышать минимальную пенсию не более чем вдвое.

Можно обеспечить равное участие граждан в избирательном процессе, но обеспечить равноправие в получении образования, медицинском обслуживании, пенсионном обеспечении не удастся. Поэтому суверенная личность возможна только в демократическом государстве, свободном обществе.

Литература

1. Бакунин М. А. Государственность и анархия. – М., 1989.
2. Иванников И. А. Теория и философия права. – М., 2018.
3. Ильин И. А. О сущности правосознания // Собрание сочинений в 10 томах. Т. 4. – М. 1993.
4. Матузов Н. И. Актуальные проблемы теории права. – Саратов. 2003.
5. Черняк Л. Ю. К вопросу о понятии информационного суверенитета: теоретический и сравнительно-правовой аспекты // Сибирский юридический вестник. – 2012. – № 3.

Сведения об авторе:

Иванников Иван Андреевич – доктор юридических наук, доктор политических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права; кафедры конституционного и международного права Сочинского филиала ВГУЮ (РПА Минюста России).

E-mail: freiheit2061@gmail.com

УДК. 340.115.6

ПРОБЛЕМЫ ХРОНОЛОГИИ ПРОСВЕЩЕННОГО АБСОЛЮТИЗМА В РОССИИ

О. А. Калякин

Исследуются точки зрения, высказанные в отечественной литературе в отношении хронологических границ просвещенного абсолютизма в России, и на их основании предлагается собственная трактовка нижней и верхней границ просвещенного абсолютизма в нашей стране.

Ключевые слова: просвещенный абсолютизм, Россия, хронологические границы.

PROBLEMS OF THE CHRONOLOGY OF ENLIGHTENED ABSOLUTISM IN RUSSIA

O. A. Kaliakin

The article examines the points of view expressed in domestic literature regarding the chronological boundaries of enlightened absolutism in Russia and, on their basis, proposes its own interpretation of the lower and upper boundaries of enlightened absolutism in our country.

Keywords: *enlightened absolutism, Russia, chronological boundaries.*

Основатель кибернетики Норберт Винер, говоря о сложности применения предлагаемых им методов к общественным наукам, писал: «в общественных науках мы имеем дело с короткими статистическими рядами и не можем быть уверены, что значительная часть наблюдаемого не создана нами самими» [1, с. 247]. Поэтому в историко-правовых исследованиях делается акцент на достоверности знаний о политико-правовых процессах прошлого. Получение такого рода знаний связано, в том числе, с выявлением стадий, которые прошло исследуемое явление в процессе исторического развития [12, с. 375]. Исходя из этого одной из задач историко-правовой науки является периодизация исследуемых явлений и процессов, т. е. разделение исторического процесса на определенные этапы [3, с. 14], установление четких хронологических рамок для более полного и глубокого изучения историко-правовых явлений. Но именно установление хронологических границ отдельных этапов историко-правового процесса представляет определенные трудности.

Так, в историко-правовой науке до настоящего времени не существует единого мнения о хронологических границах периода просвещенного абсолютизма в России.

Отправная точка зрения на просвещенный абсолютизм, как явление европейского масштаба, сводится к установлению почти четких временных границ – вторая половина XVIII века [11, стб. 635], причем его конец обычно связывают с Великой французской революцией. Однако с таким подходом вряд ли можно согласиться, поскольку он связывает возникновение, развитие и исчезновение такого объективного социально-экономического и политико-правового явления, как

просвещенный абсолютизм в Европе, с одной стороны, с периодами правления отдельных монархов и, с другой – с эпохой Великой французской революции, только начало первого периода которой падает на 1789 г.

В рамках второй половины XVIII в., применительно к отдельным европейским странам обычно выделяют различные периоды просвещенного абсолютизма, связанные с деятельностью либо отдельных «просвещенных» монархов, либо их просвещенных министров. Так, например, в Дании это период деятельности министра И. Ф. Струензе (1770–1772 гг.), приглашенного из Пруссии, в Португалии – министра Помбаля (1756–1777 гг.), в Испании – генерал-губернатора Кастилии графа Аранды, в Неаполитанском королевстве министра Тануччи (с 1750-х гг. до 1776 г.) [2, с. 462]. Конечно, этот перечень далеко не исчерпывающий. Он дополняется в отношении Испании – деятельностью не только министров Кампоманеса и Флоридабланка [11, стб. 635], но и короля Карла III (1759–1788 гг.) [5, с. 269.], в отношении Датско-Норвежского королевства – деятельностью Ю.Х.Э. Бернсторфа (1784–1800 гг.) [11, стб. 635], в отношении Неаполитанского королевства – деятельностью короля Карла VIII (1734–1759 гг.) [5, с. 243] и Фердинанда IV (в 1790-е гг.) [13, с. 432], в отношении Пруссии – деятельностью короля Фридриха II (1740–1788 гг.) [9, с. 197–199], в отношении Австрии – деятельностью императрицы Марии-Терезии (1740–1780 гг.) и ее сыновей Иосифа II (1780–1790 гг.) и Леопольда II (1790–1792 гг.) [8, с. 104–156], в отношении Швеции – деятельностью короля Густава III (1772–1792 гг.) [9, с. 202.], в отношении Великого герцогства Тосканского – деятельностью будущего австрийского императора Петра-Леопольда (1765–1790 гг.) [9, с. 203], в Польском королевстве – правлением Станислава-Августа (1764–1795 гг.) [9, с. 204].

Следуя указанной традиции, в России просвещенный абсолютизм традиционно относили только к 1760-м гг. [4, с. 85] или к 1750–1760-м гг. [10, с. 5, 8]. Однако А. М. Давидович еще в 1949 г. обосновывал мысль о наличии как минимум двух периодов «просвещенного абсолютизма» в России – второе десятилетие царствования Елизаветы Петровны (1750–1761 гг.) и время реформ Екатерины II от восшествия ее на престол до Великой французской революции [2, с. 461–462].

Еще больший, на наш взгляд, интерес для изучения содержания и хронологических границ просвещенного абсолютизма в России представляет высказанная и обоснованная в отечественной литературе точ-

ка зрения, согласно которой в 1801–1815 гг. в России был еще один «период просвещенного абсолютизма» [16, с. 4; 14, с. 53].

Кроме того, не лишено, на наш взгляд, оснований высказанное в свое время С. О. Шмидтом мнение о том, что черты, характерные для форм политики и идеологии просвещенного абсолютизма второй половины XVIII в., явственно обнаруживаются также и при правлении императора Петра III (1761–1762 гг.) [15, с. 44, 57]. Также ряд черт просвещенного абсолютизма можно проследить в деятельности императора Павла I [6, с. 43; 7, с. 45–46].

Таким образом, суммируя все вышесказанное, можно сделать вывод о том, что становление и развитие просвещенного абсолютизма в России прошло несколько этапов – начиная со второго десятилетия правления императрицы Елизаветы Петровны (1750-е гг.), включая периоды правления императора Петра III, императрицы Екатерины II, императора Павла I и заканчивая первыми 15-ю годами царствования императора Александра I (1815 г.).

Такая хронология просвещенного абсолютизма в России позволяет не только более полно определить содержание просвещенного абсолютизма как общеевропейского явления, но и выделить особенности его проявления в России.

Литература

1. Винер, Н. Кибернетика / Н. Винер. – Москва : Наука, 1983. – 341 с. – Текст : непосредственный.
2. Давидович, А. М. Абсолютная монархия в России (К вопросу о классовой природе, времени возникновения и основных этапах развития русского абсолютизма) : специальность 12.00.00 «Юридические науки»: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / А. М. Давидович. – Москва, 1949. – 711 с. – Текст : непосредственный.
3. Земцов, Б. Н. История отечественного государства и права: учебное пособие / Б. Н. Земцов. – Москва : Норма; ИНФРА-М, 2012. – 592 с. – Текст : непосредственный.
4. Иванов, П. К вопросу о «просвещенном абсолютизме» в России 60-х годов XVIII века / П. Иванов. – Текст : непосредственный // Вопросы истории. – 1950. – № 5. – С. 85–99.
5. Испанские короли / под редакцией В. Л. Бернекера, К. К. Сейделя, П. Хозера. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. – 512 с. – Текст : непосредственный.

6. Калякин, О. А. Реформы центрального государственного управления Павла I. Статья 1. Хронология преобразований / О. А. Калякин. – Текст : непосредственный // История государства и права. – 2012. – № 17. – С. 41–43.

7. Калякин, О. А. Реформы центрального государственного управления Павла I. Статья 2. Хронология преобразований / О. А. Калякин. – Текст : непосредственный // История государства и права. – 2012. – № 18. – С. 43–46.

8. Митрофанов, П. История Австрии с древнейших времен и до 1792 г. / П. Митрофанов. – Москва : УРСС, 2003 г. – 156 с. – Текст : непосредственный.

9. Омельченко, О. А. Всеобщая история государства и права: Учебник. В 2 томах. Т. 2 / О. А. Омельченко. – Москва : ТОН-ПРИОР, 1999. – 496 с. – Текст : непосредственный.

10. Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй половине XVIII в. – Москва : Издательство АН СССР, 1956. – 894 с. – Текст : непосредственный.

11. Советская историческая энциклопедия. В 16 томах. Т. 11. Москва : Советская энциклопедия, 1968. – 1024 столб.

12. Сырых, В. М. История и методология юридической науки / В. М. Сырых. – Москва : Норма; ИНФРА-М, 2012. – 464 с.

13. Тарле, Е. В. Падение абсолютизма в Западной Европе. Исторические очерки. Сочинения в 12 томах. Т. IV / Е. В. Тарле. – Москва : Издательство АН СССР, 1958. – С. 315–440. – Текст : непосредственный.

14. Федосов, И. А. Просвещенный абсолютизм в России / И. А. Федосов. – Текст : непосредственный // Вопросы истории. – 1970. – № 9. – С. 34–55.

15. Шмидт, С. О. Внутренняя политика России середины XVIII века / С. О. Шмидт. – Текст : непосредственный // Вопросы истории. – 1987. – № 3. – С. 42–58.

16. Юшков, С. В. Основные моменты истории русского государства до середины XIX в. / С. В. Юшков. – Текст : непосредственный // Научная сессия, посвященная 20-летию существования Всесоюзного института юридических наук (1925–1945): тезисы докладов. – Москва : типография Упр. Делами Министерства черной металлургии, 1946. – С. 2–4.

Сведения об авторе

Калякин Олег Алексеевич – юридический факультет ПГУ им. Т. Г. Шевченко, доцент кафедры международного права и теории государства и права.

E-mail: kaliakin_history@mail.ru

УПРАВЛЕНИЕ ЗЕМЕЛЬНЫМИ РЕСУРСАМИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

А. В. Калякина

Рассматриваются вопросы формирования организационно-экономического механизма управления землями и иными объектами недвижимости и его информационное обеспечение на примере РФ и ПМР.

Ключевые слова: *цифровизация, ведение земельного кадастра, информационное обеспечение.*

LAND MANAGEMENT IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

A. V. Kalyakina

The article discusses the issues of forming an organizational and economic mechanism for managing land and other real estate and its information support using the example of the Russian Federation and the PMR.

Keywords: *digitalization, maintaining the land cadastre, information support.*

Наибольший интерес в сфере управления земельными ресурсами на сегодняшний день представляет создание эффективной системы управления земельными объектами и недвижимостью, а также использование современных цифровых технологий и компьютерных инструментов для информационной поддержки.

Рассмотрим развитие и реализацию этого сектора на примере России и Приднестровья. В России были приложены значительные усилия для автоматизации ведения земельного кадастра, а затем и кадастра недвижимости. Эти действия поддерживались государственными целевыми программами на протяжении различных периодов, начиная с программы создания автоматизированной системы ведения государственного земельного кадастра [4], через систему ведения государственного кадастра земли и учета объектов недвижимости [6], и завершая программой развития единой государственной системы регистрации прав и кадастрового учета недвижимости [7]. Для этих целей только в 2014–2020 гг. было выделено 18,97 миллиардов рублей.

Внедрение указанных целевых программ параллельно с Федеральной программой поэтапного развития системы государственной регистрации прав на недвижимость и сделок с ней [5] привело к значительному уменьшению времени регистрации прав на недвижимость и кадастрового учета, ускоренному преобразованию ранее зарегистрированных данных в электронный формат (только за период 2014–2016 гг. доля оцифрованных данных возросла с 7,2 % до 18,7 % [12, с. 133]), увеличению числа земельных участков, корректно учтенных в Государственном кадастре недвижимости/Едином государственном реестре недвижимости с необходимой точностью по их границам (к 2019 г. данная доля достигла 49,2 % [12, с. 133]), улучшению сбора земельного и имущественного налогов.

С начала 2022 г. начала реализовываться Государственная программа «Национальная система пространственных данных» [8]. Ее основная цель – поддерживать такие стратегические направления развития страны, как «Цифровая трансформация» и «Безопасная и комфортная среда для жизни», определенные Президентом РФ [3].

Подобный целевой подход позволяет постоянно развивать формы проведения надзорных и кадастровых мероприятий. Например, в России уже имеется опыт использования беспилотных летательных аппаратов для фиксации границ земельных участков, обнаружения самозахватов, незарегистрированных построек, определения использования участков, и на основе этих данных уполномоченные органы предъявляют нарушителям обоснованные претензии и пересчитывают суммы налогов на землю и имущество [13, с. 134]. В Московской области за 9 месяцев 2016 года Росреестром при помощи беспилотных летательных аппаратов были осуществлены 2102 административные проверки, в ходе которых были обнаружены 2763 случая нарушения земельного законодательства. Также был проведен кадастровый учет более 10 тысяч новых объектов недвижимости, которые ранее не учитывались и с которых не взымались налоги. Сумма наложенных штрафов составила 73 миллиона рублей РФ [13, с. 134].

Финансирование кадастровых работ и формирования земельных участков в ПМР находится на более низком уровне по сравнению с таковым в России. Например, в 2019 году всего лишь 2 млн. рублей было выделено из бюджета ПМР на эти цели, согласно смете расходов [9].

Для эффективного функционирования государственных и местных органов власти, охраны и использования земельных ресурсов, введения

платежей за землю, развития земельного рынка и защиты прав собственников, пользователей и арендаторов земли Правительством ПМР утверждено Положение о порядке ведения государственного земельного кадастра [11]. Информация из кадастра вносится в Государственную информационную систему «Государственный земельный кадастр» в электронном и бумажном виде. Кроме того, в рамках утвержденного Правительством ПМР Положения о функционировании Государственной информационной системы «Государственный земельный кадастр» [10] доступны электронные карты различного типа.

Главная проблема управления земельными ресурсами в ПМР заключается не в отсутствии законодательства, регулирующего земельные отношения, а в недостатке квалифицированных специалистов для работы с государственным земельным кадастром и проведения других земельных работ. Также проблемой является недостаточное финансирование проведения землеустройства, инвентаризации земель, ведения кадастра и мониторинга земель. Согласно пункту 65 Положения о государственном земельном кадастре, финансирование создания и поддержания кадастра осуществляется за счет средств республиканского бюджета и, в случае работы государственных администраций городов и районов, – из местного бюджета и других источников, соответствующих законодательству ПМР. Согласно ст. 84 Земельного кодекса ПМР [2], сборы за землю используются для финансирования мер по защите земель, улучшению плодородия, освоению новых участков, компенсации затрат для владельцев, пользователей и арендаторов земли, а также для осуществления земельного кадастра, мониторинга земель, контроля за их использованием и защитой.

Деньги, получаемые от оплаты за землю в городах и других населенных пунктах, направляются на проведение инвентаризации земель, финансирование землеустройства, обслуживание земельного кадастра, а также на развитие инженерных и социальных улучшений территории. Согласно Закону ПМР «О плате за землю» [1], плата за землю зачисляется в бюджеты соответствующих уровней согласно установленным нормативам, которые утверждаются Верховным Советом ПМР при принятии закона о республиканском бюджете на соответствующий финансовый год.

Часть земельного налога, вычитаемая в пользу районов, городов, сельских и поселковых советов народных депутатов, направляется на финансирование программ по землеустройству, защите и освоению новых земель, а также повышению урожайности. Эти доли устанавливаются при утверждении бюджетов с учетом указанных приоритетов.

Согласно п. 2 ст. 11 Закона ПМР «О плате за землю», земельный налог и арендная плата регистрируются как доходы и расходы бюджетов в специальных строках с целью последующего использования:

а) по республиканскому бюджету – на финансирование программ по землеустройству, ведению государственного земельного кадастра, мониторингу, инвентаризации и охране земель, повышению их плодородия, освоению новых земель; компенсация собственных затрат землепользователя на эти цели и погашения ссуд, выданных под указанные мероприятия, и процентов за их использование; развитие материально-технической базы органов государственного землеустройства;

б) по местным бюджетам – на финансирование программ землеустройства с активным поддержанием и регулярным контролем, обновление государственного земельного кадастра, контроль за состоянием земельных ресурсов, а также проведение инвентаризации с последующим формированием отчетов и расчетов и др.

Необходимо обратить внимание еще и на то, что доходы от земельного налога могут быть использованы для финансирования текущих расходов бюджета, только если отсутствуют программы финансирования работ по землеустройству, охране и освоению новых земель, а также по повышению их плодородия.

Представляется, что когда нормы п. 2 ст. 84 ЗК ПМР и ст. 11 Закона ПМР «О плате за землю» начнут работать, и это найдет отражение в нормах Закона ПМР «О Республиканском бюджете» на определенный год, тогда соответствующие функции управления земельным фондом наполнятся конкретным содержанием и начнут реализовываться на практике, в том числе с учетом настоящей необходимости внедрения цифровых технологий в этой сфере.

Литература

1. Закон Приднестровской Молдавской Республики от 30 сентября 2000 года №334-З «О плате за землю». – Текст : непосредственный // Собрание законодательных актов ПМР. – 2000. – № 3.

2. Земельный кодекс Приднестровской Молдавской Республики от 19 июля 2002 года № 159-З-III. – Текст : непосредственный // САЗ ПМР. – 2002. – № 29-2. – Ст. 1240.

3. Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». – Текст : непосредственный // СЗ РФ. – 2020. – № 30. – Ст. 4884.

4. Постановление Правительства РФ от 3 августа 1996 года № 932 «Об утверждении федеральной целевой программы «Создание автоматизированной системы ведения государственного земельного кадастра». – Текст : непосредственный // СЗ РФ. – 1996. – № 33. – Ст. 4003.

5. Постановление Правительства РФ от 9 апреля 2001 года № 273 «Об утверждении Федеральной программы поэтапного развития системы государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним». – Текст : непосредственный // СЗ РФ. – 2001. – № 16. – Ст. 1602.

6. Постановление Правительства РФ от 25 октября 2001 года № 745 «Об утверждении федеральной целевой программы «Создание автоматизированной системы ведения государственного земельного кадастра и государственного учета объектов недвижимости (2002–2007 годы)». – Текст : непосредственный // СЗ РФ. – 2001. – № 45. – Ст. 4265.

7. Постановление Правительства РФ от 10 октября 2013 года № 903 «О федеральной целевой программе «Развитие единой государственной системы регистрации прав и кадастрового учета недвижимости (2014–2019 годы)». – Текст : непосредственный // СЗ РФ. – 2013. – № 42. – Ст. 5364.

8. Постановление Правительства РФ от 1 декабря 2021 г. № 2148 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Национальная система пространственных данных». – Текст : непосредственный // СЗ РФ. – 2021. – № 50 (Ч. IV). – Ст. 8542.

9. Постановление Правительства ПМР от 11 июня 2019 года № 202 «Об утверждении Сметы расходов на финансирование мероприятий по ведению государственного земельного кадастра, инвентаризации земель и землеустройству и на проведение работ по формированию земельных участков и составлению планов земельных участков, предусмотренных статьями 44, 55, 164, 171 Земельного кодекса Приднестровской Молдавской Республики, на 2019 год». – Текст : непосредственный // САЗ ПМР. – 2019. – № 22. – Ст. 1028.

10. Постановление Правительства ПМР от 21 января 2024 г. № 32 «Об утверждении Положения о функционировании и использовании государственной информационной системы «Государственный земельный кадастр». – Текст : непосредственный // САЗ ПМР. – 2024. – № 5.

11. Постановление Правительства ПМР от 23 марта 2024 года № 98 «Об утверждении Положения о порядке ведения государственного земельного кадастра». – Текст : непосредственный // САЗ ПМР. – 2023. – № 12.

12. Липски, С. А. Управление земельными ресурсами и объектами недвижимости: учебник / С. А. Липски. – Саратов : Ай Пи Ар Медиа, 2019. – 306 с. – Текст : непосредственный.

13. Мещанинова, Е. Г. Перспективы использования БПЛА при осуществлении земельного надзора / Е. Г. Мещанинова, В. О. Николюкина. – Текст : непосредственный // Экономика и экология территориальных образований. – Ростов-на-Дону, 2018. – Т. 2. – № 3 (6). – С. 122–128.

Сведения об авторе

Калякина Анна Валерьевна – кандидат юридических наук, доцент, юридический факультет ГОУ «ПГУ им. Т. Г. Шевченко», заместитель декана по научной работе.

E-mail: ann-neet@mail.ru

УДК 342.951

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

А. С. Камбур

Проанализированы проблемы государственного управления Приднестровской Молдавской Республики и обобщены предложения по его совершенствованию.

Ключевые слова: *государственное управление, органы исполнительной власти, нормативный акт, перспектива, качество услуг.*

PUBLIC ADMINISTRATION IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

A. S. Kambur

The article analyzes the problems of public administration of the Pridnestrovian Moldavian Republic and summarizes proposals for its improvement.

Keywords: *public administration, executive authorities, normative act, perspective, quality of services.*

Государственное управление является одной из форм государственной деятельности, сущность которой состоит в осуществлении его

субъектами нормативно определенных функций путем использования принадлежащих им государственно-властных полномочий, то есть практическое, организующее и регулирующее воздействие государства на общественную жизнедеятельность людей в целях ее упорядочения, сохранения или преобразования, опирающееся на властную силу.

В современных государствах принимается множество нормативных актов в сфере государственного управления. Большая часть из них разработана и принята с целью повышения качества государственного управления при решении задач органов исполнительной власти, при исполнении различных государственных функций – для создания и обеспечения работы, необходимых для этого механизмов и инструментов государственного управления. Повышение эффективности системы государственного управления является одной из самых важных стратегических задач проводимых административных преобразований, направленных на ускорение темпов развития страны.

Поскольку государственное управление распространяется на все общество, на каждую сферу деятельности общества, то естественно, что определяющим фактором эффективности, обоснованности и целесообразности государственного управления выступает социальный фактор, т. е. наполненность государственного управления общественными запросами и ожиданиями, реальной жизни людей, что, в свою очередь, зависит от доверия, взаимопонимания, искренности и честности между государством и гражданами, государственными органами и общественными объединениями.

Основными проблемами государственного управления являются: недостаточность прозрачности исполнительных органов государственной власти; недостаточность участия граждан в обсуждении разрабатываемых проектов нормативных правовых актов и принимаемых исполнительными органами государственной власти решений; низкое качество и доступность предоставляемых государственными органами административных услуг; невысокий профессиональный уровень кадрового состава организаций сектора государственного управления, обусловленное избыточное государственное регулирование и многие другие.

Проблемы государственного управления вызваны объективными факторами, которые свойственны по своей природе государственной власти.

Известно, что плохо функционирующие и неразвитые системы государственного управления приводят к снижению безопасности населе-

ния, подрыву доверия к Правительству Приднестровской Молдавской Республики со стороны граждан и предпринимательского сообщества, ограничению доступа населения и бизнеса к современным технологиям, препятствию инновациям.

Главной целью и принципами развития Приднестровской Молдавской Республики остаются политическая стабильность, экономическая самодостаточность и социальная справедливость, сформированные на чёткой и ясно выраженной идеологии.

В целях определения направлений и способов обеспечения в долгосрочной перспективе устойчивого повышения благосостояния граждан Приднестровской Молдавской Республики, национальной безопасности, динамичного развития экономики, укрепления позиций Приднестровской Молдавской Республики была утверждена Стратегия развития Приднестровской Молдавской Республики на 2019–2026 годы [1].

Стратегия развития Приднестровской Молдавской Республики призвана консолидировать действия органов государственной власти и управления, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества по созданию благоприятных внутренних и внешних условий для реализации национальных интересов и приоритетов Приднестровской Молдавской Республики, что приведёт к формированию благоприятных условий для развития государства, обеспечению роста благосостояния граждан и противодействию негативным тенденциям.

Учитывая всю сложность социальных процессов, с целью обеспечения потребностей и интересов граждан, их доступ к своевременной и достоверной информации, а также обеспечения активного взаимодействия между исполнительными органами государственной власти и гражданским обществом в Приднестровской Молдавской Республике принята Концепция повышения открытости исполнительных органов государственной власти.

Концепция закрепляет основные принципы открытости исполнительных органов государственной власти, задачи и механизмы их реализации и содержит систему стратегических ориентиров в области обеспечения открытости и прозрачности государственного управления, подотчетности и подконтрольности власти гражданскому обществу и формирования эффективного диалога исполнительных органов государственной власти с гражданами, общественными объединениями и предпринимательским сообществом [3].

Для ускорения социально-экономического развития страны система государственного управления подвергается реформированию.

Так, с целью повышения качества и доступности государственных услуг, ограничения вмешательства государства в экономическую деятельность субъектов предпринимательства, в том числе прекращения избыточного государственного регулирования и повышения эффективности деятельности исполнительных органов государственной власти Приднестровской Молдавской Республики, была утверждена Концепция административной реформы в Приднестровской Молдавской Республике на 2018–2020 годы [4].

В соответствии с Концепцией административной реформы и для ее реализации на практике, в целях планомерной и комплексной работы по отдельным направлениям административной реформы было также создано 7 рабочих групп:

а) по совершенствованию контрольно-надзорной деятельности (Распоряжение Правительства Приднестровской Молдавской Республики от 2 ноября 2018 года № 899р);

б) по разработке механизмов досудебного обжалования решений и действий государственных органов и должностных лиц (Распоряжение Правительства Приднестровской Молдавской Республики от 2 ноября 2018 года № 900р);

в) по развитию государственной гражданской службы и противодействию коррупции (Распоряжение Правительства Приднестровской Молдавской Республики от 29 октября 2018 года № 897р);

г) по разработке правовых актов по повышению открытости государственных органов и государственных учреждений (Распоряжение Правительства Приднестровской Молдавской Республики от 2 октября 2018 года № 774р);

д) по разработке и обеспечению применения аутсорсинга (Распоряжение Правительства Приднестровской Молдавской Республики от 29 октября 2018 года № 896р);

е) по направлению административной реформы «Создание электронного Правительства» (Распоряжение Правительства Приднестровской Молдавской Республики от 27 февраля 2019 года № 120р);

ж) по развитию системы саморегулируемых организаций в области экономики (Распоряжение Правительства Приднестровской Молдавской Республики от 27 марта 2019 года № 214р).

В их состав входили представители всех заинтересованных государственных органов, поэтому при работе с данными направлениями вырабатывалась согласованная позиция, и принимались соответствующие решения.

Повышение эффективности деятельности государственного аппарата остается одной из важнейших стратегических задач административной реформы.

Для продолжения мероприятий по оптимизации функций, осуществляемых исполнительными органами государственной власти, путем проведения их анализа, выявления избыточных, дублирующих функций, модернизации действующих функций, нормативного закрепления новых функций, способных эффективно решать общественные задачи, в том числе связанных с развитием информационных технологий, Правительством Приднестровской Молдавской Республики было принято решение о дальнейшем проведении административной реформы в Приднестровской Молдавской Республике [5].

В соответствии с этим распоряжением необходимость введения дополнительных функций исполнительных органов должна быть доказана с привлечением к обсуждению общественности, предпринимательского сообщества и иных заинтересованных лиц, что позволит ограничить произвольное закрепление государственных функций, которые могут установить барьеры для развития общества, предпринимательства и иных сфер.

С целью содействия учету прав и законных интересов общественных объединений, правозащитных, религиозных и иных организаций при общественной оценке деятельности исполнительных органов государственной власти, руководство деятельностью которых осуществляет Президент Приднестровской Молдавской Республики, создается общественный совет.

Общественный совет является постоянно действующим консультативно-совещательным органом, участвующим в осуществлении контроля в порядке и форме общественного мониторинга, общественной проверки, общественной экспертизы, а также в таких формах взаимодействия институтов гражданского общества с органами государственной власти и органами местного самоуправления, как общественные обсуждения, общественные (публичные) слушания и другие формы взаимодействия.

Задачами общественного совета являются: обеспечение прозрачности, открытости и эффективности деятельности исполни-

тельного органа государственной власти; формирование и развитие гражданского правосознания; повышение уровня доверия граждан к деятельности государства, а также обеспечение тесного взаимодействия государства с институтами гражданского общества; содействие предупреждению и разрешению социальных конфликтов; реализация гражданских инициатив, направленных на защиту прав и свобод человека и гражданина, прав и законных интересов общественных объединений и иных негосударственных некоммерческих организаций, а также формирование в обществе нетерпимости к коррупционному поведению [2].

Ярким примером административного преобразования является внедрение Электронного Правительства и Портала государственных услуг Приднестровской Молдавской Республики – государственной информационной системы, обеспечивающей доступ физических и юридических лиц к сведениям о государственных услугах в Приднестровской Молдавской Республике, а также предоставляющей возможность получения государственных услуг в электронной форме. В настоящее время потребности личности, общества и государства, с одной стороны, и бурное развитие информационных технологий, с другой, ставят вопрос о переходе к оказанию государственных услуг в электронной форме и переходу к Электронному Правительству в Приднестровье. Для исполнения этой задачи был разработан и утвержден ряд нормативных правовых документов:

- Постановление Правительства Приднестровской Молдавской Республики от 1 ноября 2017 года № 284 «О создании государственной информационной системы «Портал государственных услуг Приднестровской Молдавской Республики»;

- Постановление Правительства Приднестровской Молдавской Республики от 12 апреля 2018 года № 113 «Об утверждении Положения о порядке формирования и ведения Единого реестра государственных услуг»;

- Постановление Правительства Приднестровской Молдавской Республики от 10 августа 2017 года № 203 «Об утверждении Положения о государственной информационной системе «Системе межведомственного обмена данными»;

- Постановление Правительства Приднестровской Молдавской Республики от 23 июля 2018 года № 253 «Об утверждении требований к предоставлению государственных услуг в электронной форме»;

– Постановление Правительства Приднестровской Молдавской Республики от 23 июля 2018 года № 254 «Об утверждении Положения о едином комплексе информационно-технологических элементов, обеспечивающем взаимодействие государственных информационных систем, используемых для предоставления государственных услуг в электронной форме»;

– Постановление Правительства Приднестровской Молдавской Республики от 23 июля 2018 года № 252 «Об утверждении Положения о государственной информационной системе «Портал государственных услуг Приднестровской Молдавской Республики»;

– Приказ Государственной службы связи Приднестровской Молдавской Республики от 4 ноября 2016 года № 86 «Об утверждении положения о государственной информационной системе «Сеть передачи данных межведомственного электронного взаимодействия Приднестровской Молдавской Республики».

Портал разработан и сопровождается по заказу Правительства Приднестровской Молдавской Республики, доступен любому пользователю информационно-телекоммуникационной сети Интернет и организован таким образом, чтобы обеспечить простой и эффективный поиск информации о государственных услугах.

Необходимо отметить, что необходимость во внедрении, а также расширении технологий, призванных перевести функции государственных органов в электронную форму и повысить их открытость, являлась одной из основных предпосылок образования министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций.

Председатель Правительства Приднестровской Молдавской Республики неоднократно подчеркивал: «следует активнее наращивать сеть полезных цифровых сервисов для экономии средств и времени приднестровцев, сделать мобильнее и гибче обмен данными внутри госструктур и между ними [6]».

Председатель Правительства Приднестровской Молдавской Республики подписал распоряжение о переводе в течение 2023 года 98 услуг в онлайн.

Это значит, что их можно будет заказать и получить через Портал государственных услуг. В лист процедур включены наиболее востребованные среди граждан и предпринимателей.

Также действуют проекты «Электронная отчетность» (для сдачи налоговой, финансовой и статистической информации онлайн) и

«Электронный нотариат» (получение нотариально удостоверенного цифрового документа на основе оригинала), установлены POS-терминалы и QR-коды в местах оказания услуг для их оплаты картой или через смартфон [6].

Во многом благодаря появлению Портала государственных услуг, изменяется сама система взаимодействия гражданина и органов власти, личных контактов между чиновником и гражданином становится меньше, да и количество самих чиновников в итоге станет меньше, но работать они будут с большей результативностью. Это связано с тем, что лимиты финансирования для государственных органов остаются прежние, но при этом происходит оптимизация штатной численности за счет реорганизации структуры государственного органа. Какие-то отделы упраздняются, какие-то объединяются с другими. Государство и раньше предпринимало попытки совершенствования государственного управления, так, например, в 2017–2018 годах были запущены пилотные проекты по заработной плате сотрудников в Министерстве внутренних дел Приднестровской Молдавской Республики, в Министерстве финансов Приднестровской Молдавской Республики. В этих министерствах размер заработной платы каждому работнику устанавливается исходя из результатов его работы, показателей его эффективности, и, в конечном счете, это привело к увеличению заработной платы самих сотрудников государственных органов, повысилась их ответственность и заинтересованность в результатах своего труда.

Реформирование системы государственного управления является одним из важных условий ускорения социально-экономического развития государства. В настоящее время можно наблюдать внедрение и реализацию административных реформ в повседневной жизни.

Также внесены следующие предложения по дальнейшему развитию института исполнительной власти Приднестровской Молдавской Республики в рамках проводимой административной реформы:

- внедрение системы рейтингов качества государственного управления, позволяющей проводить сравнение достигнутого уровня целей административной реформы в различных исполнительных органах государственной власти и управления, определять причины неудач и поощрять успехи;
- организация систематического обмена опытом с обсуждением и выработкой совместных решений по новым методам и механизмам управления, организационным решениям, структурным преобразова-

ниям, оптимизации административно-управленческих процессов, применению стандартов государственных услуг;

- формирование системы поощрения органов исполнительной власти, получающих высшие рейтинги качества государственного управления, а также тех, чей опыт проведения административной реформы по конкретным направлениям признается лучшим;

- организация полноценного информирования общественности о целях, задачах и ходе реализации административной реформы;

- формирование заинтересованности в реализации мероприятий административной реформы и в ее поддержке общественностью.

Проводимая в Приднестровской Молдавской Республике административная реформа направлена, прежде всего, на создание оптимальной и эффективно действующей системы государственного управления, которая отвечала бы потребности решения стоящих перед обществом неотложных социально-экономических задач, связанных с повышением не только уровня, но и качества жизни населения.

Целостность государства и единство общества – результат эффективного государственного управления, основа обеспечения их безопасности и условие достижения благосостояния народа. Поэтому повышение эффективности управления является одним из приоритетных направлений при реформировании системы государственного управления.

Литература

1. Указ Президента Приднестровской Молдавской Республики от 12 декабря 2018 года № 460 «Об утверждении Стратегии развития Приднестровской Молдавской Республики на 2019–2026 годы» с изменениями и дополнениями.

2. Указ Президента Приднестровской Молдавской Республики от 12 апреля 2021 года № 97 «Об утверждении Положения об общественных советах при исполнительных органах государственной власти, руководство деятельностью которыми осуществляет Президент Приднестровской Молдавской Республики» с изменениями и дополнениями.

3. Постановление Правительства Приднестровской Молдавской Республики от 18 июля 2019 года № 265 «Об утверждении Концепции повышения открытости исполнительных органов государственной власти» с изменениями и дополнениями.

4. Распоряжение Правительства Приднестровской Молдавской Республики от 5 марта 2018 года № 150р «Об утверждении Концепции административной реформы в Приднестровской Молдавской Республике на 2018–2020 годы» с изменениями и дополнениями.

5. Распоряжение Правительства Приднестровской Молдавской Республики от 19 января 2021 года № 20р «О дальнейшем проведении административной реформы в Приднестровской Молдавской Республике в 2021 году» с изменениями и дополнениями.

6. Правительство Приднестровской Молдавской Республики : [сайт]. – URL: <http://gov-pmr.org/>. – Текст : электронный.

Сведения об авторе

Камбур Анна Сергеевна – преподаватель кафедры административного права и административной деятельности Государственное образовательное учреждение «Тираспольский юридический институт Министерства внутренних дел Приднестровской Молдавской Республики им. М. И. Кутузова».

E-mail: kamburanna91@mail.ru

УДК 334.024

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ НАЛОГОВОГО АДМИНИСТРИРОВАНИЯ

Е. В. Ковтун

Даны определения цифровой трансформации налогового администрирования в разрезе применения различных автоматизированных сервисов. Проанализированы программно-аналитические комплексы, выявляющие зоны налоговых рисков при налоговом администрировании.

Ключевые слова: *налоговое администрирование, цифровая трансформация, налогоплательщики, цифровая экономика, налоговые органы, информационные ресурсы, технологии.*

DIGITAL TRANSFORMATION OF TAX ADMINISTRATION

The article provides definitions of the digital transformation of tax administration in the context of the use of various automated services. Analyzed software and analytical systems that identify areas of tax risks in tax administration.

Keywords: *tax administration, digital transformation, taxpayers, digital economy, tax authorities, informational resources, technologies.*

Термин «цифровая экономика» появился в 1995 году. В начале ее развития заявлялось о глобальной компьютеризации, цифровых коммуникациях и цифровых услугах. В современном мире под цифровой экономикой принято понимать цифровую трансформацию всей существующей экономики, в основу которой внедрены цифровые технологии. Цифровая экономика – это один собирательный термин для всех экономических операций, которые происходят в интернете. С появлением технологий и процессом глобализации цифровая и традиционная экономики сливаются воедино [4, с. 161].

Цифровая трансформация налогового администрирования относится к процессу внедрения современных цифровых технологий и инструментов для улучшения эффективности и прозрачности налоговых процессов. Это включает в себя использование цифровых платформ для подачи налоговых деклараций, электронного обмена информацией между налоговыми органами и налогоплательщиками, автоматизацию процессов аудита и контроля за уплатой налогов, а также анализ данных для выявления налоговых преступлений и уклонений. В результате цифровой трансформации налогового администрирования улучшается эффективность сбора налогов, сокращается бюрократия и повышается доверие к системе налогообложения.

В рамках реализации Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» реализуется программа «Цифровая экономика Российской Федерации». Главной ее целью является создание и развитие цифровой среды, что облегчит решение проблем конкурентоспособности и национальной безопасности РФ.

Цифровая трансформация Федеральной налоговой службы и ее сервисов является значимым этапом в развитии налоговой системы. С момента своего создания ФНС России активно внедряла новые сервисы и совершенствовала свои информационные технологии, повышая эффективность и прозрачность налогового администрирования. Налоговая служба Российской Федерации активно использует цифровые технологии для повышения эффективности налогового администрирования. Создание и развитие таких цифровых решений, как система АСК НДС, онлайн-ККТ, личные кабинеты налогоплательщиков, специальный налоговый режим для самозанятых – позволило добиться значительных экономических показателей в России.

Для проведения предпроверочного анализа применяются программно-аналитические комплексы, которые выявляют зоны налоговых рисков, а именно:

1. «Предпроверочный анализ» – расчет аналитических показателей и формирование выходных форм для анализа.

2. «Сводный запрос» – построение аналитических таблиц по показателям налоговых обязательств, налоговой отчетности, результатов налоговых проверок.

3. «САИ_ВИ» – агрегирование информации о налогоплательщиках, поступающей из внешних источников.

4. «ВНП-Отбор» и «Досье-рисков» – построение рейтингов с использованием системы экспертных оценок налоговых рисков.

Российская система онлайн-касс обеспечивает прозрачность операций в розничном сегменте. Она автоматически передает в Службу точные данные о продажах в торговых точках по всей стране в режиме реального времени. АСК НДС-2 позволяет проследить цепочки добавленной стоимости от производства или импорта до конечного потребления. Ее применение обеспечило устойчивый рост поступлений по НДС и способствовало обелению экономики. Кроме того, использование АСК НДС-2 позволило эффективно выявлять компании с признаками фиктивности [2].

Автоматизированная информационная система ФНС России (АИС «Налог-3») представляет собой единую информационную систему ФНС России, обеспечивающую автоматизацию деятельности ФНС России по всем выполняемым функциям, определяемым Положением о Федеральной налоговой службе, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 30.09.2004 № 506, в том числе прием, обработку, предоставление данных и анализ информации, формирование информационных ресурсов налоговых органов, статистических данных, сведений, необходимых для обеспечения поддержки принятия управленческих решений в сфере полномочий ФНС России и предоставления информации внешним потребителям.

АИС «Налог-3» направлена на решение следующих задач:

– обеспечение открытости налоговых органов для налогоплательщика путем упрощения процедур его взаимодействия с ФНС России и перевода их в электронный вид;

– создание единого информационного массива и подключение налоговых органов к новым внешним источникам информации;

– гарантированное соблюдение регламентных процедур налогового администрирования, качество и сроки их реализации;

– снижение текущих издержек налогового администрирования, в первую очередь за счет создания и внедрения электронной системы массовой обработки сведений, поступающих в налоговые органы;

– совершенствование процедур информационного взаимодействия с органами государственной власти и местного самоуправления;

– обеспечение контроля над налоговой деятельностью налогоплательщика путем создания единого и достоверного ресурса, содержащего всю информацию по конкретному налогоплательщику, в том числе сведения, позволяющие своевременно выявлять признаки ухода от уплаты налогов;

– обеспечение автоматизированного мониторинга деятельности ФНС России со стороны руководства налоговых органов;

– повышение качества контрольной работы, в том числе за счет комплексного использования единого информационного ресурса и подключения налоговых органов к новым внешним источникам информации;

– повышение качества принятия решений, анализа и прогнозирования за счет создания аналитических инструментов, позволяющих проводить анализ и прогнозирование налоговых поступлений с учетом макроэкономических показателей и внешних факторов;

– снижение трудозатрат налоговых органов на сбор, ввод, обработку и контроль форм налоговой отчетности;

– снижение трудозатрат налоговых органов на обеспечение межведомственного обмена информацией, освобождение налоговых органов от функций по приему, обработке и сортировке данных, поступающих от других ведомств;

– снижение трудозатрат налоговых органов на проведение расчетов, включая начисление налогов и контроль налоговой отчетности;

– переход от количественного к качественному анализу налогов, налоговой базы, в том числе в рамках совершенствования контрольной работы;

– обеспечение возможности внутреннего аудита результатов работы сотрудников территориальных налоговых органов и центрального аппарата ФНС России.

В РФ пользуется огромной популярностью сервис «Прозрачный бизнес» – это спецпроект, созданный ФНС. С помощью этого сервиса

каждый желающий может получить информацию о конкретном налогоплательщике, имеющейся у него сумме долга по налоговым отчислениям, начисленных пенях. На законодательном уровне вопрос регулируется Налоговым кодексом РФ и приказами ФНС. Данные публикуются каждый год, начиная с 1 июня 2020 года. Необходимость внедрения сервиса обусловлена ростом числа фирм-однодневок, а также операций с сомнительными организациями. Владельцы компаний получают полные сведения о своих контрагентах, также имеют возможность проверить их платежеспособность. С помощью электронного сервиса каждый владелец бизнеса получает объективную картину о своей компании и компании-контрагенте. С помощью «Прозрачного бизнеса» рекомендуется проводить проверку не только для новых контрагентов. Подобные действия следует регулярно осуществлять и в отношении тех, с кем уже налажено сотрудничество. Например, некоторые деловые партнеры могут обанкротиться и не уведомить об этом. Не исключена и смена юридического адреса вместе с руководителем предприятия. Все эти сведения оперативно отображаются в системе.

Цифровизация многих функций налоговых органов привела к значительному сокращению времени и требуемых ресурсов, ранее затрачиваемых на ручное выполнение рабочих задач. Также она позволила существенно повысить скорость и точность обработки данных и минимизировать количество ошибок.

С развитием технологий перед налоговыми администрациями возникают все новые вызовы. Налоговые органы вынуждены идти в ногу со временем, постоянно подстраиваться под новые технологии и эффективно использовать их для повышения качества предоставления услуг налогоплательщикам. Пересмотрев процесс взаимодействия с налогоплательщиками, налоговые ведомства могут сократить затраты, обеспечить добровольность соблюдения налоговой дисциплины и более эффективно и продуктивно реагировать на возникающие потребности налогоплательщиков. Налоговые агентства будущего будут осуществлять взаимодействие с налогоплательщиками совершенно по-новому, на основе важных характеристик:

- предоставление более индивидуализированных услуг;
- проактивное консультирование налогоплательщиков;
- применение новых решений в сфере искусственного интеллекта;
- развитие и совершенствование навыков работы с цифровой средой [5].

Изменяются способы и каналы взаимодействия налоговой администрации с налогоплательщиками, что оказывает значительное влияние на всю их деятельность.

Согласно международной оценке, ФНС России обладает высоким уровнем цифровой зрелости администрирования. Так, система налогового мониторинга названа передовой практикой по выстраиванию цифрового взаимодействия между государством и бизнесом. Она заменяет традиционные проверки на онлайн-взаимодействие на основе удаленного доступа к информационным системам налогоплательщиков и их бухгалтерской и налоговой отчетности. Сейчас эта программа покрывает 30 % налоговых поступлений.

Проведение налогового мониторинга регламентировано положениями статьи 105.29 НК РФ.

Налоговый орган в рамках налогового мониторинга вправе проводить следующие мероприятия (п. 3 ст. 105.29 НК РФ) [1]:

- истребовать у организации необходимые документы;
- истребовать у организации пояснения;
- привлекать эксперта и специалиста в порядке, установленном ст. 95 и 96 НК РФ;
- проводить допрос свидетелей, осмотр территорий в соответствии со ст. 92 НК РФ.

При выявлении противоречий и несоответствий в документах организации налоговый орган направляет сообщение с требованием о предоставлении пояснений или внесении исправлений в течение пяти дней.

При установлении факта нарушения в расчете или уплате налогов организации, налоговый орган в течение десяти дней направляет организации уведомление о наличии оснований для составления мотивированного мнения в порядке, предусмотренном ст. 105.30 НК РФ.

В рамках налогового мониторинга участники раскрывают информацию о своей системе внутреннего контроля (п. 6, 7 ст. 105.26 НК РФ):

- налогоплательщики раскрывают риски, которые идентифицируются системой внутреннего контроля (приложение № 1 и № 3 к приказу ФНС России от 25.05.2021 № ЕД-7-23/518@);
- налоговый орган проводит оценку рисков и составляет карту рисков.

Высокий уровень организации внутреннего контроля участников налогового мониторинга обеспечивает достаточную степень уверенно-

сти относительно достоверности, полноты, своевременности расчета налогооблагаемой базы, налогов (сборов), подлежащих уплате в бюджет.

В настоящее время ФНС России разрабатывает единую цифровую методологическую модель, которая включает в себя разработку стандартизированных налоговых регистров, а также контролей (этапов контролей) в разрезе статей НК РФ и блоков операций.

Данная модель будет включать разработку контрольных соотношений и алгоритмов расчета показателей налоговых регистров организации, что позволит реализовывать подходы к автоматизации проведения процедуры налогового контроля в отношении участников налогового мониторинга.

Такой подход стимулирует налогоплательщиков реализовывать стандартизированные методы контроля, что позволит организациям минимизировать количество ошибок, влияющих на полноту уплаты налогов, и значительно сократит сроки согласования налоговой базы по всем налогам, приведет к сокращению объема истребованных документов.

Среди лучших практик назван и налоговый режим для самозанятых, который позволяет быстро и просто зарегистрироваться в этом качестве через мобильное приложение «Мой налог». Он основан на бесконтактном, бездекларационном налогообложении за счет встроенных в приложение технических решений. В том числе они позволяют формировать электронные чеки, а расчет налога Служба проводит автоматически.

Цифровизация налогового администрирования позволила практически отказаться от традиционных форм проверок и создать условия, когда уклонение от уплаты налогов становится невыгодным. Все транзакции с налоговым риском автоматически попадают в зону внимания налоговых органов через инструменты дистанционного мониторинга и предиктивной аналитики с четкой градацией налогоплательщиков по зонам риска.

По итогам 2023 года в рамках комплексной программы цифровизации Федеральная налоговая служба внедрила полностью новую систему платежей. Кроме того, благодаря автоматизации процессов, количество проверок в 2023 году сократилось в два раза по сравнению с 2022 годом. Реформа платежной платформы позволила сформировать для каждого налогоплательщика один счет в налоговой, следовательно, отпадает необходимость распределять деньги по бюджетам страны – этот процесс берут на себя ФНС и Казначейство. Внедрение данной си-

стемы привело к многократному сокращению так называемых «невъясненных платежей», когда налогоплательщики ошибаются в назначении платежа [3].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что трансформация налогового администрирования в цифровой экономике является необходимой и неизбежной процедурой. Данная трансформация происходит эффективно. Ее темпы невелики, однако шаги кажутся уверенными и правильными. Государственные органы и предприятия все больше и больше приспосабливаются к технологиям и становятся похожими на IT компании. С каждым годом все более рациональными и оптимизированными становятся процессы взаимодействия бизнеса и государственных органов. Можно с уверенностью отметить, что в Федеральной налоговой службе РФ повысилась степень объективности принятия решения, понизились коррупционные риски, унифицировались подходы по принятию решения и создались дальнейшие предпосылки по ускорению таможенных операций и таможенного контроля.

Литература

1. Налоговый кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 05 августа 2000 года № 117-ФЗ (ред. от 23.03.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.04.2024). – Текст : электронный // Консультант-Плюс : [сайт]. – URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165/?ysclid=1ve214b2p30536414 (дата обращения: 21.04.2024).
2. Федеральная налоговая служба (ФНС) : [сайт]. – URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/international_activities/10297602/?ysclid=lvdytjpvml137096764 (дата обращения 23.04.2024). – Текст : электронный.
3. Цифровизация в Федеральной налоговой службе : [сайт]. – URL: [https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Цифровизация_в_Федеральной_налоговой_службе_\(ФНС\)?ysclid=lvdyzrgj6c884674808#.D0.93](https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Цифровизация_в_Федеральной_налоговой_службе_(ФНС)?ysclid=lvdyzrgj6c884674808#.D0.93). (дата обращения 20.04.2024). – Текст : электронный.
4. Налоги и налоговая система Российской Федерации. Практикум: учебное пособие для вузов / Н. П. Мельникова [и др.]; ответственный редактор Н. П. Мельникова. – Москва : Юрайт, 2020. – 317 с. – Текст : непосредственный.
5. Шадурская, М. М. Налоговая система РФ: учебное пособие / М. М. Шадурская. – Екатеринбург: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина. – 2019. – 116 с. – Текст : непосредственный.

Сведения об авторе

Ковтун Елена Владимировна – старший преподаватель кафедры административного, финансового и налогового права ФГБОУ ВО «Донбасский государственный университет юстиции».

E-mail: elena.kovtun@bk.ru

УДК 34.05

**АНТИКОРРУПЦИОННАЯ СТРАТЕГИЯ:
СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ
ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ КИТАЯ, РОССИИ
И ПРИДНЕСТРОВЬЯ**

С. А. Крюков

Исследуется антикоррупционное законодательство Китая, России и Приднестровья в контексте наличия стратегии противодействия коррупции. Рассмотрены основные виды стратегий противодействия коррупции и определено их значение для государства. Изучены различные виды инструментов информационно-коммуникационных технологий, применяемых в области борьбы с коррупцией. Детально рассмотрены плюсы и минусы краудсорсинговых платформ в контексте противодействия коррупции.

Ключевые слова: стратегия противодействия коррупции, информационно-коммуникационные технологии, краудсорсинговые платформы, государство.

**ANTI-CORRUPTION STRATEGY: COMPARATIVE
LEGAL ANALYSIS UNDER THE LEGISLATION OF CHINA,
RUSSIA AND PRIDNESTROVIE**

S. A. Kryukov

The article examines the anti-corruption legislation of China, Russia and Pridnestrovie in the context of the presence of an anti-corruption strategy. The main types of anti-corruption strategies are considered and their importance for the state is determined. Various types of information and communication technology tools used in the field of anti-corruption have been studied. The pros and cons of crowdsourcing platforms in the context of anti-corruption are discussed in detail.

Keywords: anti-corruption strategy, information and communication technologies, crowdsourcing platforms, the state.

Понятие коррупции известно с древних времён и не требует дополнительной расшифровки. Все понимают, что это зло, с которым необходимо бороться. При этом каждое государство в различные исторические периоды своего развития выбирало свой путь борьбы с данным явлением. В современной правоприменительной практике многих стран употребительно к данной тематике используется специальное понятие «стратегия противодействия коррупции».

Рассматривая феномен «стратегия», прежде всего, необходимо отметить, что данная категория более характерна для менталитета восточных стран, нежели западных. Так, известный немецкий китаевед Харро фон Зенгер, начиная с 90-х годов XX в., ввёл в широкий научный оборот термин «стратагема», что в определённом контексте может означать и «стратегия». По его мнению, понятие «стратагема» означает стратегический план, в котором для противника задумана какая-либо ловушка или хитрость [1, с. 17–18].

Интересна сама семантика этого китайского понятия. В частности, слово «стратегия» в китайском языке состоит из двух иероглифов, которые по отдельности означают «война», «план», «тактика», «образ действий». Стратагемность зародилась в глубокой древности и в первую очередь была связана с приёмами военной борьбы. Большое влияние на теоретическую разработку стратагемности оказал величайший военный мыслитель Древнего Китая Сунь-цзы, автор трактата «О военном искусстве», который уже в те времена предлагал облекать предварительные расчёты в форму различных стратегий.

Западная цивилизация рецептировала философские и правовые идеи и подходы Древнего Китая. Понятие «стратегия», кроме военной сферы, стало активно использоваться в бизнес-образовании и бизнес-практике, представляя собой своеобразный долгосрочный план действий в определённой сфере. После успешной апробации в бизнесе понятие «стратегия» стало распространяться в правовом пространстве большинства стран континентальной и англосаксонской правовых систем [2, с. 106].

В Российской Федерации о стратегии противодействия коррупции на законодательном уровне впервые заговорили относительно недавно, закрепив данное понятие в Указе Президента РФ № 460 от 13 апреля 2010 г., которым утверждена «Национальная стратегия противодействия коррупции». В соответствии с Указом стратегия представляет собой постоянно совершенствуемую систему мер организационного, экономического, правового, информационного и кадрового характера, учитывает

федеративное устройство Российской Федерации, охватывает федеральный, региональный и муниципальный уровни, направлена на устранение коренных причин коррупции в обществе и последовательно реализуется федеральными органами государственной власти, иными государственными органами, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, институтами гражданского общества, организациями и физическими лицами [3].

Важно отметить, что одновременно с принятием стратегии противодействия коррупции Указом Президента РФ №460 от 13 апреля 2010 г. утверждался и Национальный план противодействия коррупции на 2010–2011 годы. Несмотря на то, что первый план противодействия коррупции был утверждён Президентом РФ в 2008 году, начиная с 2010 года, можно говорить о том, что в России уже сложилось комплексное правовое регулирование вопросов противодействия коррупции. Вершину пирамиды занимает Национальная стратегия противодействия коррупции, её развивают Национальные планы по противодействию коррупции, принимаемые с 2008 года по настоящее время сроком на 2 года. Важную роль играет базовый Федеральный закон от 25 декабря 2008 года №273-ФЗ «О противодействии коррупции», а также принятые в последующие годы другие законы и нормативные правовые акты в указанной сфере правового регулирования.

В Китае «Государственная стратегия борьбы с коррупцией» появилась лишь четыре года спустя. Она была представлена в октябре 2014 года на пятой сессии Конференции государств – участников Конвенции ООН против коррупции в Вене. Содержание Стратегии по сравнению с российским аналогом относительно небольшое: весь документ состоит из пяти пунктов. Например, первый пункт называется «Укрепление законодательства и институционального строительства; использование верховенства права и правовых методов в борьбе с коррупцией», а пятый – «Улучшение каналов информирования о фактах коррупции и поддержка граждан и средств массовой информации в осуществлении контроля» [4, с. 107].

Коммунистическая партия Китая регулярно разрабатывает программные документы по противодействию коррупции, в частности пятилетние планы работы по созданию и совершенствованию системы профилактики и противодействию коррупции. Примечательно, что начиная с 1990х годов в Китае ведется разработка единого закона о кор-

рупции, но до сих пор такой закон не принят. Нормотворчество в сфере противодействия коррупции в КНР, по большей части, сосредоточено на внутрипартийном уровне. Нормативные положения содержатся в различных разрозненных актах правотворчества, в многочисленных подзаконных актах, ведомственных приказах, инструкциях. Определенная часть документов, регулирующих рассматриваемые вопросы, принимается местными органами государственной власти и управления. В 2016 году на шестом пленуме ЦК КПК 18-го созыва приняты два новых нормативных документа внутрипартийного характера – «Некоторые нормы внутрипартийной политической жизни в новой ситуации» и «Положение КПК о внутрипартийном контроле». В этих документах в общей сложности более 200 пунктов касаются упорядочения поведения руководящих работников, особенно высокопоставленных чиновников. В документах специально отмечается, что «руководящим работникам высокого уровня следует должным образом строить отношения со своими родственниками и подчиненными сотрудниками, сознательно сохранять чистоту общественных связей, повседневного окружения, круга друзей, категорически запрещается привносить товарно-денежные обменные отношения в политическую жизнь и в служебную деятельность». Такие документы в Китае представляют собой разновидность локальных нормативных актов партии, но учитывая особое положение коммунистической партии в Китае, практически 100 %-ю партийность чиновников, их можно отнести к нормативным актам общенационального характера.

Отметим еще один интересный документ – «Правила из восьми пунктов», которые были приняты китайским руководством еще в 2012 году и стали своеобразными этическим нормами поведения чиновников по различным направлениям, включая такие сферы, как поездки, собрания, обмен опытом за счет принимающей стороны и т. д. На практике имеется большой массив примеров поведения чиновников, которые связаны лишь с небольшими отступлениями от этих правил, например, посещение дорогих закрытых клубов, организация роскошных свадеб для своих детей и т. д. Сам по себе такой факт не означает, что эти люди автоматически подозреваются в коррупции, но подразделения по проверке дисциплины и контролю имеют право провести с ними разъяснительную беседу – с вынесением, например, предупреждения, а при наличии серьезных обстоятельств некоторым из чиновников предлагают уволиться по собственному желанию.

В связи с этим руководство Китая стремится упорядочить повседневную деятельность чиновников и ликвидировать причины и условия, порождающие коррупцию, не столько путем принятия новых нормативных актов, а больше практическими мерами, связанными с различными ограничениями и запретами.

Также в Китае реализуются специальные программы по розыску и возвращению «беглых» чиновников, например, программа «Небесная сеть» (Skynet). Так, по состоянию на 2017 год, с начала действия этой программы власти КНР смогли вернуть на родину 2 566 бывших чиновников и депутатов, подозреваемых в различных коррупционных правонарушениях. В числе возвратившихся казнокрадов 39 были из списка 100 самых крупных коррупционеров Китая. 1283 преступника сдались китайским властям самостоятельно, написав явку с повинной. Вместе с уличенными в коррупции чиновниками власти КНР смогли вернуть в бюджет порядка 1,25 млрд долл. коррупционных активов [5, с. 99–100].

Несмотря на отсутствие в Китае закона «о противодействии коррупции» на основе анализа совокупности нормативного правового регулирования в указанной сфере можно сделать вывод о том, что в Китае, так же как и в России, сформирована и функционирует пирамида комплексного правового регулирования вопросов противодействия коррупции, где главенство отдано государственной стратегии борьбы с коррупцией.

Антикоррупционное законодательство ПМР, ориентированное на Российское правотворчество, к сожалению, принимается с явным временным отставанием. Так, Закон «О противодействии коррупции» был принят Верховным Советом ПМР только в 2017 году, в то время как в России он принят на 9 лет ранее, в 2008 году. Общереспубликанский план мероприятий по противодействию коррупции в ПМР на 2021–2023 годы был утверждён через четыре года после принятия Закона ПМР «О противодействии коррупции». Вызывает недоумение тот факт, что срок действия вышеуказанного плана истёк 31 декабря 2023 года, а новый план до настоящего времени так и не принят. Но самый большой недостаток приднестровского правотворчества, в отличие от российского и китайского, заключатся в том, что в нашей Республике отсутствует основной документ, который должен находиться на вершине правовой антикоррупционной пирамиды – стратегия противодействия коррупции.

На примере анализа Национальной стратегии противодействия коррупции Российской Федерации рассмотрим основные причины, свидетельствующие об абсолютной важности наличия данного документа в правовом поле ПМР.

Во-первых, в ПМР на законодательном уровне коррупция не обозначена как угроза безопасности Республике, в то время как в Национальной стратегии противодействия коррупции Российской Федерации коррупция признана одной из системных угроз безопасности Российской Федерации.

Возникает резонный вопрос. Насколько важна для нашего государства проблема коррупции? Только возводя коррупцию в ранг угрозы безопасности государства и закрепляя данный факт на законодательном уровне, мы можем говорить об адекватности государственного реагирования на данную угрозу. В противном случае вопрос борьбы с коррупцией затеряется в числе многих других вопросов, решаемых в процессе государственного строительства. Что впрочем и наблюдается сегодня.

Во-вторых, несмотря на наличие в ПМР ряда антикоррупционных нормативных правовых актов, в том числе и Закона «О противодействии коррупции», в них нет чёткого ответа на вопрос – какова цель противодействия коррупции? При всей очевидности данного вопроса важно понимать конечный результат, к которому в итоге необходимо стремиться. Иначе создаётся ситуация, при которой ведётся борьба ради борьбы. Ответ на данный вопрос закреплён в главе 2 Национальной стратегии противодействия коррупции Российской Федерации, где сказано, что целью Национальной стратегии противодействия коррупции является искоренение причин и условий, порождающих коррупцию в российском обществе. Вот это и есть тот ориентир, который в настоящее время необходим для всех ветвей государственной власти Приднестровья.

Отметив только две причины (хотя возможно добавить еще несколько), мы уже вправе сделать вывод об абсолютной важности наличия в правовом поле ПМР базового и ориентирующего документа под названием «Стратегия противодействия коррупции». При этом необходимо чётко понимать, что выбор стратегии является таким же серьёзным решением, как и само её принятие.

Далее рассмотрим виды стратегий борьбы с коррупцией и сделаем вывод, какая из них является наиболее приемлемой для нашей Респу-

блики. Большинство учёных выделяют четыре вида государственных стратегий противодействия коррупции.

1. Стратегия системного устранения причин коррупции. Основной акцент делается на устранении причин, порождающих коррупцию, а не на внешних проявлениях этой проблемы, то есть деятельности коррупционеров. Однако данная стратегия может быть применена только в отношении стран с западно-европейской моделью коррупции для ее дальнейшей минимизации. На ограниченность применения данной стратегии рамками «здоровых обществ» обращают внимание ряд учёных, где под «здоровыми обществами» понимают страны со сформированными традициями гражданственности и политической конкуренции, с независимой судебной системой и рационализированной гражданской администрацией.

2. Стратегия «войны». Данная стратегия состоит в борьбе с внешними проявлениями коррупции, с уже существующей коррупцией, с конкретными коррупционерами. Следует отметить, что данная стратегия может быть применена только в отношении двух типов обществ: аномичных и авторитарных. Неслучайно эта стратегия, как правило, получила распространение в авторитарных странах Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. К преимуществам данного подхода можно отнести: признание властями существования самой коррупции как актуальной проблемы, активная позиция государства, когда демонстрируются политическая воля и готовность властей к активному реформированию общества, быстрое получение результата. Однако стратегия «войны» имеет также целый ряд недостатков: меры в рамках этой стратегии носят исключительно карательный характер, который выражается в ужесточении государственного контроля, названного С. Хантингтоном одной из причин расцвета коррупции в развивающихся странах; применение данной стратегии связано с постоянной потребностью в её легитимации, так как любая карательная политика требует обоснования, мобилизации общественного мнения в свою поддержку; такая стратегия может быть использована политической силой, находящейся у власти, для сведения счетов с политическими оппонентами. Но самым опасным является угроза образования устойчивых коррупционных сетей. Таким образом, применение стратегии «войны» дает пусть даже краткосрочный, но быстрый результат, а также может выступить механизмом мобилизации общественной поддержки либо всему режиму в

целом, либо конкретным политикам – инициаторам стратегии. Однако в долгосрочной перспективе эта особенность стратегии приводит к общественному недоверию любым попыткам действительно серьезных антикоррупционных реформ, вследствие чего в современных условиях данный подход к борьбе с коррупцией не может рассматриваться как перспективный.

3. Смешанные стратегии противодействия коррупции. Предложенные выше две типологии антикоррупционных стратегий являются скорее «идеальными» схемами, чем точной репродукцией реальных процессов. На практике стратегия устранения причин коррупции включает в себя противодействие конкретным коррупционерам, а стратегия «войны», пусть и во фрагментарном виде, ориентирована и на устранение причин, в связи с чем в реальных условиях может применяться смешанная стратегия противодействия коррупции. Тем не менее практически всегда можно выделить доминирующую стратегию борьбы с коррупцией.

4. Стратегия «сознательной пассивности». Данный подход к противодействию коррупции базируется на утверждении о неэффективности и бесплодности активных действий, направленных на борьбу с ней. Коррупция, с одной стороны, рассматривается как существенная проблема, признается ее вредное влияние на общество и государство, но с другой стороны, считается также, что это временное явление, и либеральная демократия с рыночной экономикой способны без вмешательства решить ее. В результате у государства отсутствует возможность регулирующего воздействия на динамику коррупции, вследствие чего оно самоустраняется от управления в сфере антикоррупционных программ. Кроме того, следование стратегии «сознательной пассивности» может привести к росту коррупции – ситуация имеет тенденцию выходить из-под контроля, и если масштаб коррупции достигает определенного порогового значения, индивидуального в каждом отдельно взятом случае, то начинают развиваться системные дисфункции экономических и социальных механизмов. Коррупция нейтрализует действие рыночных механизмов саморегулирования, а экономические трудности всегда чреваты политическими и социальными потрясениями. Существенным дефектом стратегии «сознательной пассивности» следует признать возможность перехода коррупции в принципиально новую стадию развития, угрожающую превращением государства в клептократию,

обрекающую всю политическую систему на активизацию необратимых процессов и ее полное разрушение. Одним из худших вариантов развития ситуации может быть укоренение культуры коррупции, когда коррупция начинает приобретать характер обыденного и нейтрального по своим последствиям явления. На основании всех этих факторов можно утверждать, что стратегия «сознательной пассивности» чревата целым спектром негативных системных изменений. Это обуславливает полную неоправданность применения такого подхода в долгосрочной перспективе.

Основываясь на вышеуказанной типологии, в результате детального изучения содержания «Национальной стратегии противодействия коррупции», утверждённой Указом Президента РФ № 460 от 13 апреля 2010 г., можно сделать вывод о том, что в России законодательно закреплена смешанная стратегия противодействия коррупции с доминированием элементов стратегии системного устранения причин коррупции. Так, один из принципов стратегии, закреплённый в пункте «б» Главы III «Основные принципы Национальной стратегии противодействия коррупции» звучит: «использование в противодействии коррупции системы мер, включающей в себя меры по предупреждению коррупции, по уголовному преследованию лиц, совершивших коррупционные преступления, и по минимизации и (или) ликвидации последствий коррупционных деяний, при ведущей роли на современном этапе мер по предупреждению коррупции».

Применительно к нашей Республике, с учётом гармонизации законодательства с Российской Федерацией, при разработке стратегии противодействия коррупции ПМР необходимо оставить данный принцип без изменений, тем самым также закрепив на законодательном уровне соответствующий тип стратегии.

Информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) в настоящее время рассматриваются как однозначно позитивный инструмент, делающий правительства более прозрачными, подотчетными и менее коррумпированными. Как утверждают многочисленные исследования, ИКТ могут способствовать прозрачности, подотчетности и участию граждан. Они также могут способствовать пропаганде и более тесному взаимодействию правительства и граждан.

Инструменты ИКТ могут быть сгруппированы несколькими способами, но в настоящем исследовании используется классификация, основанная на литературе, в которой обсуждается связь ИКТ и корруп-

ции. Таким образом, приведенный далее список не является исчерпывающим.

Цифровые государственные услуги являются подформой электронного правительства (e-government), которая предполагает использование инструментов ИКТ, таких как устройства с поддержкой Интернета или электронные системы управления данными для предоставления государственных услуг гражданам.

1. Антикоррупционные краудсорсинговые платформы позволяют большому числу граждан публично сообщать о случаях коррупции через Интернет или по телефону и в первую очередь предназначены для обмена информацией о случаях мелкой коррупции в государственном секторе.

2. Инструменты информирования предназначены для сбора подробных отчетов об отдельных случаях крупной коррупции с целью поддержки уголовного преследования.

3. Порталы прозрачности – это онлайн-платформы, управляемые правительствами или НПО, которые публикуют информацию о деятельности правительства. Примерами могут служить порталы свободы информации или порталы открытых данных.

4. Технологии распределенных реестров, такие как блокчейн, представляют собой децентрализованную и синхронизированную базу данных, поддерживаемую одноранговой сетью, где у каждого пользователя есть копия данных. Вся информация передается, проверяется и сохраняется в постоянных и защищенных записях. Это может быть вызвано мотивацией снизить некоторые риски, связанные с базами данных центрального правительства, которые могут быть взломаны или подвергнуты манипуляциям. Следовательно, использование технологии блокчейн может повысить прозрачность и предотвратить мошенничество и мелкую коррупцию, усиливая возможный надзор и подотчетность.

5. Технологии искусственного интеллекта, такие как нейронные сети, представляют собой обучающиеся алгоритмы, которые выводят закономерности и взаимосвязи из большого количества примеров, чтобы наилучшим образом достичь заранее поставленных целей. Их способность дешево и быстро прогнозировать и выявлять скрытые взаимосвязи делает их ценными при разработке и реализации политики, например, при руководстве усилиями правоохранительных органов или выявлении коррупционных рисков.

Рассмотрим подробнее международный опыт внедрения одного из шести обозначенных инструментов.

В контексте усилий по борьбе с коррупцией краудсорсинговые платформы собирают сообщения от граждан о случаях мелкой коррупции, как правило, через Интернет или по телефону. Эти платформы в первую очередь предназначены для сбора информации о случаях мелкой коррупции в государственном секторе, с которыми столкнулась большая группа граждан. Они могут быть продиктованы интересами правительства или гражданского общества по борьбе с мелкой коррупцией и неэффективностью в государственном секторе, иногда управляются государством или создаются местным гражданским обществом или международными организациями.

Широко используемая антикоррупционная краудсорсинговая платформа «Я заплатил взятку» была впервые представлена в Индии и принята более чем в 10 других странах. Пользователи анонимно делятся своим опытом коррупции, включая характер, местоположение и стоимость коррупционного деяния, а также случаи, когда они отказывались платить взятку или взаимодействовали с честными должностными лицами. Некоторые антикоррупционные краудсорсинговые платформы сосредоточены на конкретных вопросах, таких как проект «Проверь мою школу» на Филиппинах, в рамках которого граждане сообщают об использовании государственных средств школами.

Данные, собранные на краудсорсинговых платформах, рисуют подробную картину того, как и где происходит мелкая коррупция и о каких суммах идет речь. Наблюдательные организации или государственные органы могут отслеживать эту информацию, ужесточая правила и надзор в критически важных областях и привлекая к ответственности коррумпированных государственных чиновников. Например, штат Карнатака в Индии использовал данные «Я заплатил взятку» для продвижения антикоррупционных реформ в департаменте автотранспорта, включая онлайн-приложения и видеомониторинг.

Краудсорсинговые платформы также могут повышать осведомленность общественности, информируя граждан об их правах и незаконности коррупции. Объединение отдельных случаев демонстрирует повсеместность коррупции и потенциально способствует укреплению солидарности, объединяет граждан и создает антикоррупционное сообщество, способное к коллективным действиям. Таким образом, это может повысить прозрачность по мере того, как граждане предостав-

ляют информацию правительству, обеспечивая горизонтальную подотчетность.

Важно отметить, что ценность краудсорсинговых платформ зависит от участия пользователей. На степень объединения граждан и участия в краудсорсинговой инициативе влияет ряд факторов: доступность и качество инфраструктуры ИКТ; навыки и способности граждан; взаимные ожидания и доверие между отдельными лицами; восприятие других пользователей; видение и стратегия краудсорсинговой инициативы; внешняя среда с точки зрения поддержки управления и социально-экономические условия. Недостатки в доступе пользователей, возможностях и доверии, а также недостатки в дизайне платформы и организационной и технической поддержке могут легко привести к снижению ценности или провалу краудсорсинговых инициатив.

Дополнительные опасения связаны с тем фактом, что данные, полученные из краудсорсинга, часто предоставляются анонимно. Следовательно, информацию трудно проверить, что открывает возможности для ложных утверждений и усложняет последующие действия. Возможность появления лазеек в системе безопасности при защите данных пользователей может вызвать недоверие и подвергнуть их риску. И наоборот, краудсорсинговые платформы по борьбе с коррупцией могут также иметь непроизвольный эффект, фактически способствуя мелкой коррупции, поскольку они предоставляют информацию людям, стремящимся подкупить чиновников, например, чтобы ускорить процедуру или выяснить, кто может быть подкуплен, где и по какой цене.

Несмотря на определённый период использования рассматриваемого инструмента в различных странах, установлено, что высококачественные эмпирические данные о влиянии краудсорсинговых платформ на коррупцию в значительной степени отсутствуют. Имеющиеся фактические данные ограничены рядом тематических исследований, указывающих и объясняющих успех или неудачу конкретных платформ с точки зрения участия, полученных данных и последующих действий. Так, краудсорсинговая платформа «Я заплатил взятку в Индии», сгенерировала большое количество отчетов – 162 130 отчетов с 2010 года из более чем 1000 индийских городов в среднем по 25–50 отчетов в день. В результате комиссар по транспорту в Бангалоре обнаружил, что в его департаменте зафиксирован самый высокий уровень взяточничества в штате. Впоследствии он работал с Центром Джанаграха, неправительственной организацией, ответственной за платформу, над реорганиза-

цией процесса выдачи водительских удостоверений, чтобы сократить лазейки для поиска арендной платы.

Сравнивая успех проекта «Я заплатил взятку» в Индии с провалом аналогичных инициатив в Китае, было установлено, что провал был вызван внутренними организационными проблемами. К ним относились бесхозяйственность, оппортунизм с целью использования платформы для личной мести и узкое понимание борьбы с коррупцией как проблемы. Основное внимание уделялось разоблачению и аресту коррумпированных лиц, а не решению структурных проблем. В Индии такие проблемы сравнительно отсутствовали, поскольку центр Джанаграха предлагал автономию и профессионализм, необходимые для направления краудсорсинговой информации в конструктивное политическое взаимодействие и просвещение общественности. Пример Китая указывает на пределы краудсорсинговой активности в авторитарных государствах не только из-за внешних ограничений, но и из-за слабого гражданского общества.

Таким образом, в результате проведённого исследования можно сделать вывод о необходимости комплексного подхода к вопросу противодействия коррупции. В число обязательных элементов должна входить правильно подобранная стратегия, одним из блоков которой должен быть посвящён применению современных достижений в области информационно-коммуникационных технологий.

Литература

1. Зенгер, Х. Стратегемы. О Китайском искусстве жить и выживать / Х. Зенгер. – Т. 1. – Москва, 2004. – С. 17–18. – Текст : непосредственный.
2. Севальнев, В. В. Стратегия противодействия коррупции: опыт Российской Федерации и Китайской Народной Республики / В. В. Севальнев. – Текст : непосредственный // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – № 5. – 2016. – С. 106–107.
3. Севальнев В.В. Законодательство в сфере противодействия коррупции: Россия и Китай (сравнительно-правовой аспект) / В. В. Севальнев. – Текст : непосредственный // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – № 3. – 2017. – С. 99–100

Сведения об авторе

Крюков Сергей Анатольевич – аспирант юридического факультета ГОУ «ПГУ им. Т. Г. Шевченко».

E-mail: ks2001@inbox.ru

ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

М. А. Лободюк

Рассматриваются вопросы, касающиеся значимости правового регулирования вопроса правовой защиты несовершеннолетних ввиду отсутствия эффективно действующей нормативной правовой базы в данной сфере при имеющихся общих нормах конституционного, гражданского и семейного права и других законодательных актов.

Ключевые слова: *сеть Интернет, несовершеннолетние, защита, закон, вредная информация.*

LEGAL PROTECTION OF MINORS ON THE INTERNET

M. A. Lobodyuk

The article discusses issues that relate to the importance of legal regulation of the issue of legal protection of minors due to the lack of an effective regulatory legal framework in this area with the existing general norms of constitutional, civil and family law and other legislative acts.

Keywords: *Internet, minors, protection, the law, harmful information.*

Интернет, получив широкую популярность, с каждым днем вовлекает все большее количество пользователей, среди которых присутствуют несовершеннолетние дети. Почти каждый несовершеннолетний обладает мобильным устройством, которое позволяет выйти в сеть Интернет. Интернет – ведущая в мире образовательная и художественная платформа. Научно-культурные учреждения и организации по всему миру открывают виртуальные двери, в том числе для детей. Он предоставляет детям целый ряд возможностей для выражения своей индивидуальности, обучения, просвещения и самое главное общения. Одновременно с положительными моментами возникают вопросы информационной безопасности детей. Защита несовершеннолетних от угроз в сети Интернет является важной задачей для всех развитых стран мира. Однако недостаточно контролируемый характер всемирной паутины создает много проблем. С одной стороны, это позитивный опыт в плане познания мира, быстрый доступ к необходимым учебным ма-

териалам, онлайн-общение со сверстниками. А с другой стороны, это постоянный риск влияния бесполезной информации, а в последнее время все чаще вредной, или даже опасной для жизни детей информации. Последствия влияния вредной информации могут быть крайне негативными, поэтому проблема регулирования распространения негативной информации в сети Интернет среди несовершеннолетних пользователей является актуальной. Решение проблем, с которыми сталкиваются дети в Интернете, становится приоритетной политикой для большинства государств. В Приднестровье уже поставлено начало формирования группы нормативных правовых актов, целью которых является защита детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию. Нерешенные проблемы в данной области, наличие пробелов в праве – обуславливают необходимость совершенствования правовых норм, направленных на охрану информационной безопасности несовершеннолетних.

Защита несовершеннолетних от угроз в сети Интернет является важной задачей для всех развитых стран мира. Однако плохо контролируемая природа всемирной паутины порождает множество вопросов, которые остаются без ответов, по сей день. С одной стороны, это положительный опыт познания мира, быстрого доступа к необходимым учебным материалам и общения со сверстниками онлайн. С другой стороны, дети всегда рискуют попасть под влияние бесполезной информации, а может вредной или даже опасной для их жизни. Последствия недостоверной информации могут быть крайне негативными, поэтому особенно важно регулировать ее распространение пользователями сети Интернет. Решение проблем, с которыми дети сталкиваются в Интернете, становится политическим приоритетом для большинства государств. В Приднестровье начата работа над комплексом нормативно-правовых актов, целью которых является защита детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию. Для решения этих проблем и заполнения пробелов законодательства в данной сфере требуют совершенствования правового регулирования, направленного на защиту информационной безопасности несовершеннолетних.

Существует несколько направлений борьбы с вредной информацией и ее воздействием на детей: во-первых, закрепление в законах административной и уголовной ответственности за распространение вредной информации; во-вторых, борьба с Интернет-ресурсами, размещающими вредную информацию, вплоть до блокировки сайта; в-

третьих, подготовка детей к виртуальному общению и безопасному использованию сети Интернет. Когда первое и второе можно решить на государственном уровне, то третье возлагается в первую очередь на родителей и потом на воспитательные и образовательные учреждения.

Термин «информационная безопасность детей» определяется в законодательстве Приднестровья, как «состояние защищенности детей, при котором отсутствует риск, связанный с причинением информацией вреда их здоровью и (или) физическому, психическому, духовному, нравственному развитию». Закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» более подробно характеризует информационные продукты, нарушающие информационную безопасность ребенка, при этом разделяет запрещенные информационные продукты и ограниченные в распространении в связи с возрастной категорией детей [3]. При формировании политики защиты детей в интернет-сфере должны учитываться потребности разных возрастных групп. Закон обязывает применять информационные знаки о допустимости информационного продукта к восприятию несовершеннолетними определенных возрастных групп (6, 12, 16 лет). Однако это эффективно при учете доступа детей к информации сети Интернет в образовательных учреждениях либо в домашних условиях при наличии контроля родителей или педагогов. К тому же, приняв во внимание то обстоятельство, что сегодня широкое применение получили индивидуальные мобильные устройства для выхода в сеть Интернет, то реализация данных норм становится малоэффективной. Нужно констатировать тот факт, что ни родители, ни образовательные учреждения не смогут в полной мере обеспечить контроль за потребляемой детьми информацией [5].

Нужно использовать положительный опыт зарубежных стран. Например, один из важных методов защиты детей в Китае – повышение осведомлённости и навыков несовершеннолетних. В КНР в 2016 году принят специальный закон о кибербезопасности («Cyber security Law of the People's Republic of China»), который позволяет на законных основаниях пресечь деятельность тех, кто в сети Интернет ставит под угрозу физическое и психическое здоровье детей [7].

Реализация установленных законодательством правовых гарантий в сфере обеспечения информационной безопасности значительно затруднена в силу того, что интернет представляет собой глобаль-

ную и быстроразвивающуюся информационную среду. Правовые понятия и концепции быстро устаревают, если они нацелены на узкую область применения. Приднестровье идет по пути проведения политики, регулирующей всю информацию, которая может нанести вред физическому и психическому развитию ребёнка независимо от источника её получения. Так, статья 5 закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» определяет и конкретизирует виды информации, причиняющей вред здоровью и (или) развитию детей. Статья 14 закона «Об основных гарантиях прав ребенка в Приднестровье» возлагает на органы государственной власти обязанность по принятию мер по защите ребенка от информации, пропаганды и агитации, наносящих вред его здоровью, нравственному и духовному развитию, в том числе от национальной, классовой, социальной нетерпимости, от рекламы алкогольных и спиртосодержащих напитков, пива и напитков, изготавливаемых на его основе, и табачных изделий, от пропаганды социального, расового, национального и религиозного неравенства, от информации порнографического характера, а также от распространения печатной продукции, аудио- и видеопроductии, пропагандирующей насилие и жестокость, наркоманию, токсикоманию, антиобщественное поведение [2]. Законом устанавливаются требования к распространению среди детей информации, в том числе требования к осуществлению классификации информационной продукции, ее экспертизы, государственного надзора и контроля за соблюдением действующего законодательства о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию.

Но правовых мер в данном случае недостаточно и их следует совмещать с техническими ограничениями доступа к неприемлемому контенту для детей.

По справедливому замечанию С. В. Кобзева, современная ситуация в России, на положительный опыт регулирования отношений которой мы опираемся, свидетельствует о функционировании системы защиты несовершеннолетних от агрессивного интернет-контента, но данная система требует усовершенствования посредством принятия норм, налагающих обязательства на интернет-провайдеров блокировать распространение нелегального интернет-контента в местах общего доступа к сети Интернет; создавать безопасное интернет-пространство для детей; блокировать продвижение на рынок интернет-услуг ресурсов, в кото-

рых не исключен доступ к нелегальной и вредной информации; развивать образовательную и просветительскую деятельность, направленную на повышение уровня осознания проблемы агрессивного контента [6]. Здесь можно сделать вывод о том, что даже развитые страны, такие как Российская Федерация, сталкиваются со сложностями в вопросах регулирования информации в сети Интернет, а вопросы безопасности детей в этой сети еще тяжелее поддаются правовому регулированию. Дети, как особая категория лиц, ввиду возраста не могут самостоятельно адекватно оценить риски, связанные с использованием и обработкой информации, и нуждаются в дополнительной защите со стороны взрослых. Так как ограничить их от вредоносной информации могут только взрослые, государство в первую очередь должно обеспечить им эту безопасность, создав условия для потребления защищенного информационного продукта.

Учитывая вышесказанное, возникает необходимость дополнить п. 2 ст. 61 Кодекса о браке и семье Приднестровья нормой, обязанностью родителей, попечителей, опекунов ограничивать доступ детей к информации, причиняющей вред их здоровью и развитию, не соответствующей возрасту ребенка. Только совместная работа должностных лиц, педагогов, законных представителей и самих детей в области профилактики и предупреждения информационных угроз в Интернете позволит снизить риски, связанные с неблагоприятным воздействием на детей [1].

Интернет представляет собой новое пространство для самовыражения и общения людей, пространство, которое выходит за рамки национальных географических границ. В связи с этим нет конкретного оператора связи, и ни одна отдельно взятая страна не может в полной мере управлять социальным пространством Интернета. Интернет также дает каждому возможность свободно передвигаться, говорить и работать [8]. К сожалению, использование Интернета осуществляется не только на благо общества, но и в незаконных целях. Поэтому вопрос регулирования распространения информации в Интернете является проблематичным и взаимосвязанным. В анонимном распространении информации есть как положительные, так и отрицательные стороны. Анонимность подразумевает возможность использования псевдонима (прозвища) – любого вымышленного имени. Ученые обратили внимание на тот факт, что анонимность является важным фактором, определяющим развитие самодисциплины в Интернете.

Из-за анонимности общения в Интернете социальный статус в обществе не имеет значения, а это значит, что все участники диалога равны друг другу. Любой пользователь имеет возможность высказывать свое мнение, не оглядываясь на мнение общества. Но, с другой стороны, этот пользователь может злоупотреблять своей анонимностью. Затем следуют клевета, ложь, угрозы, нарушения закона и т. д. Во многих случаях по-прежнему игнорируется обратная сторона медали – признание того, что любой может нарушить правила, а это означает, что один и тот же человек может стать преступником и жертвой. Это наблюдение показывает, что требования к нормам общения, предъявляемые к пользователям Интернета, особенно строги (по сравнению с реальным миром).

Несовершеннолетние дети являются активными пользователями Интернета и хорошо знакомы с технологиями и программными средствами, предназначенными для использования Интернета, но из-за своей несформировавшейся психики они чрезвычайно уязвимы перед возникающими угрозами и не могут обеспечить свою психологическую безопасность и сохранность персональных данных.

До недавнего времени законодательство Приднестровья не предусматривало правового регулирования распространения информации в Интернете. Сейчас, применяемые правила исходят из реальной, а не виртуальной жизни. Популярность Интернета, как во всем мире, так и в нашей стране, а также увеличение возрастного диапазона его пользователей выдвинули на первый план проблему контроля за распространением вредной и незаконной информации. На любом этапе распространения информации в сети могут быть приняты меры для защиты детей от вредной информации, наносящей вред их здоровью или развитию. Помимо мер по обеспечению безопасности, необходимо также принимать во внимание правовые нормы, социальные нормы и технические меры. Правовые меры включают запрет пользователям Интернета рассылать вредоносные сообщения, чтобы избежать ответственности за нарушение этого запрета. Данная мера направлена на предотвращение распространения вредоносной информации на онлайн-ресурсах; Интернет-провайдеры и хостинг-провайдеры обязаны обнаруживать и перехватывать вредоносную информацию, передаваемую через собственные серверы, а также дополнять неисполнение или ненадлежащее исполнение настоящей ответственности. Эта мера касается только офици-

альных заявлений о блокировке сайтов, публикующих вредоносную информацию. Использование ключевых слов для просмотра и поиска вредоносной информации пока не реализовано. Это связано со значительной дополнительной нагрузкой на поставщиков услуг и хостинг-провайдеров, что может повлечь увеличение абонентской платы для пользователей услуг. Органы управления образовательными учреждениями обязаны дополнительно фильтровать информацию, вредную для детей. Принудительная фильтрация информации от клиента к серверам интернет-провайдера или хостинг-провайдера и наоборот может использоваться как автономная мера при добровольном принятии данной возможности. Важно отметить, что многие Интернет-провайдеры обязаны предлагать специальные тарифы на интернет-услуги для детей, а поисковые системы и социальные сети по умолчанию включают безопасный поиск.

Использование каждой меры в отдельности не приведет к конкретным результатам. Учитывая различные объекты и способы воздействия на эти объекты, мы можем сказать, что отсутствует действенный механизм регулирования этих отношений. В данном случае можно говорить о синергетическом эффекте применения мер, который сможет гарантировать должный уровень защиты ребенка в Интернете [4]. Именно эффект от взаимодействия скоординированных действий общества, государства, родителей, воспитательных и образовательных организаций, направленных на защиту прав несовершеннолетних, позволит получить наилучший результат. Нет никаких сомнений в том, что необходимо регулировать распространение информации в Интернете. Но нельзя забывать, что необходимо ограничивать и защищать детей от вредной информации в их повседневной жизни: дома, на улице, в школе и т. д. Эта проблема нуждается в более широком решении, что требует принятия образовательных, культурно-просветительских мер, направленных на формирование у детей навыков самостоятельного реагирования на угрозы в повседневных отношениях и при общении в Интернете. Особенно остро этот вопрос возник в условиях ограничений, связанных с COVID-19, учебный процесс перешел и даже остался в интернет-пространстве, и несовершеннолетние вынуждены проводить больше времени в сети Интернет, что увеличивает риски негативного воздействия на их развитие. Для этого государству следует принимать и реализовывать специальные программы, направленные на соответствующее просвещение детей и родителей.

Литература

1. Кодекс о браке и семье Приднестровья от 19 июля 2002 года № 158-3-III. – Текст : непосредственный // САЗ ПМР. 02-29.
2. Закон Приднестровья от 15 июля 2011 г. № 116-3-V «Об основных гарантиях прав ребенка в Приднестровье». – Текст : непосредственный // САЗ 11-28.
3. Закон Приднестровья от 20 июня 2012 года № 97-3-V «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию». – Текст : непосредственный // САЗ 12-26.
4. Андриющенко, Е. С. Интернет-отношения: государственное регулирование и самоуправление / Е. С. Андриющенко. – Саратов, 2010. – 26 с. – Текст : непосредственный.
5. Банщикова, С. Л. Обязанности родителей по обеспечению информационной безопасности несовершеннолетних детей и административная ответственность за неисполнение обязанности / С. Л. Банщикова, И. Ю. Гольяпина. – Текст : непосредственный // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. – 2018. – № 1 (25). – С. 99.
6. Кобзева, С. В. Противодействие распространению агрессивной информации: мировой опыт / С. В. Кобзева; отв. ред. Е. К. Волчинская; Общественный совет Центрального федерального окр., Ин-т общественно- науч. экспертизы. – Москва : ЛИБРОКОМ, 2009. – 63 с. – Текст : непосредственный.
7. Остроушко, А. В. Защита информационной безопасности несовершеннолетних в КНР / А. В. Остроушко, А. А. Букалеров, С. А. Букалеров. – Текст : непосредственный // LegalBulletin. – 2018. – Т. 3. – № 1–2. – С. 58.
8. Рассолов, И. М. Защита частной жизни в сетях международного информационного обмена / И. М. Рассолов. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы российского права. – 2015, № 2. – С. 48–53.

Сведения об авторе

Лободюк Маргарита Александровна – преподаватель кафедры гражданского права и гражданского процесса юридического факультета ГОУ «Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко».

E-mail: lobodyukm88@mail.ru

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОГО ПРАВА В ПРИДНЕСТРОВСКОЙ МОЛДАВСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Н. М. Лысенко

В сфере формирования информационно-телекоммуникационной основы цифровой экономики основными задачами являются развитие сетей связи с учетом требований, предъявляемых цифровыми технологиями, развитие системы центров и цифровых платформ в области обработки данных, достижение состояния защищенности субъектов при взаимодействии в условиях цифровой экономики, в том числе от внутренних и внешних информационных угроз.

Актуальность темы определена потребностями правового, экономического и социального развития государства и общества, глобальной мировой цифровизацией и места в ней Приднестровья. Процесс анализа и оценки современного состояния цифрового права, электронная форма уже возникших в настоящее время и вновь формируемых частных и публичных цифровых отношений требует новых подходов к их регулированию.

Ключевые слова: цифровое право, цифровизация, информационные технологии, юрист в сфере IT, электронное взаимодействие.

PROSPECTS FOR DEVELOPING DIGITAL LAW IN THE PRIDNESTROVIAN MOLDAVIAN REPUBLIC

N. M. Lysenko

There are some essential tasks in forming an information and telecommunications basis of the digital economy. They are a development of communication networks requiring digital technologies, a development of a centers' system and digital platforms in data processing, an achievement of security for subjects interacting in a digital economy, considering internal and external information threats.

This work is relevant due to the needs of the legal, economic, and social development of our state and society, and the global digitalization and the place of Pridnestrovie in it. The process of analyzing and assessing the current status of digital law, the electronic form of currently existing and newly formed private and public digital relations requires new approaches to their regulation.

Keywords: digital law, digitalization, information technology, IT lawyer, electronic interaction.

В современном мире интенсивное развитие цифровых технологий определило перед правом новые задачи в части поиска оптималь-

ных регуляторов таких возникших сегментов экономической активности, как правовое регулирование электронного документооборота, искусственного интеллекта, цифровые активы, защита персональных данных, исключительные права в цифровом измерении, правовое обеспечение новых форм занятости и защиты трудовых прав, государственное администрирование предпринимательской деятельности в цифровой экономике и др. [12, с. 4]. При этом серьезного внимания требует адаптация традиционной правовой картины под новые цифровые условия жизни общества: принципиальная способность права и власти к вмешательству в цифровой мир; специфика норм, регулирующих общение в глобальной сети «Интернет» (обычаи делового оборота, технические нормы и правила, нормативно-правовые регламентации и т. д.); особенности регулирования цифровых достижений в отрасли финансовых технологий (Финтех); правовая природа режимов крипто- и цифровых валют (объект прав и меры защиты виртуальных ценностей), смарт-контракта, правила организации информационного пространства; меры правового реагирования на угрозы в кибербезопасности, механизмы, допустимые к применению в электронной коммерции.

Актуальность внедряемых технологий не только не утрачивается в реалиях современной обстановки в Приднестровском регионе, но и несет за собой очевидные преимущества, что, учитывая опыт других стран и уникальный путь развития республики, позволяет нивелировать конфликты между субъектами рынка, привлекать дополнительное финансирование, способствовать развитию и внедрению инноваций, повышать эффективность юридической практики и взаимодействия с мировым сообществом.

От решения проблемы недостаточного урегулирования либо полного отсутствия закрепления на законодательном уровне рынка цифровых прав (криптовалюты и иных цифровых активов); информационных технологий (ИТ) (блокчейн и иных основанных на принципах распределенности информационных систем); сферы обеспечения правовых условий для использования электронных документов и электронной подписи; особенностей организации и функционирования удостоверяющих центров; отношений, возникающих в связи с инвестированием на цифровых платформах; а также области нового поколения технологий (искусственного интеллекта, смарт-контрактов, невзаимозаменяемых токенов (NFT) и др.) зависят условия совершенствования важнейших

направлений государственной политики, развитие институтов гражданского общества, а также рост экономики страны.

Цифровая форма уже возникших в настоящее время и вновь формируемых правоотношений, требует применения новых подходов к их регулированию. Современный цифровой мир нуждается в построении адекватной технологической реальности модели правового регулирования. Очевидно, что возникающие цифровые концепты приводят к изменению алгоритмов и приоритетов деятельности юриста, что влечет за собой необходимость приобретения новых знаний и овладения несвойственными классической юридической школе навыками [10, с. 492].

Цифровое право – достаточно новая наука в современной юриспруденции. Не все высшие учебные заведения ввели данную дисциплину в свои учебные планы. Вместе с тем следует отметить интенсивную работу по имплементации этого научного направления в программы ведущих университетов мира.

В Приднестровье правовая основа для развития этого направления уже заложена. В частности, Стратегия развития Приднестровской Молдавской Республики на 2019–2026 годы, утвержденная Указом Президента Приднестровской Молдавской Республики от 12 декабря 2018 года № 460 [6], призвана консолидировать действия органов государственной власти и управления, местного самоуправления, институтов гражданского общества по созданию благоприятных условий для реализации национальных интересов и приоритетов Республики, в том числе посредством достижения целей по формированию системы государственного управления и контроля в сфере цифровой активности субъектов, IT и защиты персональных данных.

В отечественном законодательстве базовым законом, регламентирующим правовые условия для использования электронных документов и электронной подписи, определяющим основные права, обязанности участников электронного взаимодействия является Закон Приднестровской Молдавской Республики от 3 июля 2017 года № 205-3-VI «Об электронном документе и электронной подписи» [3].

Также в области цифрового права действует ряд законодательных и подзаконных нормативных правовых актов, определяющих и конкретизирующих особенности регулирования правоотношений, возникающих в электронном пространстве, в том числе требования к защите персональных данных при обработке в информационных системах;

требования к предоставлению государственных услуг в электронной форме; порядок функционирования удостоверяющих центров; порядок организации электронного документооборота; порядок использования электронной подписи и штампа времени; требования по обеспечению безопасности информационных и телекоммуникационных систем и т. д. Введены в действие ГОСТы в сфере IT и автоматизированных систем [9].

Таким образом, в правовых актах постепенно увеличивается число норм, регулирующих отношения в рамках всего электронного информационного пространства. При этом законодательство республики не предусматривает ряд нормативных урегулирований, применяющихся в иностранных государствах, и вместе с тем отдельные законодательные инициативы Приднестровья являются передовыми и своевременными.

Так, например, Гражданский кодекс Российской Федерации [1] пополнился положениями о цифровых правах. Принят отдельный Федеральный закон от 31 июля 2020 года № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [5], содержащий базовые положения в цифровой сфере, в том числе охранительные нормы по защите нарушенных цифровых прав.

Гражданский кодекс Приднестровской Молдавской Республики не содержит подобных регламентаций, однако в Приднестровье действует Закон от 9 февраля 2018 года № 39-3-VI «О развитии информационных блокчейн-технологий в Приднестровской Молдавской Республике» [4], регулирующий развитие блокчейн-технологий и криптовалютную деятельность. Целью Закона является развитие отрасли IT и привлечение инвестиций от деятельности блокчейн.

Также Законом Приднестровской Молдавской Республики от 6 апреля 2009 года № 704-3-IV «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» [2] определено понятие цифровой валюты, которая может быть принята в качестве средства платежа. В России же особое внимание уделено технологии цифрового рубля.

Анализ законодательств обеих стран, оценка практики их применения позволят восполнить имеющиеся пробелы в правовом поле Приднестровья.

В рамках трудового законодательства цифровым правом учитывается то, что в настоящее время на рынке труда возникают мобильные

трудовые функции, предполагающие способность работника действовать в условиях удаленной работы [13, с. 2].

Еще одной актуальной сферой цифрового права является область формирования цифровых платформ, применяемых для целей привлечения инвестиций. Предполагается, что обращение к услугам таких платформ (краудфандинг и краудинвестинг) позволит пользователям, например, высокотехнологичным компаниям, получить дополнительный источник финансирования, но при этом должны быть определены правовые основы деятельности операторов инвестиционных платформ, на законодательном уровне закреплены права и обязанности участников.

Указанное тесно переплетается с такой возникшей в цифровом пространстве новацией, как утилитарные цифровые права, смарт-контракт (самоисполняемый договор), представляющий собой набор функций и данных в блокчейне и преследующий выполнение множества задач: от смены прав собственности на различные токены до управления децентрализованными организациями. Например, на краудфандинговой платформе могут приобретаться, отчуждаться и осуществляться утилитарные цифровые права, которые возникли на основании договора, заключенного с использованием инвестиционной платформы. Осуществление, распоряжение, обременение цифровых прав в краудфандинге можно осуществлять без обращения к третьему лицу, в связи с чем важно правовое регламентирование такой возможности на государственном уровне.

Что касается финансовой сферы, то в настоящее время в банковской деятельности, в области финансовой аналитики возникает большое количество продуктов новейших разработок в области ИТ (криптовалюты, искусственный интеллект, электронные средства трансграничных и транзакционных платежей, цифровые платформы, обеспечивающие возможность создания, покупки и обмена NFT, и т. д.), которые не урегулированы должным образом на государственном уровне. При этом в современном мире происходит размывание границ между рынками, новыми поставщиками цифровых финансовых услуг (сервис провайдерами) и посредниками при предоставлении финансовых услуг; меняются барьеры доступа на финансовый рынок, снижается конкуренция при возникновении крупных закрытых сетей (networks); повышается предложение услуг в сфере трансграничных платежей; снижаются расходы, связанные с выполнением требований законодательства. Вместе с тем по-прежнему необходимо повышение доверия потребителя техноло-

гий, в том числе в рамках его взаимодействия с «Финтех», особенно при уменьшении количества потребителей традиционных финансовых услуг и увеличении новых типов технологий, сетей и сервис провайдеров.

Изложенные факторы определяют необходимость детального изучения влияния «Финтех» на широкий диапазон финансовых услуг, включая рассмотрение возможности создания специализированного органа исполнительной власти, к полномочиям которого будет отнесено регулирование отношений по использованию финансовых технологий.

Выводы, сформулированные по результатам такого изучения, могут способствовать возникновению новых инструментов, возможных к применению в юридической сфере, которые могут повлиять на повышение конкуренции, создание инновационных финансовых продуктов и развитие новой платежной инфраструктуры как в Приднестровье, так и во всем мире. Отсутствие перечня финансовых услуг, которые могут быть оказаны финтех-компаниями, и неясность правового статуса таких компаний порождают риск их неподконтрольности государству.

Особое место в системе цифрового права в зарубежном законодательстве занимают цифровые активы, опыт регулирования которых позволит сформулировать предложения по совершенствованию законодательства Приднестровской Молдавской Республики. Например, инвесторы все чаще прибегают к таким инструментам, как цифровые токены. Однако в Приднестровье отсутствует правовое регулирование оборота цифровых активов, что усложняет защиту прав инвесторов и их кредиторов, способствует их переходу в другие юрисдикции.

При исследовании особенностей правового регулирования ИТ следует исходить из сложившейся практики применения различными странами цифрового права, под которым понимается совокупность правовых институтов и норм разных отраслей права. Это новейший правовой институт, регулирующий разные сферы взаимодействия человека с электронными сервисами и технологиями.

Разрабатываемая государством политика в исследуемой сфере должна быть гибкой и направленной на развитие мирового сотрудничества. Прежде чем разовьется широкое применение новой цифровой технологии, пользователи должны понимать, какой у нее статус с точки зрения закона и каким образом данная технология регулируется отраслевым законодательством, а именно: режим правового регулирования ИТ и защиты данных; особенности договорных отношений между поль-

зователями; последствия в случае сбоя в работе технологии; требования кибербезопасности; при применении Финтех – риск несостоятельности участников информационного взаимодействия; невыполнения обязанностей сторон по договору.

Важность изучения основ цифрового права определена крайней недостаточностью сопутствующего правового регулирования цифровых (электронных) отношений, технического оснащения, отсутствием соответствующей судебной практики, противоречивостью подходов по основным аспектам применения действующих правовых актов и недостаточной квалификацией кадров.

Например, в Приднестровье до недавнего времени на законодательном уровне отсутствовало закрепление возможности получения юридическим лицом так называемого «обезличенного» сертификата квалифицированной электронной подписи, не содержащего в себе данных о владельце – физическом лице, действующем от имени юридического лица. Однако порядок использования такого сертификата предполагает исключительно цели автоматического создания и (или) автоматической проверки электронных подписей в информационных системах.

В части порядка представления электронных документов в архив и их хранения регламентировано, что прием электронных документов в ведомственный архив организации и передача электронных дел, электронных документов в государственный архив проводится на обособленных электронных носителях с однократной записью информации – оптических дисках CD, DVD [7]; а виды документов, относящихся к специальной документации, образующейся в результате профессиональной отраслевой деятельности юридических лиц, со сроком хранения свыше 10 лет или постоянным сроком хранения, не могут использоваться только в электронной форме [8] за соответствующими исключениями.

Следует отметить, что в XXI веке существует возможность передачи информации по защищённым каналам связи, возможность хранения огромного массива данных на новейших носителях, а не на оптических дисках, а также возможность резервного копирования информации, что обеспечивает практически бессрочный срок хранения любых данных. Касательно угрозы порчи таких носителей и утраты информации, стоит обратить внимание на то, что выцветшие чернила и разрушение бумажного носителя от времени или при пожаре нельзя исключать. Риски су-

ществуют всегда, но хранение документации в электронном виде соответствует современным условиям жизни и прошло проверку временем в развитых странах.

Еще одна сложность состоит в том, что согласно установленному в республике порядку представления электронных документов в архив и их хранения, электронный документ должен быть представленным в форме, понятной для восприятия человеком [7]. А в соответствии с Законом Приднестровской Молдавской Республики от 3 июля 2017 года № 205-3-VI «Об электронном документе и электронной подписи» электронный документ имеет форму внутреннего представления и может иметь форму внешнего представления [3]. Важно заметить, что форма внутреннего представления документа (вид записи информации, составляющей электронный документ, на электронном носителе и воспринимаемом только программно-техническими средствами) может отличаться от формы его внешнего представления, и без вывода на печать не быть понятной для восприятия человеком – не специалистом в IT. Это является логичным и должно быть допустимым при формировании электронного документа, например, при табличной форме заполнения полей форматного электронного документа. А при выводе на печать документ может иметь вид, доступный для восприятия любым пользователем. Но законодательством не уделено внимание такой особенности в сфере IT, что усложняет практику ведения электронного документооборота.

Что касается судебной практики в условиях цифровой трансформации, то следует отметить, что при оценке допустимости доказательств в случае анализа копии электронного документа суд не всегда учитывает следующие нюансы: является ли документ, предъявляемый стороной, распечатанным электронным образом документа на бумажном носителе или копией электронного документа; наличествуют ли все необходимые реквизиты при заверении копии электронного документа; какой подписью был подписан электронный документ; была ли выдана электронная подпись аккредитованным удостоверяющим центром, а в случае использования неквалифицированной электронной подписи, соблюден ли в организации порядок признания электронного документа, подписанного такой подписью, равнозначным документу на бумажном носителе; являлась ли в момент подписания документа квалифицированная электронная подпись действующей и т. д. При обращении к штампу

времени, в случае, если документ требовал наличия подписей двух и более лиц, суды не всегда исходят из того, что дату подписания электронного документа следует определять по штампу времени, являющемуся более поздним «последним» по моменту проставления, поскольку именно после проставления подписей всех уполномоченных лиц документ может считаться совершённым.

Отсутствует практика оформления и применения электронных доверенностей. Например, при создании электронной доверенности у нотариуса с проставлением квалифицированных электронных подписей доверителя и нотариуса, у доверителя может появиться возможность использования оригинала электронной доверенности во всех правоотношениях и множество раз.

В части соблюдения законодательства о защите персональных данных при использовании автоматизированных систем, формировании реестров данных, обработки персональных данных существует множество нарушений.

Например, субъектами (операторами) не соблюдается порядок информирования носителя персональных данных в случае передачи полномочий по обработке данных сторонней организации – другому оператору, в том числе искусственному интеллекту, облачным и почтовым сервисам, виртуальным ботам-помощникам (в случае, если эти программы не являются продуктом интеллектуальной собственности субъекта, который осуществляет первоначальный сбор персональных данных).

Органы государственной власти во время осуществления видеосъемки не предпринимают действий по получению в установленных случаях письменного согласия носителя биометрических персональных данных.

Организации, например, в сфере досуга без согласия субъекта распространяют его персональные данные: выводят на экран, расположенный в зале ожидания, фотографию и фамилию, имя, отчество клиента, допускают видеосъемку на цифровой носитель со случайным фиксированием личности клиента с последующей выгрузкой такого материала в общедоступное цифровое пространство и т. д.

В рамках проблематики недостаточной квалификации кадров в сфере цифрового права можно привести следующие примеры.

В случае отправки ответа на обращение гражданина на адрес электронной почты, как правило, отправляется электронный образ документа,

созданного на бумажном носителе, без направления адресату оригинала такого документа традиционной почтой. Указанный ответ не только не сформирован как оригинал с наличием электронной подписи, но и не заверен электронной подписью как копия документа. В случае же создания двух идентичных по содержанию документов на бумажном носителе и в электронном виде допускается ошибка в части несоответствия реквизитов таких документов – номера и даты. Данные реквизиты могут различаться, что приводит к тому, что документы, идентичные по содержанию, являются нетождественными друг другу. Электронная форма документа не соответствует структуре документирования на бумажном носителе.

В Приднестровье признание электронных подписей, созданных в соответствии с нормами права иностранного государства и международными стандартами, и их применение в правоотношениях осуществляются в случаях, установленных международными договорами Приднестровской Молдавской Республики [3]. В настоящее время соответствующие международные договоры отсутствуют. Однако сторонами договора может не учитываться указанный факт, что ведет к возникновению одной из следующих ситуаций: сторона-резидент Приднестровской Молдавской Республики соглашается с тем, что договор подписан электронными подписями, выданными на территории иностранного государства. Указанное впоследствии ведет к сложностям при признании и регистрации такого договора на территории республики; сторонами договора не предусматривается отдельного положения, определяющего взаимного признания сторонами возможности применения электронных подписей, выданных как на территории Приднестровской Молдавской Республики, так и на территории иностранного государства.

В части использования электронной подписи следует отметить случаи нарушения уполномоченными лицами организаций – владельцами электронных подписей требования Закона Приднестровской Молдавской Республики от 3 июля 2017 года № 205-3-VI «Об электронном документе и электронной подписи» по обеспечению конфиденциальности закрытого ключа [3]. Например, руководитель организации может передать личную электронную подпись своим подчиненным сотрудникам для использования, что является грубейшим нарушением законодательства, необеспечением условий для исключения доступа к закрытому ключу электронной подписи и должно сопровождаться незамедлительным уведомлением удостоверяющего центра о факте

компрометации закрытого ключа и требованием приостановления действия или отзыва скомпрометированной электронной подписи. Указанных действий никто не предпринимает, более того, не аннулирует скомпрометированную подпись и в случае увольнения лиц, которые имели к ней доступ.

Примеров достаточно много. Можно и дальше описывать сложности практического применения требований законодательства, действующего в условиях цифрового пространства. Однако в рамках настоящей работы невозможно раскрыть всю проблематику практики.

На основании изложенного следует вывод о том, что, качественно изменив жизнь общества, цифровизация, вопреки распространенному мнению, не изменила основ правового регулирования. Феномен цифрового государства предполагает не только цифровизацию государственного управления, но и формирование всеохватывающей цифровой правовой среды, в которой потенциально меняются образ права, его регулирующая роль, границы и пределы действия [11, с. 2].

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ. – Текст : непосредственный // Российская газета, № 238–239, 08.12.1994.

2. Закон Приднестровской Молдавской Республики от 6 апреля 2009 года № 704-3-IV «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма». – Текст : непосредственный // САЗ 09-15.

3. Закон Приднестровской Молдавской Республики от 3 июля 2017 года № 205-3-VI «Об электронном документе и электронной подписи». – Текст : непосредственный // САЗ 17-28.

4. Закон Приднестровской Молдавской Республики от 9 февраля 2018 года № 39-3-VI «О развитии информационных блокчейн-технологий в Приднестровской Молдавской Республике». – Текст : непосредственный // САЗ 18-6.

5. Федеральный закон от 31 июля 2020 года № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». – Текст : непосредственный // Российская газета, № 173, 06.08.2020.

6. Указ Президента Приднестровской Молдавской Республики от 12 декабря 2018 года № 460 «Об утверждении Стратегии разви-

тия Приднестровской Молдавской Республики на 2019-2026 годы». – Текст : непосредственный // САЗ 18-50.

7. Постановление Правительства Приднестровской Молдавской Республики от 6 марта 2019 года № 73 «Об утверждении Положения о порядке представления электронных документов в архив и их хранения, а также о порядке представления сведений из архивов электронных документов». – Текст : непосредственный // САЗ 19-9.

8. Постановление Правительства Приднестровской Молдавской Республики от 7 сентября 2020 года № 305 «Об утверждении Перечня типовых документов организации системы управления, которые не могут использоваться только в электронной форме». – Текст : непосредственный // САЗ 20-37.

9. Приказ Министерства юстиции Приднестровской Молдавской Республики от 17 февраля 2003 года № 68 «О введении в действие межгосударственных стандартов на территории Приднестровской Молдавской Республики» (с ГОСТ 31.0171.01-91 по ГОСТ 5.1730-72). – Текст : непосредственный // САЗ 03-10.

10. Цифровые отношения как предмет правового исследования. Правовая жизнь: научно-практические заключения, комментарии и обзоры / С. Банакас, Д. А. Петров, В. Ф. Попондопуло, Е. В. Силина. – Текст : непосредственный // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2023. – Т. 14. – С. 492–509.

11. Кресс, В. В. Цифровые права как объекты гражданских прав: правовое регулирование и перспективы развития в условиях цифровизации гражданского оборота / В. В. Кресс. – Текст : непосредственный // Журнал российского права. – 2022. – № 4. – С. 1–13.

12. Кучеров, И. И. Цифровая экономика: актуальные направления правового регулирования: научно-практическое пособие / И. И. Кучеров, С. А. Сеницына. – Текст : непосредственный // ИЗиСП, НОРМА. – 2022. – С. 1–285.

13. Приженникова, А. Н. Работники в «облаках» : особенности трудовых правоотношений / А. Н. Приженникова. – Текст : непосредственный // Современный юрист. – 2021. – № 2. – С. 1–7.

Сведения об авторе

Лысенко Наталья Михайловна – старший юрисконсульт Приднестровского республиканского банка.

E-mail: nate_lisenko@mail.ru

МЕХАНИЗМЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ СУБЪЕКТОВ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В ПРИДНЕСТРОВЬЕ И НАПРАВЛЕНИЯ ИХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

В. В. Лысенко, Н. В. Щукина

Рассмотрены механизмы поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства в Приднестровье, виды и формы государственной поддержки, законодательство в области налогообложения физических и юридических лиц. Также в статье проведен анализ финансовой поддержки субъектов малого предпринимательства в Приднестровье и предложены механизмы и направления совершенствования такой поддержки.

Ключевые слова: *предпринимательство, предпринимательская деятельность, малый и средний бизнес, государственная поддержка, финансовая поддержка.*

STATE SUPPORT MECHANISMS FOR SMALL BUSINESS ENTITIES IN PRIFNESTROVIE AND DIRECTIONS FOR THEIR IMPROVEMENT

V. V. Lisenco, N. V. Shchukina

The article discusses the mechanisms for supporting small and medium-sized businesses in Pridnestrovie, types and forms of state support, legislation in the field of taxation of individuals and legal entities. The article also analyzes financial support for small businesses in Pridnestrovie and proposes mechanisms and directions for improving such support.

Keywords: *entrepreneurship, entrepreneurial activity, small and medium-sized businesses, government support, financial support.*

В Приднестровье на протяжении существования государства вопросам развития малого и среднего предпринимательства (далее – МСП) уделялось повышенное внимание. В частности, формировалась нормативно-правовая база, создавалась соответствующая инфраструктура. На текущий момент ключевые вопросы регулирования государственной поддержки субъектов МСП Приднестровья закреплены в Законе «О развитии и государственной поддержке МСП».

Однако наличие соответствующей законодательной базы не является гарантией наличия в государстве эффективной системы государственной поддержки малого бизнеса [3, с. 8].

Как показывает зарубежная практика, именно грамотно выстроенная последовательная цепочка работы государственных структур с малыми предпринимателями на всех этапах развития бизнеса является наиболее эффективной формой работы с наилучшими конечными результатами [4, с. 109].

В Приднестровье, начиная с 2017 года, который был объявлен «Годом предпринимателя», выстраивается подобное взаимодействие государства и бизнеса. На первоначальном этапе был разработан План мероприятий («дорожная карта») «Улучшение внутренних условий ведения предпринимательской деятельности в Приднестровье» [12], утвержденный Распоряжением Правительства от 4 октября 2017 года № 860р (САЗ 17-41), в котором было предусмотрено 141 мероприятие по различным направлениям.

Следует отметить, что практически все пункты «дорожной карты», которые были сформулированы на основании предложений предпринимателей, были исполнены, что позволило значительно улучшить бизнес-климат в государстве, повысить деловую и инвестиционную активность путем упрощения и улучшения условий ведения бизнеса: был устранён ряд административных барьеров, снижена налоговая нагрузка на предпринимателей, уменьшен коэффициент МРОТ, сокращено время взаимодействия налогоплательщиков и налоговых органов, повышена прозрачность правоприменения законодательства Приднестровья в сфере предпринимательства и др.

Значимым системным моментом является организация прямого диалога государственных структур и бизнеса, реализуемого на постоянной основе [1, с. 168]. Как следствие, в рамках исполнения одного из основных принципов государственной политики Приднестровья в области развития малого и среднего предпринимательства, а именно «в) участие представителей субъектов малого и среднего предпринимательства, некоммерческих и общественных организаций, выражающих интересы субъектов малого и среднего предпринимательства, в формировании и реализации государственной политики в области развития и государственной поддержки малого и среднего предпринимательства, экспертизе проектов нормативных правовых актов Приднестровья, правовых актов органов местного самоуправления, регулирующих развитие и государ-

ственную поддержку малого и среднего предпринимательства». Данный диалог реализуется на постоянной основе, носит конструктивный характер и позволяет, с одной стороны, органам государственной власти оперативно реагировать на запросы бизнеса, а, с другой стороны, бизнесу получать исчерпывающую информацию о реализуемой государственной политике в различных сферах деятельности.

Важнейшим этапом в части выстраивания комплексной системы государственной поддержки малого бизнеса стало создание в 2019 году в составе бюджета специального целевого бюджетного фонда – Фонда развития предпринимательства. В настоящее время Фонд развития предпринимательства является драйвером, направленным на развитие предпринимательства в целом в республике, поддержку инвестиционной деятельности, а также стимулирование предпринимательства на уровне среднего и малого бизнеса.

Основной задачей Фонда развития предпринимательства является создание благоприятного климата для развития предпринимательства в республике, посредством реализации Государственной целевой программы «Поддержка и развитие предпринимательства в Приднестровье», утвержденной на 2019–2022 годы Законом от 29 мая 2019 года № 98-3-VI (CA3 19-20).

В рамках Государственной целевой программы «Поддержка и развитие предпринимательства в Приднестровье» были реализованы ряд крупных проектов «Покупай приднестровское!» [13] и «Функционирование бизнес-школы». Реализация данных проектов была направлена на расширение производства и увеличение продаж на внутреннем рынке товаров отечественного производства, стимулирование интереса к ним со стороны покупателей и предприятий розничной торговли, а также предоставление образовательных услуг по актуальным вопросам ведения бизнеса, обучение бизнес-планированию, консультирование по составлению бизнес-планов, помощь начинающим предпринимателям в получении льготных кредитов, поиске инвесторов в создании собственного дела.

Параллельно с этими процессами шло также совершенствование системы налогообложения, прежде всего в части налогообложения индивидуальных предпринимателей. В частности, с 1 апреля 2019 года в результате проведенной масштабной совместной работы законодательной и исполнительной ветвей государственной власти на территории Приднестровья вместо патентной системы налогообложения индивидуальных предпринимателей в соответствии с нормами Закона от 26

сентября 2008 года № 557-3-IV «Об индивидуальном предпринимательском патенте» (САЗ 08-38) [5] была введена трехуровневая система налогообложения физических лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность, которая регулируется тремя законами: Закон от 30 сентября 2018 года № 278-3-VI «Специальный налоговый режим – о самозанятых лицах» (САЗ 18-39) [6]; Закон от 30 сентября 2018 года № 269-3-VI «Специальный налоговый режим – патентная система налогообложения» (САЗ 18-39) [7]; Закон от 30 сентября 2018 года № 270-3-VI «Специальный налоговый режим – упрощенная система налогообложения» (САЗ 18-39) [8];

Разработанный трехуровневый порядок налогообложения предусматривает поступательное увеличение налоговой нагрузки при переходе на каждый следующий этап роста доходности и развития бизнеса с одновременным предоставлением больших возможностей для осуществления предпринимательской деятельности и, тем самым, стимулирующий в дальнейшем оформление деятельности индивидуального предпринимателя в форме юридического лица.

Таким образом, на настоящий момент можно говорить о наличии в Приднестровье достаточно проработанного и системного подхода в части реализации механизма государственной поддержки малого бизнеса. Однако остаются еще отдельные направления государственной поддержки, требующие дополнительного внимания со стороны государства, совершенствование которых возможно, в том числе, с учетом имеющегося международного опыта и реализуемых зарубежных практик.

Так, достаточно значимым для развития малого предпринимательства в любом государстве в силу ограниченности собственных ресурсов является такой вид государственной поддержки, как финансовая поддержка. Как правило, формами такой поддержки могут выступать грантовые программы, программы льготного кредитования, лизинговые программы, предоставление государственных и муниципальных гарантий по обязательствам субъектов малого бизнеса [2, с. 62]. В Приднестровье общие принципы реализации подобного вида поддержки прописаны в статье 11 Закона «О развитии и государственной поддержке МСП» [9]. В частности, определено, что в целях финансовой поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства могут создаваться специальные фонды.

По вопросу обеспечения доступа к финансовым ресурсам следует отметить, что определенные положительные сдвиги в данном направ-

лении за последние годы произошли, но затрагивают они пока только сегмент уже работающего бизнеса, который обладает определенной банковской историей, достаточными финансовыми ресурсами и возможностью гарантировать исполнение обязательств за счет собственного имущества либо поручительств сторонних лиц.

Так, в настоящее время субъекты МСП могут воспользоваться несколькими программами льготного кредитования. Одна из них реализуется в рамках Закона от 4 ноября 2004 года № 487-3-III «О Фонде государственного резерва» (САЗ 04-45) [10] и источником ее являются средства безвозмездной помощи Российской Федерации, направленные на поддержку экономики Приднестровья в период экономического кризиса 2008/2011 гг. Соответственно, в статье 4 Закона «О фонде государственного резерва Приднестровья» предусмотрено, что в составе финансового резерва Приднестровья может быть сформирован отдельный резерв финансовых средств, включающий в себя:

а) финансовый резерв, сформированный за счет средств безвозмездной помощи Российской Федерации и возврата ранее выданных кредитных средств, предназначенных для развития агропромышленного комплекса Приднестровья;

б) финансовый резерв, сформированный за счет средств безвозмездной финансовой помощи Российской Федерации и возврата ранее выданных кредитных средств, предназначенных для развития субъектов малого предпринимательства Приднестровья;

в) финансовый резерв, сформированный за счет средств безвозмездной помощи Российской Федерации и возврата ранее выданных кредитных средств, предназначенных для кредитования субъектов малого предпринимательства и агропромышленного комплекса, не обеспеченных залоговым обеспечением.

Предоставление кредитов и беспроцентных займов хозяйствующим субъектам осуществляется по направлениям и в порядке, определенным Постановлением Верховного Совета от 28 марта 2018 года № 2031 «Об утверждении Положения о направлениях и порядке расходования средств финансового резерва Фонда государственного резерва Приднестровья, сформированного за счет средств безвозмездной помощи Российской Федерации, поступившей для предоставления технических кредитов в целях оказания поддержки субъектам агропромышленного комплекса, субъектам малого предпринимательства» (САЗ 18-14) [11].

Для того, чтобы говорить об эффективности и востребованности подпрограмм льготного кредитования, можно проанализировать отчеты Фонда государственного резерва Приднестровья за период 2012–2023 гг.

Так, по состоянию на конец 2021 года в рамках подпрограммы кредитования субъектов МП с полным залоговым обеспечением за счет средств безвозмездной помощи Российской Федерации было выдано 38 кредитов на общую сумму 52,2 млн руб. РФ и 352,5 тыс. евро. В 2022 году производилась выдача беспроцентных займов для дальнейшего кредитования субъектов АПК и малого предпринимательства в размере 1,2 млн. евро, а также гражданам на развитие личного подсобного хозяйства в размере 2,6 млн. руб. Приднестровья [14]. Что же касается подпрограммы по кредитованию субъектов МП с неполным залоговым обеспечением и поручительством Фонда государственного резерва Приднестровья, то за весь период было выдано 9 кредитов на сумму 12,3 млн руб. РФ, при этом 7 кредитов было выдано в 2018 году и 2 – в 2019 году. В 2020–2022 годах подобных кредитов больше не выдавалось, несмотря на наличие лимитов. Анализируя же структуру заемщиков по видам деятельности, следует отметить, что 6 из них относятся к сельскому хозяйству, 1 предприятие функционирует в сфере общепита и лишь 2 можно отнести к производственному сектору.

Все эти цифры говорят о недостаточно высокой эффективности действующих в Приднестровье механизмов финансово-кредитной поддержки субъектов МП со стороны государства. Особенно, если речь идет о стартапах. Как правило, это самая уязвимая часть бизнес-сообщества, требующая от государства максимально широкого спектра инструментов поддержки.

В чем же причины сложившейся ситуации, и какие шаги, в том числе в части нормотворчества, следует предпринять органам государственной власти для ее разрешения? Если говорить об уже действующих механизмах, закрепленных в рамках Закона «О Фонде государственного резерва» и Постановления № 2031, то, прежде всего, надо учесть риски банковского сообщества и постараться их минимизировать. Речь идет, в первую очередь, об урегулировании вопросов, связанных с предоставлением поручительства Фонда государственного резерва Приднестровья.

Формально действующая редакция вышеуказанного закона наделяет Фонд государственного резерва Приднестровья правом на заклю-

чение договоров поручительства, однако не предусматривает иного, кроме республиканского бюджета, источника исполнения обязательств Фонда по договорам поручительства, по которым у кредитных организаций возникли права требования. Соответственно, для активизации процесса кредитования субъектов агропромышленного комплекса и субъектов малого предпринимательства при недостаточности либо полном отсутствии у них залогового обеспечения посредством традиционной работы коммерческих банков с заемщиками необходимо внесение ряда изменений в действующую редакцию Закона.

В частности, предлагается закрепить в Законе нормы, которые конкретизировали бы механизм исполнения обязательств Фонда перед кредитными организациями по договорам поручительства посредством закрепления правовой возможности использования денежных средств финансового резерва, сформированного за счет средств безвозмездной помощи Российской Федерации и возврата ранее выданных кредитных средств.

Также следует конкретизировать механизм исполнения обязательств Фонда государственного резерва Приднестровья перед кредитными организациями по договорам поручительства путем зачета встречных требований Фонда и кредитной организации с наступившим сроком исполнения в пределах суммы обязательств, неисполненных перед кредитной организацией хозяйствующим субъектом по кредитному договору. Данные требования вытекают из заключенных между ними договоров беспроцентного займа и поручительства.

Кроме того, необходимо конкретизировать в Законе порядок взаимодействия Фонда с кредитными организациями при рассмотрении заявок хозяйствующих субъектов на кредитование и определить последовательность рассмотрения органами управления Фонда поступивших от кредитных организаций или от хозяйствующих субъектов заявок на кредитование или на получение беспроцентных займов. В частности, предлагается в Законе закрепить, что кредитные организации проводят оценку рисков по заявкам хозяйствующих субъектов на получение кредитов и направляют представления в отношении заявок, удовлетворяющих требованиям кредитных организаций, вместе с этими заявками в дирекцию Фонда государственного резерва Приднестровья для последующей передачи на рассмотрение в наблюдательный совет Фонда. В случае, если заявка требует предоставление поручительства Фонда ходатайство о его предоставлении по итогам

рассмотрения заявок также должно оформляться кредитными организациями и направляться с пакетом документов в Фонд.

Имплементация данных предложений в правовое поле республики позволит отчасти решить проблему с доступом стартапов к кредитным ресурсам и повысить эффективность действующих механизмов государственной поддержки.

Однако специфика такого сегмента малого бизнеса, как стартапы или начинающие предприниматели, требует применения расширенного инструментария мер финансовой поддержки. Гораздо более приемлемой формой для них является грантовая поддержка, то есть предоставление средств на безвозвратной основе для реализации собственных проектов. В Приднестровье на текущий момент эта ниша в основном представлена деятельностью различных некоммерческих организаций, аккумулирующих средства международных доноров и реализующих различные программы по предоставлению грантовых средств.

Для государства это новое направление поддержки, но существенные шаги в части имплементации нормативных основ в правовое поле республики уже сделаны. Так, в 2022 году Закон от 6 июня 2016 года № 149-3-VI «О дополнительных мерах, направленных на стабилизацию экономики» (САЗ 16-23) [13] был дополнен статьей 9–10, которая формирует законодательную базу для оказания кредитной поддержки начинающих предпринимателей.

На момент заключения кредитного договора начинающий предприниматель уже должен по факту либо закончить процесс оформления юридического лица, либо зарегистрироваться в качестве индивидуального предпринимателя и получить документ на применение упрощенной системы налогообложения.

Кредиты будут выдаваться кредитными организациями из собственных ресурсов, с соблюдением всех правил и процедур оценки риска, представленных начинающими предпринимателями бизнес-планов на цели приобретения (реконструкции, строительства) основных средств, транспорта для осуществления деятельности по приоритетным направлениям.

Еще одним вариантом решения проблемы малых предпринимателей, включая стартапы, в части обеспечения доступа к кредитным ресурсам, как к коммерческим, так и к льготным, для проектов с неполным залоговым обеспечением могло бы стать создание государством

соответствующего Гарантийного фонда по аналогии с действующей международной практикой.

Подобные гарантийные фонды широко распространены как в странах СНГ, так и в государствах Западной Европы, Азии, Америки.

На первоначальном этапе страховой резерв Гарантийного фонда формировался бы государством. В дальнейшем его пополнение происходило бы за счет комиссионного сбора, величина которого составляла бы расчетный процент от суммы выдаваемого кредита. Как правило, величина данного сбора в международной практике варьирует от 1 % до 3 % от суммы выдаваемого кредита.

Объем предоставляемых гарантий можно было бы установить на уровне 50 % от размера кредита, также в зависимости от целей кредитования (основные или оборотные средства) целесообразно было бы рассмотреть и вопрос установления ограничений по гарантиям на уровне абсолютных значений.

Схема работы Гарантийного фонда может быть сформулирована следующим образом:

- субъект предпринимательства обращается в один из банков-партнеров, с которым у Гарантийного фонда заключено соглашение о сотрудничестве, с заявкой на получение кредита;
- банк самостоятельно рассматривает заявку Заемщика, анализирует представленные им документы и оценивает его финансовое состояние. Если единственное препятствие к получению кредита – недостаточная залоговая база, то банк-партнер информирует субъекта предпринимательства о возможности привлечения гарантии Гарантийного фонда;
- при согласии Заемщика получить гарантию, банк-партнер направляет в Гарантийный фонд подписанную Заемщиком заявку на предоставление гарантии, а также необходимый пакет документов;
- Гарантийный фонд в течение определенного регламентом времени принимает решение о предоставлении гарантии Заемщику. В случае положительного решения предоставляется гарантия;
- Заемщик после заключения договора единовременно за весь срок оплачивает вознаграждение Гарантийному фонду;
- субъект получает кредит.

Основное преимущество гарантийных фондов заключается в том, что они могут использовать свой капитал с большим эффектом. Это связано с тем, что такие фонды не выдают кредиты, а только обеспе-

чивают гарантии под имеющиеся средства. Другими словами, общий объем гарантированных кредитов может в 5–10 раз превышать капитал самого фонда. По мере погашения кредитов заработанные средства увеличивают объем доступного капитала. Однако этот мощный мультипликатор – лишь одно из преимуществ гарантийных фондов. Еще одним преимуществом является то, что налаживание отношений с банками позволит не только повысить шансы МСП на получение будущих кредитов, но и создать кредитную историю для других кредиторов.

Таким образом, при наличии у государства соответствующих финансовых ресурсов представляется целесообразным в перспективе рассмотреть вопрос создания в Приднестровье соответствующего Гарантийного фонда, представляющего собой распространенный, востребованный и эффективный инструмент поддержки малого предпринимательства, прежде всего, начинающих предпринимателей, который поможет решить ключевую проблему – обеспечение доступа к кредитным средствам.

Литература

1. Анненкова, А. А. Оценка эффективности государственных программ поддержки малого предпринимательства : проблемы и пути решения / А. А. Анненкова, Д. Л. Жучкова. – Текст : непосредственный // Вестник ОрелГИЭТ. – 2019. – № 1. – С. 168–173.
2. Белоусова, С. Н. Оценка мер государственного регулирования субъектов малого предпринимательства / С. Н. Белоусова, В. Ю. Циклаури, Л. Н. Хардикова. – Текст : непосредственный // Известия Юго-Западного государственного университета. – 2018. – № 4(29). – С. 61–70.
3. Белоусов, А. Л. Аудит мер поддержки малого и среднего предпринимательства / А. Л. Белоусов. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы экономики и права. – 2020. – № 1. – С. 5–21.
4. Быкова, Н. В. Современный подход к оценке эффективности государственной поддержки малого предпринимательства / Н. В. Быкова. – Текст : непосредственный // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2014. – № 4. – С. 107–112.
5. Закон Приднестровья от 26 сентября 2008 года № 557-3-IV «Об индивидуальном предпринимательском патенте». – Текст : электрон-

ный // САЗ 08-38. – URL : <https://vspmr.org/legislation/laws/> (дата обращения: 09.05.2024).

6. Закон Приднестровья от 30 сентября 2018 года № 278-3-VI «Специальный налоговый режим – о самозанятых лицах». – Текст : электронный // САЗ 18-39. – URL : <https://vspmr.org/legislation/laws/> (дата обращения: 09.05.2024).

7. Закон Приднестровья от 30 сентября 2018 года № 269-3-VI «Специальный налоговый режим – патентная система налогообложения». – Текст : электронный // САЗ 18-39. – URL : <https://vspmr.org/legislation/laws/> (дата обращения: 09.05.2024)

8. Закон Приднестровья от 30 сентября 2018 года № 270-3-VI «Специальный налоговый режим – упрощенная система налогообложения». – Текст : электронный // САЗ 18-39. – URL : <https://vspmr.org/legislation/laws/> (дата обращения: 09.05.2024)

9. Закон Приднестровья от 24 июля 2017 года № 236-ЗИ-VI «О развитии и государственной поддержке малого и среднего предпринимательства». – URL : <https://vspmr.org/legislation/laws/> (дата обращения: 09.05.2024). – Текст : электронный.

10. Закон от 4 ноября 2004 года № 487-3-III «О Фонде государственного резерва». – Текст : электронный // САЗ 04-45. – URL : <https://vspmr.org/legislation/laws/> (дата обращения: 09.05.2024).

11. Постановление Верховного Совета от 28 марта 2018 года № 2031 «Об утверждении Положения о направлениях и порядке расходования средств финансового резерва Фонда государственного резерва Приднестровья, сформированного за счет средств безвозмездной помощи Российской Федерации, поступившей для предоставления технических кредитов в целях оказания поддержки субъектам агропромышленного комплекса, субъектам малого предпринимательства». – Текст : электронный // САЗ 18-14. – URL : <https://fgr.gospmr.org/zakonodatelstvo/postanovleniya> (дата обращения: 09.05.2024).

12. Распоряжение Правительства Приднестровья от 4 октября 2017 года № 860р «Об утверждении Плана мероприятий («дорожная карта») «Улучшение внутренних условий ведения предпринимательской деятельности в Приднестровье». – Текст : непосредственный // САЗ 17-41.

13. Торгово-промышленная Палата. – URL: <https://tiraspol.ru/meropriyatiya/pokupay-pridnestrovskoe/> (дата обращения: 09.05.2024). – Текст : электронный.

14. Фонд государственного резерва Приднестровья. Официальный сайт. Отчет о результатах деятельности Фонда государственного резерва ПМР за 2022, 2023 год. – URL : <https://fgr.gospmr.org/o-fonde/otchjoty> (дата обращения: 09.05.2024). – Текст : электронный.

Сведения об авторах

Лысенко Владлена Владимировна – доктор юридических наук, профессор, юридический факультет ПГУ им. Т. Г. Шевченко зав. кафедрой международного права и ТГиП.

E-mail: vlada.lisenco@gmail.com

Щукина Наталья Викторовна – доктор юридических наук, профессор, юридический факультет ПГУ им. Т. Г. Шевченко зав. кафедрой предпринимательского и трудового права.

E-mail: nataliashchukina@gmail.com

УДК 349.442

РАЗМЕР САНИТАРНО-ЗАЩИТНОЙ ЗОНЫ КАК УСЛОВИЕ ЛЕГАЛИЗАЦИИ САМОВОЛЬНОЙ ПОСТРОЙКИ

П. В. Мунтяну

В статье рассматриваются проблемы поиска баланса между частноправовыми интересами собственника производственного объекта, связанного с узакониванием самовольной постройки, и публично-правовыми интересами государства в обеспечении гарантий прав граждан на охрану здоровья и благоприятную окружающую среду. Цель работы заключается в определении возможности применения судами размера санитарно-защитной зоны в качестве необходимого условия для принятия решения по вопросу признания права собственности на самовольную постройку производственного назначения.

В результате исследования автор приходит к выводу о необходимости назначения санитарно-эпидемиологических экспертиз по данной категории дел для выяснения размера санитарно-защитной зоны и земельных участков, входящих в её границы. Данная статья поднимает дискуссию о необходимости совершенствования законодательства и правоприменительной практики по затронутой теме.

Ключевые слова: самовольная постройка, санитарно-защитная зона, баланс интересов, приобретение прав, охрана здоровья.

SIZE OF SANITARY PROTECTION ZONE AS A CONDITION FOR LEGALIZATION OF UNAUTHORIZED CONSTRUCTION

P. V. Munteanu

The article examines the problems of finding a balance between the private legal interests of the owner of a production facility in legitimizing unauthorized construction and the public legal interests of the state in ensuring guarantees of citizens' rights to health care and a favorable environment.

The purpose of the work is to determine the possibility of courts using the size of the sanitary protection zone as a necessary condition for making a decision on the issue of recognition of ownership of an unauthorized construction for industrial purposes. As a result of the work, the author comes to the conclusion that sanitary and epidemiological examinations are mandatory for this category of cases to determine the size of the sanitary protection zone and land plots within its boundaries. This article allows us to raise a discussion on the need to improve legislation and law enforcement practice on the topic raised.

Keywords: *unauthorized construction, sanitary protection zone, balance of interests, acquisition of rights, health protection.*

Возведение и закрепление на земельном участке искусственной недвижимости в большинстве случаев связано с получением официального разрешения уполномоченного органа публичной власти. Отсутствие такого разрешения может служить основанием для признания построенного здания или сооружения самовольными. Кроме того, к этой категории относятся здания или сооружения, строительство которых велось без наличия вещных или обязательственных прав на земельный участок. Нарушение строительных норм и правил, а также отсутствие учета действующих на земельном участке ограничений, таких как зоны с особыми условиями использования территорий, также позволяют квалифицировать возведенный объект как самовольный. Законом предусмотрена строгая ответственность для владельца такого объекта – снос самовольной постройки.

Несмотря на всю серьезность последствий нарушения указанных требований при строительстве и реконструкции объектов капитального строительства, закон предусматривает возможность фактического узаконивания такой постройки и вовлечения её в нормальный гражданский оборот при соблюдении определенных условий.

Пункт 3 статьи 222 Гражданского кодекса РФ [3] устанавливает специальное основание для приобретения права собственности на не-

движимость. Согласно данной норме, право собственности на самовольную постройку может быть признано судом при одновременном соблюдении трех условий:

- 1) лицо, осуществившее постройку, имеет права на земельный участок, допускающие строительство данного объекта;
- 2) на день обращения в суд постройка соответствует установленным требованиям;
- 3) сохранение постройки не нарушает права и охраняемые законом интересы других лиц и не создает угрозу жизни и здоровью граждан.

Как указывают некоторые специалисты в области гражданского права, целью данной нормы является «обеспечение баланса между частными и публичными интересами, защита основных конституционных прав собственников, обеспечение безопасности строительства, а также защита прав и законных интересов неопределенного круга лиц» [9].

Сложившаяся судебная практика свидетельствует о том, что для оценки соблюдения второго и третьего условий суды назначают строительно-технические и пожарные экспертизы объектов [10]. Как правило, в рамках этих экспертиз исследуются принятые конструктивные решения, которые должны быть оценены с точки зрения надежности строительных конструкций и обеспечения требуемой противопожарной безопасности. Оценка соблюдения санитарных правил и гигиенических норм, как правило, не проводится. В то же время назначенная судом санитарно-эпидемиологическая экспертиза показывает уровень безопасности производства какой-либо продукции на самовольном объекте, уровень безопасности труда рабочих и другие внутренние характеристики объекта. Для оценки внешнего воздействия, в основном, выясняется наличие или отсутствие централизованного водоотведения или собственной канализации, а также организация порядка размещения отходов производства.

Вместе с тем от зданий и сооружений производственного назначения в атмосферный воздух попадают вредные химические, физические и биологические выбросы, которые в определённых концентрациях негативно сказываются на здоровье людей и окружающей среде. С целью предотвращения причинения вреда на этапе строительства производственного объекта разрабатывается проект санитарно-защитной зоны. Определение точного размера данной зоны вокруг проектируемого

объекта является ключевым при принятии решения о возможности или целесообразности размещения производства в конкретном месте.

Попадание соседнего земельного участка в санитарно-защитную зону означает, что в отношении него устанавливается ограничение в виде запрета на размещение жилых домов, больниц, школ и других объектов социального назначения с постоянным пребыванием людей (п. 5 Правил установления санитарно-защитных зон и использования земельных участков, расположенных в границах санитарно-защитных зон, утверждённых Постановлением Правительства РФ от 3 марта 2018 г. № 222 [7]). Как отмечают некоторые исследователи, размещение существующего жилого дома в санитарно-защитной зоне является основанием для его признания непригодным для проживания независимо от его физического износа [11].

Следует отметить, что размер санитарно-защитной зоны не всегда будет иметь округлую форму. Расстояние от производственного объекта рассчитывается по восьми направлениям (юг, юго-запад, север и т. д.) и может быть неодинаковым для каждой стороны. Согласно СанПиН 2.2.1/2.1.1.1200-03 [8], нормативный размер санитарно-защитной зоны может варьироваться от 50 до 1000 м. Однако по итогам расчёта и исследований конкретного производственного объекта размер санитарно-защитной зоны может отличаться и не вписываться в указанные рамки.

На наш взгляд, очевидно, что если суды в делах по признанию права собственности на самовольную постройку не будут учитывать размер формируемой санитарно-защитной зоны, то правообладатели близлежащих земельных участков могут быть существенно ограничены в своих правах.

Необходимость соблюдения и оценки судами размера санитарно-защитной зоны в данной категории дел также подтверждается следующими доводами. Согласно пп. 2 п. 1 ст. 40 Земельного кодекса РФ [4], собственник земельного участка имеет право возводить производственные здания и сооружения с соблюдением, в том числе, санитарно-гигиенических правил и нормативов.

Корреспондирует данному праву обязанность правообладателя соблюдать при использовании земельных участков требования, в том числе санитарно-гигиенические правила и нормативы, а также осуществлять строительство и реконструкцию зданий и сооружений в соответствии с требованиями законодательства о градостроительной

деятельности (ст. 42 Земельного кодекса РФ). Эти требования можно назвать общими и действующими по принципу «не навреди ни себе, ни своему соседу».

Помимо этого, следует учитывать, что проектирование санитарно-защитных зон относится к планировочным решениям по застройке определённого населённого пункта. С этой точки зрения населённый пункт представляет собой сложную концепцию. Если на каком-либо участке запланировано строительство определённого объекта, то под него подводится соответствующая инфраструктура. По уровню обеспеченности благоприятными условиями проживания и работы можно оценить, насколько успешными оказались планировочные решения по застройке той или иной территории. И наоборот, включение в оборот новой, не запланированной недвижимости рушит всю систему. Поэтому в пункте 2 статьи 12 Федерального закона от 30.03.1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» предусмотрено требование об обязательном соблюдении санитарно-защитных зон при разработке градостроительной документации и принятии решений по вопросам размещения гражданских и промышленных объектов.

Право человека на охрану здоровья (ст. 41) и право на благоприятную окружающую среду (ст. 42) гарантируются Конституцией РФ [1]. Обеспечение санитарно-эпидемиологического благополучия населения является одним из важнейших условий реализации указанных прав. Под санитарно-эпидемиологическим благополучием понимается состояние здоровья населения и среды обитания, при котором отсутствует вредное воздействие факторов окружающей среды на человека и обеспечиваются благоприятные условия его жизнедеятельности (абз. 2 ст. 1 Федерального закона от 30.03.1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения»).

Таким образом, по нашему мнению, судам следует назначать санитарно-эпидемиологическую экспертизу в данной категории дел в отношении производственных объектов для выяснения размера санитарно-защитной зоны. В случае расположения в пределах данной зоны земельных участков, домов и других объектов, запрещённых к размещению, их правообладатели должны быть привлечены к участию в деле в качестве третьих лиц. Кроме того, необходимо привлекать к участию в деле также правообладателей земельных участков, градостроительный потенциал которых позволит в будущем возводить объекты, запрещённые к размещению в санитарно-защитной зоне.

Полагаем, что поскольку собственник самовольной постройки нарушил обязательные градостроительные, санитарные и другие требования, права и законные интересы правообладателей земельных участков, входящих в границы санитарно-защитной зоны, должны иметь приоритет над его правами. Это объясняется необходимостью обеспечения благоприятных условий жизнедеятельности и охраны здоровья людей. Отсутствие согласия хотя бы одного из таких собственников должно стать основанием для отказа в признании права собственности на самовольную постройку. В таком случае собственник постройки не лишается возможности сократить размер санитарно-защитной зоны, вложив финансовые средства в модернизацию производства и т. п. Однако стоит отметить, что даже при наличии финансовых возможностей не всегда удается сократить санитарно-защитную зону до необходимых размеров.

Отдельно встает вопрос о том, как Роспотребнадзору и его территориальным органам станет известно о принятом решении по признанию права собственности на самовольную постройку. К сожалению, в настоящее время в законодательстве не предусмотрен порядок направления информации о принятых судебных актах по самовольным постройкам в Роспотребнадзор. На стадии регистрации в Едином государственном реестре недвижимости права собственности на узаконенное здание или сооружение Росреестр и его территориальные органы также не направляют соответствующую информацию в Роспотребнадзор. Между тем, в отсутствие такого механизма контрольно-надзорные мероприятия Роспотребнадзора могут в течение длительного времени обходить стороной подобные объекты. В связи с этим существует реальная угроза нарушения прав граждан на охрану здоровья и благоприятную окружающую среду. Поэтому в этой части в Федеральный закон от 13.07.2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» [6] и Градостроительный кодекс РФ [2] необходимо внести изменения и установить обязанность Росреестра и уполномоченного на выдачу разрешения на строительство органа власти направлять в Роспотребнадзор информацию о самовольных постройках, право собственности на которые признано в судебном порядке.

Литература

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. – Текст : непосредственный // Российская газета. 25 декабря. – 1993. – № 237.

2. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 190-ФЗ. – Текст : непосредственный // СЗ РФ. – 2005. – № 1 (часть 1). – Ст. 16.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ. – Текст : непосредственный // СЗ РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

4. Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ. – Текст : непосредственный // СЗ РФ. – 2001. – № 44. – С. 4147.

5. Федеральный закон от 30.03.1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения». – Текст : непосредственный. // СЗ РФ. – 1999. – № 14. – С. 1650.

6. Федеральный закон от 13.07.2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости». – Текст : непосредственный // СЗ РФ. – 2015. – № 29 (Часть I). – С. 4344.

7. Правила установления санитарно-защитных зон и использования земельных участков, расположенных в границах санитарно-защитных зон, утверждённые Постановлением Правительства РФ от 03.03.2018 г. № 222. –Текст : непосредственный // СЗ РФ. – 2018. – № 11. – С. 1636.

8. Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 25 сентября 2007 г. № 74 «О введении в действие новой редакции санитарно-эпидемиологических правил и нормативов СанПиН 2.2.1/2.1.1.1200-03 «Санитарно-защитные зоны и санитарная классификация предприятий, сооружений и иных объектов». Текст : непосредственный // Российская газета. –2008. – № 28.

9. Актуальные проблемы эффективности частного права: монография / К. А. Абдуллаев, Э. Б. Абдурахимова, С. В. Алборов и др.; отв. ред. А. Н. Левушкин, Э. Х. Надысева. – Москва : Юстицинформ, 2022. – Текст : непосредственный.

10. Обзор судебной практики по делам, связанным с самовольным строительством, утвержденный Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 16.11.2022. – Текст : непосредственный // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2023. – № 2.

11. Толчеев, Н. К. Подготовка гражданских дел к разбирательству в судах общей юрисдикции: практическое пособие / Б. А. Горохов, А. Ф. Ефимов. – Москва : Норма, Инфра-М. – Текст : непосредственный.

Сведения об авторе

Мунтяну Павел Вадимович – старший преподаватель кафедры экологического, природоресурсного и трудового права Удмуртского государственного университета.

E-mail: muntyanupasha@mail.ru

УДК 347.9

СУЩНОСТЬ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВОСУДИЯ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Е. В. Мытник

Рассматриваются актуальные темы электронного государства, электронного правосудия и электронного документооборота в контексте стремительного развития научно-технического прогресса и информатизации общества. Подчеркивается растущая необходимость доработки информационных систем, применяемых в судах. Использование современных информационно-коммуникационных технологий является основой для создания электронного правосудия, что способствует повышению эффективности работы судебной системы и улучшению защиты прав граждан. Автор анализирует современное состояние электронного правосудия в гражданском судопроизводстве России, опираясь на международный опыт.

Ключевые слова: электронное правосудие, информатизация, гражданский процесс.

THE ESSENCE OF ELECTRONIC JUSTICE IN CIVIL PROCEEDINGS

E. V. Mytnik

The article discusses current topics of electronic state, electronic justice and electronic document management in the context of the rapid development of scientific and technological progress and informatization of society. The growing need to improve information systems used in courts is emphasized. The use of modern information and communication technologies is the basis for the creation of electronic justice, which helps to increase the efficiency of the judicial system and improve the protection of citizens' rights. The author analyzes the current state of electronic justice in civil proceedings in Russia, based on international experience.

Keywords: electronic justice, informatization, civil procedure.

Развитие информационных технологий, модифицируя правоотношения, становится предпосылкой для перестройки фактически всех правовых процедур, охватывающих все ветви власти. На современном этапе во всем мире интенсифицируются институты электронного государства. Это предусматривает не только переход к электронному правительству, но и становление электронного правосудия и электронного парламента [15, с. 3].

Информатизация судебной системы не стала исключением, что требует тщательного исследования этих преобразований и разработки механизмов их реализации, начиная от понятийного аппарата и заканчивая практическими аспектами. Это связано с необходимостью адаптации существующих процессуальных форм и механизмов к требованиям, основанным на использовании информационных и коммуникационных технологий, компьютерной техники и электронных систем.

Грамотное использование информационных технологий в гражданском судопроизводстве, безусловно, имеет прогрессивное значение для повышения уровня открытости, эффективности и доступности судебной защиты.

По мнению Павла Дробышева, юридическое сообщество стран Евросоюза и других государств находится на стыке перемен, вызванных искусственным интеллектом и основанными на нем интернет-технологиями. Логичным итогом становится широкое распространение «электронного правосудия», хотя его содержание и трактовка могут различаться в разных странах [7].

По мнению зарубежных авторов, основные цели электронного правосудия связаны с возможностью сделать судебные учреждения более доступными, улучшить управление «бумажными» процедурами и сократить рабочее время сотрудников судов [9, с. 51–56].

Среди первых стран, использующих электронное правосудие и демонстрирующих положительные результаты в повышении эффективности деятельности государства в целом, выделяются Сингапур, США, Англия, Канада и другие.

В судах Сингапура с 1997 года предусмотрена возможность подачи исков в электронном виде, а спустя три года это стало обязательным для всех категорий гражданских дел, что свидетельствует о работоспособности данной системы документооборота в суде [11, с. 75–80].

Показателен также опыт США, которые еще в конце 1980-х годов разработали прогрессивную автоматизированную систему Public

Access to Court Electronic Records (PACER), а также Case Management/Electronic Case Files (CM/ECF), что позволило обеспечить движение электронных документов в суде и их хранение.

Хотя реформа продолжается и в настоящее время, все нововведения в области электронного правосудия в Англии были связаны с крупной реформой 1998–1999 годов. Непрерывное масштабное реформирование гражданского судопроизводства Великобритании осуществляется правительством страны уже более 20 лет, начиная с принятия 26 апреля 1999 года единых Правил гражданского судопроизводства, которые зарубежные и английские юристы называют новым Гражданским процессуальным кодексом Англии. В настоящее время действует 93-я поправка Правил в редакции от 27 ноября 2017 года [5, с. 46–47].

Судебной системе Канады, широко использующей возможности электронного правосудия, присущи некоторые особенности. Электронная подача документов применяется не во всех юрисдикциях. Каждый суд в пределах своей юрисдикции определяет требования к подаче документов в электронном виде, и эти требования могут существенно различаться как по формату электронного документа, так и по способу его подачи в суд [12, с. 75–80].

В Италии с начала 2000-х годов активно используются электронные технологии в гражданском судопроизводстве. Они применяются как вспомогательное средство, позволяющее сторонам процесса решать ряд технических проблем посредством электронной передачи данных, что делает этот процесс удобным и экономически выгодным [20].

Таким образом, опыт зарубежных государств демонстрирует влияние процесса информатизации судов на внедрение в государственную правоприменительную практику элементов электронного правосудия, что при грамотном использовании повышает эффективность деятельности судебной системы.

Совет Европы в Рекомендациях по электронной демократии 2008 года подчеркивает, что электронное правосудие представляет собой использование информационно-коммуникационных технологий всеми заинтересованными сторонами в системе судебной власти с целью повышения эффективности и качества публичных услуг, оказываемых физическим и юридическим лицам. Система электронного правосудия, являясь ключевым компонентом электронной демократии, включает в себя электронную коммуникацию, обмен данными и доступ к судебной информации [21].

Учитывая происходящие в мире изменения, судебная система России также претерпела ряд трансформаций. С 2002 года Федеральная целевая программа «Электронная Россия» закрепила построение в стране электронного государства путем установления последовательного, простого и индивидуализированного подхода к предоставлению услуг и информации населению. Это осуществляется с использованием информационных и телекоммуникационных технологий, а также перестройкой функционирования государственных органов в вопросах их взаимодействия друг с другом, а также с гражданами и их объединениями [2].

В рамках Федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России» на 2002–2006 годы была поставлена задача формирования единого информационного пространства, повышения эффективности работы судов, а также реализации прав граждан и юридических лиц на доступ к судебной-правовой информации [1]. В рамках этой программы была создана Государственная автоматизированная система «Правосудие», которая предусматривала внедрение автоматизированных информационных систем в деятельность судов общей юрисдикции.

Однако отсутствие законодательного определения понятия «электронное правосудие» приводит к многочисленным дискуссиям и существованию различных точек зрения на это понятие.

В доктрине российского гражданского процесса сформировались различные взгляды на электронное правосудие. Одна группа авторов рассматривает его как процесс осуществления правосудия полностью в цифровой форме (В. А. Пономаренко, Н. Н. Федосеева, М. А. Чайковская, В. И. Решетняк и Е. С. Смагина).

В частности, В. А. Пономаренко определяет электронное правосудие как порядок рассмотрения гражданских дел, полностью опосредованный электронной формой выражения процессуальной информации [10, с. 50].

Так, Н. Н. Федосеева и М. А. Чайковская предлагают отграничивать электронное правосудие от информатизации судов, которая выражается в использовании компьютерных ресурсов для предоставления определенной информации и не связана с совершением процессуальных действий в электронной форме [16, с. 3].

Представители второй группы авторов, учитывая сложность данного явления, рассматривают термин «электронное правосудие» как в широком (Я. В. Антонов, С. В. Василькова), так и в узком смыслах (С. В. Романенкова).

В широком понимании электронное правосудие рассматривается как система автоматизированных информационных сервисов, использующих средства для публикации судебных актов, ведения процесса и доступа сторон к материалам дела. Это позволяет достичь нового качественного уровня взаимодействия суда и участников процесса, не изменяя при этом способов ведения судебного процесса, поскольку используемые сервисы носят прикладной характер.

С. В. Василькова предлагает понимать электронное правосудие в гражданском процессе как процессуальную деятельность суда по отправлению правосудия, характеризующуюся тем, что дистанционное взаимодействие с участниками процесса и бездокументарная форма передачи сведений, документов и других данных осуществляются с использованием информационных технологий. Эти технологии являются альтернативным средством общения по отношению к существующей документарной форме передачи данных [6, с. 64–68].

Соглашаясь с Я. В. Антоновым, можно утверждать, что при электронном правосудии судопроизводство осуществляется с использованием специальных информационных технологий. Их применение обеспечивает создание, использование и хранение всех процессуальных документов в электронной форме, а также обмен информационными данными между всеми участниками процесса, что установлено процессуальным законодательством [4, с. 61].

В узком понимании электронное правосудие представляет собой возможность суда и участников процесса осуществлять процессуальные действия, влияющие на судебный процесс, в электронной форме [14, с. 47]. Третья группа авторов определяет электронное правосудие через перечисление его системных элементов (С. Ю. Шараев, В. В. Янков, И. И. Черных).

Электронное правосудие – это способ осуществления правосудия, основанный на использовании информационных технологий и включающий в себя ряд систем, обеспечивающих доступ к информации о судебной деятельности [18]. Оно представляет собой электронную систему разрешения споров, которая включает в себя управление процессом и судебным разбирательством, оборот судебных документов, доступ к судебной информации [19, с. 23], судебные извещения, правовой поиск, внутренние судебные процедуры и другие аспекты [17, с. 112].

Исследовав различные точки зрения, можно сделать вывод, что о полноценной системе электронного правосудия в России пока говорить

рано. Под электронным правосудием следует понимать возможность осуществления процессуальных действий в электронной форме (например, подача исков, ведение электронного судебного дела, уведомление участников процесса через интернет или смс-сообщения и др.). Функционирование электронного правосудия связано с полным использованием всех его элементов, которые имеют конечной целью рассмотрение дела без вызова сторон в суд.

Это дает основание говорить об условном характере электронного правосудия в Российской Федерации, поскольку на современном этапе рассмотрение гражданского дела осуществляется человеком – судьей, а не машиной [13, с. 19].

Электронное правосудие, отражая современные реалии в развитии права и государства, представляет собой способ осуществления государственных функций, отличный от традиционной формы. Создание условий для электронного правосудия и судопроизводства предусмотрено доктриной Федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы» [3]. С его внедрением связаны надежды на повышение эффективности гражданского процесса за счет экономии как материальных, так и временных ресурсов при отправлении правосудия по гражданским делам.

На современном этапе, учитывая постоянный недостаток времени у участников процесса на перемещения для подачи иска, явки и решения иных вопросов, объективно возрастают требования к суду быть более доступным и удобным. Технологические изменения кардинально меняют быт граждан, что также отражается на судебной системе. Электронное правосудие способно внести вклад в развитие публичности и открытости судебного процесса: каждый может изучить материалы дела, что предотвращает коррупцию и мотивирует судей принимать более объективные решения.

На современном этапе электронное правосудие не связано с полным переходом на дистанционное судебное разбирательство без физического участия сторон. Оно подразумевает переход от бумажного документооборота к электронному, а также электронное взаимодействие между органами судебной власти в тех случаях, когда нет необходимости в очном присутствии.

Целями Федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы» являются повышение качества осуществления правосудия и совершенствование судебной защиты прав и законных интересов граждан и организаций.

Однако расширение доступа к правосудию и судебной информации путем внедрения электронного правосудия не должно повлечь изменения принципов и существующей процедуры судебного разбирательства. В конечном итоге реализация концепции электронного правосудия должна иметь основной целью эффективную защиту прав, свобод и законных интересов человека и гражданина.

На протяжении 2017–2019 годов в сфере информатизации судов общей юрисдикции активно реализовывались и развивались информационные сервисы электронного правосудия. К ним относятся: подача документов в суд в электронном виде; дистанционное отслеживание этапов рассмотрения дела; автоматическое уведомление участников судопроизводства о месте, дате и времени судебного заседания; ознакомление с материалами дела в электронном виде; применение юридически значимого электронного судебного документооборота, включая видео- и аудиофиксацию хода судебного заседания; развитие системы информационного взаимодействия Верховного Суда РФ, федеральных судов, мировых судей, органов судейского сообщества и системы Судебного департамента в электронном (цифровом) виде; а также развитие межведомственного электронного взаимодействия [8].

Пандемия COVID-19, вызвавшая ограничения в деятельности судов, организаций и передвижении граждан, активизировала процессы внедрения и использования современных технологий в судебной системе.

В. В. Момотов, подчеркивая разницу в возможностях формирования электронного правосудия в уголовном, гражданском и арбитражном судопроизводстве, отмечает, что именно в гражданском судопроизводстве электронное правосудие становится наиболее часто используемой формой осуществления правосудия. В этом контексте гражданское судопроизводство демонстрирует наибольшую динамику в развитии электронного правосудия.

Раскрытие сущности электронного правосудия в гражданском процессе является необходимым этапом для дальнейшего исследования вопросов применения электронных документов в судах общей юрисдикции.

Исследуя сущность электронного правосудия в гражданском судопроизводстве, можно заключить, что суды не могут оставаться в стороне от технологического прогресса. Широкое применение современных

технологий способствует расширению возможностей как граждан, так и бизнес-сообщества для дистанционного осуществления своих процессуальных прав. В настоящее время использование информационных сервисов электронного правосудия становится все более востребованным.

Однако представляется ошибочным отождествлять эти процессы с полным переходом на дистанционный формат правосудия.

Модель электронного правосудия в России представляет собой сочетание очного правосудия и онлайн-суда. Эффективное использование сервисов электронного правосудия позволит достичь оптимального осуществления гражданского судопроизводства, не снижая его до уровня простой государственной услуги.

Литература

1. Постановление Правительства РФ от 20 ноября 2001 г. № 805 «О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России» на 2002–2006 годы». – Текст : электронный // Система ГАРАНТ. – URL : <http://base.garant.ru/12124943/#ixzz6OU53P4sr> (дата обращения : 22.09.2024).

2. Постановление Правительства РФ от 28 января 2002 г. № 65 «О Федеральной целевой программе «Электронная Россия (2002–2010 годы)». – Текст : непосредственный // СЗ РФ. – 2002. – № 5. – С. 531.

3. Постановление Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2012 г. № 1406 «О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013-2020 годы» – URL: https://detsad123.moy.su/_tbkp/parcialnaja_programma_fr.pdf (дата обращения: 22.09.2024). – Текст : электронный.

4. Антонов, Я. В. Правовые характеристики электронного правосудия как проекта электронной демократии в контексте международной практики и влияние электронного правосудия на обеспечение независимости и беспристрастности органов судебной власти / Я. В. Антонов. – Текст : непосредственный // Управленческое консультирование. – 2015. – № 6 (78). – С. 61.

5. Артемьева, Ю. А. Способы разрешения споров в разносистемных правовых порядках : учебное пособие / Ю. А. Артемьева, Е. П. Ермакова, Н. А. Ковыршина. – Москва : Инфотропик, 2017. – 424 с. – Текст : непосредственный.

6. Василькова, С. В. О некоторых доктринальных и практических проблемах электронного правосудия в государственных судах и направ-

лениях их решения / С. В. Василькова. – Текст : непосредственный // Современная наука : актуальные проблемы теории и практики. Экономика и право. – 2017. – № 7. – С. 64-68.

7. Дробышев, П. Правосудие онлайн / П. Дробышев. – URL : <http://www.anglolex.org/Life/Online.html> (дата обращения : 27.09.2024). – Текст : электронный.

8. Карпунина, Н. Актуальные вопросы развития информационно-технического обеспечения отправления правосудия / Н. Карпунина. – URL : <http://www.garant.ru/interview/1166742/> (дата обращения : 27.09.2024). – Текст : электронный.

9. Кудрявцева, Е. В. Внедрение информационных технологий в гражданское судопроизводство / Е. В. Кудрявцева. – Текст : непосредственный // Закон. – 2011. – № 2. – С. 51-56.

10. Пономаренко, В. А. Электронное гражданское судопроизводство в России : штрихи концепции : монография / В. А. Пономаренко. – Москва : Проспект, 2015. – 281 с. – Текст : непосредственный.

11. Решетняк, В. И. Электронное правосудие в гражданском процессе Сингапура / В. И. Решетняк. – Текст : непосредственный // Российский юридический журнал. – 2012. – № 2. – С. 75-80.

12. Решетняк, В. И. Информационные технологии в гражданском судопроизводстве (российский и зарубежный опыт) : учебное пособие / В. И. Решетняк, Е. С. Смагина. – Москва : Издательский дом «Городец», 2017. – 304 с. – Текст : непосредственный.

13. Романенкова, С. В. Понятие электронного правосудия, его генезис и внедрение в правоприменительную практику зарубежных стран / С. В. Романенкова. – Текст : непосредственный // Арбитражный и гражданский процесс. – 2013. – № 4. – С. 47.

14. Федосеева, Н. Н. Электронное правосудие в России : сущность, проблемы, перспективы / Н. Н. Федосеева. – Текст : непосредственный // Арбитражный и гражданский процесс. – 2008. – № 9. – С. 3.

15. Федосеева, Н. Н. Электронное правосудие в России и в мире / Н. Н. Федосеева, М. А. Чайковская. – Текст : непосредственный // Администратор суда. – 2011. – № 3. – С. 3.

16. Черных, И. И. Размышления об «электронном правосудии» / И. И. Черных. – Текст : непосредственный // Судебная реформа и проблемы развития гражданского и арбитражного процессуального законодательства : материалы международной научно-практической конференции. – Москва : РАП, 2011. – С. 112.

17. Шараев, С. Ю. Интернет-интервью : Электронное правосудие : итоги и перспективы / С. Ю. Шараев. – URL : <http://www.garant.ru/interview/1166742/> (дата обращения : 27.09.2024). – Текст : электронный.

18. Ярков, В. В. Электронное правосудие / В. В. Ярков. – Текст : непосредственный // ЭЖ-Юрист. – 2006. – № 41. – С. 23.

19. Electronic civil proceeding in Italy. Dr. Domenico Rinaldi – Timofeev, Vahrenwald & Partners LLP – Rome – Italy. APRIL 2009 // – URL : <https://pravo.ru/store/doc/doc/italy.pdf>.

Сведения об авторе

Мытник Елена Валентиновна – старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин юридического факультета ГОУ «Приднестровский Государственный университет им. Т. Г. Шевченко».

E-mail: alena_mjtnik@mail.ru

УДК 343.13

АДВОКАТ-ПРЕДСТАВИТЕЛЬ: ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ УЧАСТИЯ В УГОЛОВНОМ ДЕЛЕ

А. П. Пашкевич

Защита прав и законных интересов гражданина в уголовном процессе является одной из самых основных и ответственных функций. От ее реализации зависит дальнейшая судьба человека, оказавшегося в уголовно-процессуальных отношениях. Право на защиту – это конституционный принцип, закрепленный в Конституции Приднестровской Молдавской Республики. Важная роль в реализации и обеспечении права на защиту отводится адвокату.

Ключевые слова: *гражданин, защита, адвокатская деятельность, потерпевший, уголовное преследование.*

LAWYER-REPRESENTATIVE : PROBLEM ISSUES OF PARTICIPATION IN A CRIMINAL CASE

A. P. Pashkevich

Protection of the rights and legal interests of a citizen in criminal proceedings is one of the most basic and responsible functions. The further fate of a person who fell into criminal procedural relations depends on its implementation. The

right to defense is a constitutional principle enshrined in the Constitution of the Pridnestrovian Moldavian Republic. An important role in the implementation and provision of the right to defense is assigned to the legal profession.

Keywords: citizen, defense, advocacy, victim, criminal prosecution.

Под правом на защиту в уголовном процессе понимается совокупность процессуальных прав, предоставленных участникам процесса. Органы уголовного преследования, прокурор и суд обязаны обеспечить участникам уголовного процесса возможность защищаться установленными уголовно-процессуальным законодательством Приднестровской Молдавской Республики средствами и способами.

Главным условием обеспечения права на защиту является его результативность, поскольку в случае ограничения или нарушения прав участников уголовного процесса эффективность защиты снижается.

В Приднестровской Молдавской Республике защита прав и интересов граждан закреплена в конституционных нормах. Каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод, а также право обжалования в суд незаконных решений и действий государственных органов, должностных лиц и общественных объединений [1].

Анализ международно-правовых актов также свидетельствует о том, что право на защиту является одним из фундаментальных прав человека.

Действующее законодательство Приднестровской Молдавской Республики отводит адвокату важную роль в уголовном судопроизводстве. Адвокат выступает в качестве защитника и является субъектом, обладающим соответствующей квалификацией, что позволяет ему грамотно и профессионально осуществлять защиту интересов участников уголовного процесса.

Адвокатская деятельность – это деятельность юриста, обладающего определенными критериями и специальным статусом, направленная на выполнение установленных законом целей и задач по оказанию квалифицированной юридической помощи.

Целью такой деятельности является обеспечение квалифицированной юридической помощи физическим и юридическим лицам для защиты их прав, свобод и законных интересов, а также обеспечение доступа к правосудию.

Как считает А. В. Закомолдин, в рамках уголовного процесса в квалифицированной юридической помощи нуждаются не только подозреваемый и обвиняемый. Другие участники уголовно-процессуальных

отношений, в частности потерпевший, также зачастую нуждаются в подобной помощи [5, с. 131].

О. А. Крайнова отмечает, что процессуальная фигура потерпевшего в последние годы продолжает вызывать бурные споры среди правоведов-процессуалистов [6, с. 206].

По мнению некоторых ученых, таких как А. И. Бойко и М. Т. Аширбекова, законодатель сосредоточился на защите прав и законных интересов обвиняемого, не уделив должного внимания потерпевшему и задаче восстановления его нарушенных прав в ходе уголовного судопроизводства [4, с. 2–4; 5, с. 72].

В этой связи в уголовном процессе существует институт представительства. Анализируя основы процессуального статуса представителя потерпевшего, гражданского истца и гражданского ответчика в уголовном процессе, следует акцентировать внимание на актуальных проблемах оказания квалифицированной юридической помощи этим участникам уголовного судопроизводства.

Законодатель в статье 2 Уголовно-процессуального кодекса Приднестровской Молдавской Республики выделил защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, как основную цель уголовного судопроизводства [2].

Однако, несмотря на данное установление значимости фигуры потерпевшего, другие положения уголовно-процессуального законодательства не всегда в полной мере способствуют реализации прав пострадавших от преступлений на доступ к правосудию и защиту их интересов.

Весьма часто права потерпевших ущемляются правоприменителями – дознавателями, следователями, прокурорами и судьями. Таким образом, в научной литературе в последнее время указанная проблематика вызывает значительный интерес.

В уголовном процессе потерпевший – это физическое или юридическое лицо, которое действует как самостоятельно, так и через представителя, которым может быть адвокат. Потерпевший является одним из главных участников уголовного судопроизводства, защита прав и законных интересов которого является одной из важнейших задач этого процесса [7, с. 667].

Анализ действующего уголовно-процессуального законодательства нашей республики свидетельствует о недостаточной эффективности защиты прав потерпевших. В частности, на поверхности лежит проблема оказания бесплатной юридической помощи указанному участнику

уголовного процесса. Оказание квалифицированной юридической помощи адвокатом в ходе расследования уголовного дела является важной потребностью самого потерпевшего.

В большинстве случаев потерпевший не способен самостоятельно защищать свои права и интересы, что связано с правовой неграмотностью и отсутствием средств на оплату адвоката-представителя. К примеру, может ли малограмотная женщина из глухого села, у которой убили ребенка, обосновать свою позицию по тому или иному заключению проведенной экспертизы, оценить объективность расследования в целом или правильно квалифицировать действия следователя или суда? Ответ очевиден.

Отсутствие в уголовно-процессуальном законодательстве Приднестровской Молдавской Республики гарантий бесплатной правовой помощи потерпевшим не соответствует конституционной норме о том, что защита прав и свобод человека и гражданина является обязанностью государства (ст. 16 Конституции Приднестровской Молдавской Республики). Однако на практике получается, что потерпевшие остаются за пределами действия данной конституционной нормы в части оказания бесплатной юридической помощи в уголовном деле.

Декларируя, что назначение уголовного судопроизводства прежде всего заключается в защите пострадавших от преступления, законодатель на самом деле ставит на первое место защиту интересов обвиняемого (подозреваемого). По-видимому, назрела необходимость ликвидировать сложившийся дисбаланс в обеспечении прав этих субъектов, предоставив не только обвиняемому, но и потерпевшему надлежащую юридическую защиту по схеме, установленной в интересах подозреваемых и обвиняемых.

Если проанализировать права потерпевшего и подозреваемого (обвиняемого), предусмотренные Уголовно-процессуальным кодексом Приднестровской Молдавской Республики, можно выявить определенные различия. Однако эта разница заключается не в количестве или перечне прав, а в эффективности их реализации.

Кроме того, объем прав подозреваемого увеличивается при изменении его процессуального статуса (обвиняемый, подсудимый). У потерпевшего, а также у его представителя, ничего подобного не происходит.

В Австрии уголовно-процессуальное законодательство для малоимущих предусматривает бесплатное представительство интересов, а оплата услуг адвоката осуществляется из средств федерального бюд-

жета. Для этого гражданину достаточно предоставить декларацию о доходах.

В Швеции существует закон о юридической помощи, согласно которому предусмотрена бесплатная юридическая помощь для лиц с низким заработком, чей годовой доход ниже установленного правительством уровня. Оплата услуг адвоката также производится из средств бюджета.

В Финляндии для оказания правовой помощи малоимущим создана государственная структура в виде юридических бюро, подведомственных Министерству юстиции. Сотрудники таких бюро являются государственными служащими и получают заработную плату из бюджета за работу по оказанию правовой помощи.

Считаем, что потерпевший должен быть наделен правом на бесплатную юридическую помощь в лице адвоката-представителя. Потерпевший, понесший физический, материальный и моральный вред от преступления, должен иметь возможность получить бесплатную квалифицированную юридическую помощь независимо от его материального положения.

Отечественному законодательству необходимо взять за основу положительный опыт европейских стран в вопросах предоставления бесплатной юридической помощи потерпевшим и иным участникам уголовного процесса.

Полноценный доступ потерпевшего к правосудию может быть обеспечен посредством создания эффективного механизма оказания юридической помощи.

С целью реализации принципа состязательности и равноправия сторон, конституционного права каждого на получение квалифицированной юридической помощи, а также повышения эффективности судебной защиты прав и законных интересов потерпевшего необходимо предусмотреть в Уголовно-процессуальном кодексе Приднестровской Молдавской Республики правило, закрепляющее обязательное участие адвоката-представителя потерпевшего в уголовном судопроизводстве.

Потерпевший относится к участникам уголовного процесса со стороны обвинения. Помимо него, обвинение на стадии предварительного расследования поддерживает дознаватель или следователь, а в суде – прокурор.

Можно рассуждать следующим образом: должностные лица со стороны обвинения являются гарантами защиты прав потерпевших, так как они в силу своих профессиональных обязанностей должны способ-

ствовать раскрытию и расследованию преступления, восстановлению нарушенных прав и свобод потерпевшего. В отличие от подозреваемого (обвиняемого), в обязательном участии адвоката для защиты прав потерпевшего нет такой необходимости.

Однако в действительности недостаточное представительство интересов потерпевших на всех стадиях уголовного процесса с помощью профессионального юриста зачастую не компенсируется участием в деле следователя или государственного обвинителя.

Объективность предварительного расследования обеспечивается контролем за деятельностью дознавателя или следователя (путем подачи ходатайств и оспаривания неправомερных постановлений). Это позволяет не допустить ущемления прав потерпевших во время следственных и иных процессуальных действий, способствует правильной квалификации преступления и установлению размера причиненного ущерба, а также помогает аргументированно представить позицию потерпевшего на судебных заседаниях.

Работа адвоката может не быть направлена исключительно на достижение обвинительного приговора. Если уголовное дело прекращено на законных основаниях, но при этом ущерб потерпевшему возмещен в полном объеме, то работу адвоката-представителя можно считать успешной.

Вышеназванные задачи, стоящие перед адвокатом-представителем, а также его процессуальное положение определяют характер взаимоотношений адвоката с потерпевшим. Адвокат-представитель не должен быть связан волей потерпевшего в оценке правовых вопросов, таких как признание доказательств недопустимыми, правильность квалификации действий обвиняемого и необходимость заявления отводов.

Поскольку адвокат не вправе занимать по делу позицию, противоположную позиции доверителя, и действовать вопреки его воле, адвокат-представитель при разногласиях с потерпевшим обязан разъяснить ему свое видение проблемы, по которой возникло противоречие, а также обозначить негативные процессуальные последствия самостоятельных действий потерпевшего.

Если потерпевший не согласится с доводами представителя, и возникшая коллизия будет препятствовать полноценной работе по уголовному делу, адвокат может расторгнуть соглашение об оказании квалифицированной юридической помощи. В этом правомочии проявляется процессуальная самостоятельность адвоката-представителя потерпев-

шего, которой лишен адвокат-защитник, не вправе отказаться от принятой на себя защиты, кроме случаев, указанных в законе.

Помимо наличия неразрешимых разногласий с потерпевшим, адвокат-представитель может расторгнуть соглашение с доверителем и в том случае, если позиция потерпевшего вступает в противоречие с законом. «Закон и нравственность в профессии адвоката выше воли доверителя», поэтому, установив, что потерпевший дает заведомо ложные показания, завышает размер причиненного ущерба или фальсифицирует доказательства, адвокат-представитель должен незамедлительно отказаться от представления интересов подобного доверителя.

Адвокат вправе использовать самые разнообразные средства для защиты интересов потерпевшего, при этом совсем не обязательно, чтобы все они были предусмотрены законом. В деятельности адвоката должно применяться правило: «разрешено все, что не запрещено законом».

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы и предложения:

– Адвокаты являются теми субъектами уголовного процесса, которые в силу своих профессиональных компетенций способны наиболее квалифицированно отстаивать права и законные интересы лиц, пострадавших от преступления.

– Обязательное привлечение адвоката в качестве представителя потерпевшего необходимо только тогда, когда отсутствует возможность обеспечить участие в уголовном деле законных представителей или если последние, будучи привлеченными к делу, уклоняются от участия в нем или действуют вопреки интересам потерпевшего. Если же законные представители привлечены и действуют добросовестно, в интересах представляемого, они самостоятельно могут решать необходимость участия адвоката.

– Этика адвокатской деятельности позволяет утверждать, что участие адвокатов в качестве представителей потерпевших должно положительно восприниматься правоприменителями, поскольку у должностных лиц, следователей, прокуроров и судей будет больше оснований полагать, что представитель потерпевшего не станет нарушать законы и нравственные нормы для достижения своих целей.

В связи с вышеизложенным считаем, что статью 50 Уголовно-процессуального кодекса Приднестровской Молдавской Республики необходимо дополнить словами «и пользоваться помощью представителя бесплатно».

Также следует дополнить статью 47 УПК ПМР дополнительной частью шестой о «возмещении потерпевшему расходов, понесенных в связи с участием представителя его интересов (адвоката) в ходе судопроизводства». Это нововведение фактически уравнивает права потерпевшего с правами обвиняемого на получение юридической помощи, в том числе и бесплатной.

Данную норму можно трактовать следующим образом: «расходы, понесенные потерпевшим в связи с участием в производстве по уголовному делу, возмещаются лицом, признанным виновным по делу, при обстоятельствах, в которых потерпевший понес материальные убытки и издержки».

Таким образом, Уголовно-процессуальному кодексу Приднестровской Молдавской Республики требуются изменения и дополнения, которые сбалансировали бы процедуру защиты прав и интересов потерпевших на всех стадиях уголовного процесса, а также предоставляли бы равные права как стороне защиты, так и стороне обвинения в лице потерпевшего на бесплатную правовую помощь.

Очевидно, что именно права и интересы потерпевших от преступлений, которые государство не смогло предотвратить, нуждаются в особой охране. Режим обеспечения их прав и интересов в ходе уголовного судопроизводства должен быть максимально комфортным для них.

Литература

1. Конституция Приднестровской Молдавской Республики от 24 декабря 1995 г. // СЗМР 96-1. – Текст непосредственный.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Приднестровской Молдавской Республики от 17 июля 2002 года № 157-3-III // САЗ 02-29. – Текст непосредственный.

3. Аширбекова, М. Т. Уголовно-правовые средства обеспечения интересов потерпевшего в ходе производства по уголовному делу / М. Т. Аширбекова. – Текст : непосредственный // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2013. – № 2. – С. 71–76.

4. Бойко, А. И. О золушке уголовного правосудия замолвите слово / А. И. Бойко. – Текст : непосредственный // Южнороссийский адвокат. – 2005. – № 4 (15). – С. 2-4.

5. Закомолдин, А. В. Проблемы оказания квалифицированной юридической помощи в уголовном процессе России / А. В. Закомолдин. – Москва : Юрлитинформ, 2009. – 168 с. – Текст : непосредственный.

6. Крайнова, О. А. Обеспечение интересов жертвы преступления в состязательном уголовном процессе / О. А. Крайнова. – Текст : непосредственный // Юридическая наука и практика : Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2015. – № 3 (31) – С. 206–209.

7. Лебедев, В. М. Уголовно-процессуальное право : учебник для бакалавриата и магистратуры / В. М. Лебедев. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2014. – 1060 с. – ISBN 978-5-9916-3784-8. – Текст : непосредственный.

Сведения об авторе

Пашкевич Альбина Петровна – старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин юридического факультета ГОУ «Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко».

E-mail: albina-p77@mail.ru

УДК 347.121.2

ПРОБЛЕМЫ РЕФОРМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ОБЛАСТИ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ

И. И. Погорлецкая

Проводится анализ действующего Закона ПМР «О защите прав потребителей», указываются его недостатки, вносятся предложения по совершенствованию действующего законодательства в сфере защиты прав потребителей.

Ключевые слова: защита прав потребителей, права потребителя, реформа законодательства.

PROBLEMS OF LEGISLATIVE REFORM IN THE FIELD OF CONSUMER PROTECTION

I. I. Pogorletskaya

The article analyzes the current Law of the PMR «On Consumer Protection», identifies its shortcomings, and makes proposals to improve the current legislation in the field of consumer protection.

Keywords: consumer protection, consumer rights, legislative reform.

В Приднестровской Молдавской Республике в настоящее время в целом сформирована комплексная система норм и правил, направлен-

ная на защиту прав потребителей. Она призвана защищать интересы лиц, которые, не обладая специальными знаниями и возможностями в области права, приобретают товары и услуги у профессионально подготовленных участников рынка, таких как предприниматели. При этом с момента принятия Закона ПМР «О защите прав потребителей» от 7 февраля 1995 года прошло почти тридцать лет. Тем не менее, за прошедший период были внесены лишь отдельные изменения, которые не затрагивают существенных аспектов в данной области.

Попытки принять новую редакцию Закона предпринимались несколько раз. Так, в 2004 и 2016 годах были разработаны проекты новых редакций, которые, однако, не были приняты. Предполагалось, что в новых редакциях будут учтены развитие национальной платежной системы, а также новые формы торговли, в том числе через сеть Интернет. В 2016, 2018 и 2021 годах в Закон вносились незначительные, чаще всего технические изменения. Новые изменения от 15 июля 2023 года не только не устранили прежние недостатки, но и ввели новые неточности и разночтения.

Потребительский рынок растет, и, соответственно, увеличивается количество проблемных ситуаций, возникающих между сторонами рынка: производителями товаров и продавцами с одной стороны, и потребителями – с другой. На сегодняшний день Закон ПМР «О защите прав потребителей» (далее – ЗПП), к сожалению, остается наиболее нарушаемым из всех действующих законов. В настоящее время остро стоит задача качественного реформирования законодательства в области защиты прав потребителей, в частности внесения соответствующих изменений в действующий Закон ПМР ЗПП [2].

К числу недостатков действующего закона можно отнести следующие:

1. Определение «потребителя» дается крайне неоднозначно. В частности, оно обозначается как «юридическое или физическое лицо, использующее, приобретающее, заказывающее либо имеющее намерение приобрести или заказать товары (работы, услуги) для бытовых нужд». Не вполне ясно, как юридическое лицо любой организационно-правовой формы, в том числе коммерческое юридическое лицо, может использовать товар для «бытовых нужд», и как, например, отличать использование коммерческой организацией данного товара для «бытовых» или «коммерческих» целей.

Аналогичное определение в Законе РФ «О защите прав потребителей» исключает юридические лица и определяет потребителя как «гра-

жданина, имеющего намерение заказать или приобрести либо заказывающего, приобретающего или использующего товары (работы, услуги) исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности» [3].

В Российской Федерации в понятие «потребитель» включена конструкция «имеющий намерение», что позволяет использовать положения данного закона в общественных отношениях, возникших до момента заключения сделки. Такая же конструкция должна быть возвращена в приднестровское законодательство. Также представляется целесообразным заменить термин «гражданин» на термин «лицо», как более употребимый в гражданско-правовых отношениях, не акцентирующий внимание на юридической связи потребителя с государством посредством гражданства. Тем более что данный термин здесь подлежит широкому толкованию, включая в данную категорию и лиц без гражданства, и иностранных граждан.

2. В новой редакции была изложена преамбула ЗПП, в которую была добавлена ранее не закреплённая правовая конструкция «просвещение потребителей». При этом законодатель не раскрыл в дальнейших нормах закона правовые механизмы реализации данного положения. Предлагается внести отдельной статьёй право потребителей на просвещение в области защиты прав потребителей. При изложении содержания данной статьи можно руководствоваться рамками, заложенными в аналогичной статье 3 Закона РФ «О защите прав потребителей».

3. Статья 2-1 ЗПП содержит основные понятия, используемые в законе. В новой редакции эти термины по непонятным причинам были убраны из преамбулы, что является классической ошибкой. Учитывая, что статья 2 ЗПП говорит о международных договорах, не вполне ясна общая связь с терминологией, используемой в законе. Предлагается вернуть термины и определения обратно в преамбулу ЗПП.

4. Статья 8 ЗПП содержит положения о режиме работы объектов торговли, общественного питания, бытового и иных видов обслуживания. В частности, «потребитель имеет право требовать, чтобы режим работы продавца (исполнителя) соответствовал объявленному». За нарушение режима работы объектов торговли, бытового и иных видов обслуживания виновные лица несут ответственность, установленную действующим законодательством ПМР. Однако, согласно статье 14.18 КоАП ПМР, предусмотрена ответственность за нарушение прав потребителя на получение необходимой и достоверной информации о режи-

ме работы объектов торговли. Это фактически означает, что торговое предприятие может быть привлечено к административной ответственности за отсутствие указания на его график работы, в то время как закон говорит о нарушении графика работы самого торгового предприятия. Таким образом, норма закона оказывается «пустой» в смысле ответственности, так как не существует состава такого правонарушения.

Аналогичная норма закона в РФ не содержит положений об ответственности за нарушение режима работы объектов торговли. Предлагается либо исключить пункт 4 статьи 8 Закона, либо внести изменения в статью 14.18 КоАП ПМР и предусмотреть ответственность за нарушение режима работы объектов торговли, бытового и иных видов обслуживания.

5. Весьма спорную формулировку содержит подпункт «в» пункта 1 статьи 9 ЗПП: «здоровью и имуществу, находящемуся во владении потребителя на праве собственности...». Законодатель, объединив два понятия, указывает, что они находятся во владении потребителя «на праве собственности», что терминологически вызывает сомнения. Также подпункт «в» пункта 1 статьи 9 ЗПП говорит о возмещении убытков в отношении жизни и здоровья гражданина. Термин «убытки» к благам жизни и здоровья неприменим; его необходимо заменить на термин «вред».

Пункт 3 статьи 9 текущей редакции ЗПП устанавливает, что «при рассмотрении требований потребителя о возмещении убытков, причиненных недостоверной или недостаточной полной информацией о товаре (работе, услуге), необходимо исходить из предположения об отсутствии у потребителя специальных познаний о его свойствах и характеристиках». Законодатель, вероятнее всего, хотел указать, что при наличии определенных оснований следует исходить из презумпции отсутствия у потребителя специальных познаний. Приднестровскому законодателю следует заменить слово «предложения» на «предположения», чтобы дух и буква закона совпали.

6. Статья 10 ЗПП содержит нормы ответственности за нарушение прав потребителей со стороны продавца. В частности, «при удовлетворении требований потребителя... суд вправе вынести решение о взыскании с продавца (изготовителя, исполнителя) ... в соответствующий бюджет штрафа...». Примечательно, что интересы потребителя предполагается восстанавливать путем взыскания штрафа в бюджет. Аналогичная статья 13 Закона РФ предполагает взыскание штрафа судом в пользу потребителя (пункт 6 статьи 13 Закона РФ). Представляется, что

приднестровскому законодателю следует также пойти по пути приоритета защиты прав, прежде всего, потребителя, а не «бюджета».

7. Статья 11 ЗПП закрепляет нормы имущественной ответственности за вред, причиненный вследствие недостатков товара (работы, услуги). В соответствии с пунктом 3 настоящей статьи «вред, причиненный вследствие недостатков товара, выявившихся по истечении гарантийного срока, подлежит возмещению изготовителем». Учитывая, что подавляющая часть бытовой техники, агрегатов и механизмов, реализуемых на территории ПМР, производится за пределами республики, потребителям, гражданам ПМР крайне затруднительно реализовывать и защищать свои права на территории зарубежных государств у иностранных производителей.

Аналогичная норма содержится в статье 14 Закона РФ и предусматривает возможность выбора потребителя: предъявлять претензии как к продавцу, так и к изготовителю. Представляется, что в условиях ПМР реализация прав потребителей путем предъявления требований к изготовителю практически неосуществима. Поэтому предлагается воспринять опыт российского законодателя и ввести норму, позволяющую потребителю предъявлять претензии как к продавцу, так и к изготовителю.

8. Требования потребителя, исходя из положений пункта 5 статьи 15 ЗПП, рассматриваются при предъявлении потребителем товарного (кассового) чека. Однако следует отметить, что такое правило противоречит общим требованиям статьи 175 ГК ПМР о форме сделки. Возникает ситуация, при которой наблюдается коллизия норм ГК ПМР и ЗПП. Представляется, что норма приднестровского закона требует коррекции и приведения в соответствие с ГК ПМР. В РФ данный вопрос урегулирован иначе: в пункте 5 статьи 18 Закона РФ указано, что «отсутствие у потребителя кассового или товарного чека... не является основанием для отказа в удовлетворении его требований». Данная норма значительно расширяет возможности защиты прав потребителей и, по нашему мнению, должна быть имплементирована в действующее законодательство ПМР.

9. В пункте 3 статьи 37 ЗПП перечислен ряд органов государственной власти, осуществляющих контроль за безопасностью товаров (работ, услуг). Однако некоторые из этих органов (например, Государственный комитет по стандартизации, метрологии, сертификации и защите прав потребителей) на сегодняшний день реорганизованы или упразднены.

10. Новые изменения закона необоснованно лишили продавца обязанности устанавливать гарантийный срок не менее 18 месяцев, если он не установлен изготовителем.

К сожалению, это далеко не полный перечень недостатков действующего ЗПП. Потребность в законодательном изменении данного закона возникла давно, и в настоящее время остро стоит задача качественного реформирования законодательства в области защиты прав потребителей, в частности принятия нового Закона ПМР «О защите прав потребителей».

Еще одним аспектом защиты прав потребителей является реформирование механизма защиты прав потребителей. Стратегической целью национальной политики в сфере защиты прав потребителей является создание равных и реальных условий для реализации гражданами-потребителями своих законных интересов и прав повсеместно на территории ПМР. При этом перед государством стоит задача обеспечить наличие правовых и организационных основ, позволяющих адекватно уровню развития экономики и общества формировать и реализовывать все многообразие направлений национальной политики в сфере защиты прав потребителей.

Законодательство в области защиты прав потребителей предусматривает универсальное право потребителя на обращение в суд с целью защиты своего нарушенного права. Однако, учитывая, что в рамках реализации гражданских прав нет бесплатной, гарантированной государством юридической помощи со стороны адвокатуры, обращение к юристу-специалисту сопровождается материальными затратами как на составление искового заявления, так и на представительство в суде.

Очевидно, что не всегда потребитель располагает такими средствами, и не всегда ему экономически выгодно тратить такую сумму для защиты своего права, особенно если стоимость покупки невелика. Кроме того, дела гражданско-правового характера, при всех зафиксированных процессуальных гарантиях, на практике могут длиться годами, что еще больше отсрочивает момент реализации права потребителя на защиту.

Учитывая изложенные проблемы и основные цели защиты прав потребителей, приоритетными направлениями национальной политики в этой сфере в ПМР должны стать:

1. Информирование и просвещение населения по вопросам защиты прав потребителей. Широкомасштабная пропаганда правовых знаний в этой области через средства массовой информации, а также издание специальной и популярной литературы.

2. Организация системного обучения молодежи в области защиты прав потребителей во всех типах учебных заведений общего и профессионального образования, обеспечивая непрерывность и преемственность процесса.

3. Развитие и укрепление деятельности государственных органов для обеспечения эффективной защиты законных интересов потребителей. Необходимо разработать официальные сайты органов государственной власти, в частности, Службы государственного надзора, так чтобы на них содержалась достаточная информация в области защиты прав потребителей. Важно разместить образцы претензий, исковых заявлений, алгоритмы действий потребителя в случае нарушения его прав, типичные вопросы и ответы, а также другую методическую литературу, помогающую разобраться потребителю в сложившейся ситуации (для сравнения можно привести сайт Роспотребнадзора РФ). Также целесообразно организовать на сайте Службы государственного надзора раздел для открытых вопросов потребителей с последующими ответами от специалистов службы, когда это не требует дополнительных проверок и информации. Необходимо создать в рамках Службы государственного надзора «Горячую линию для потребителей».

Сайты государственных администраций городов также не содержат достаточной информации о защите прав потребителей, хотя в соответствии со статьей 37 Закона «О защите прав потребителей» указано, что государственная администрация городов, районов, поселков и сел осуществляет государственную защиту прав потребителей наравне с Правительством ПМР. Рекомендуется уделить внимание этому аспекту и усовершенствовать сайты государственных администраций городов с акцентом на защиту прав потребителей.

4. В перспективе центр тяжести по рассмотрению жалоб потребителей, их консультированию и оказанию практической помощи в восстановлении нарушенных прав, в том числе в судебном порядке, должен быть перенесен с республиканских органов исполнительной власти на органы местного самоуправления. Именно органы местного самоуправления, в соответствии с Конституцией ПМР, решают вопросы местного значения и, используя полномочия, предоставленные Законом ПМР «О защите прав потребителей», могут обеспечить оперативную защиту интересов потребителей по месту жительства на основе безвозмездности, беспристрастности и индивидуального подхода к каждому потребителю. Кроме того, органы местного самоуправления должны стать

надежным источником информации как для органов исполнительной власти, так и для населения не только о проблемах, возникающих при осуществлении защиты прав потребителей, но и о других социальных вопросах. В связи с этим, ориентируясь на максимальное развитие деятельности органов местного самоуправления в области защиты прав потребителей, необходимо решать проблему постепенной передачи им части государственных функций в указанной области.

5. Введение зачета (экзамена) на знание обязательного минимума знаний в области защиты прав потребителей при первичном получении патента лицами, которые реализуют товары, выполняют работы или оказывают услуги в розницу.

6. Для обеспечения широкого представительства интересов потребителей необходимо усиление роли общественного потребительского движения и активное его участие в формировании и реализации национальной политики в области защиты прав потребителей.

Практика показывает, что созданная в ПМР система защиты прав потребителей на сегодняшний день не способна обеспечивать и представлять законные интересы потребителей. В связи с этим равная и реальная защита законных интересов потребителей может быть обеспечена только при наличии развитой и крепкой системы защиты прав потребителей, эффективном взаимодействии ее составляющих ветвей, а также разграничении и конкретизации их задач, полномочий и сфер действия.

Литература

1. Гражданский кодекс Приднестровской Молдавской Республики (часть вторая) от 22 июля 2002 года. № 164-З-III – Текст : непосредственный // САЗ ПМР 18-16.

2. Закон Приднестровской Молдавской Республики от 7 февраля 2005 года «О защите прав потребителей». – Текст : непосредственный // САЗ СЗМР 95-1.

3. Закон РФ «О защите прав потребителей» от 7 февраля 1992 года. № 2300-1 (ред. от 29.07.2018). – URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19396/1870b8c (дата обращения: 05.10.2023). – Текст : электронный.

4. Кодекс об административных правонарушениях Приднестровской Молдавской Республики от 21 января 2014 г. – Текст : электронный // САЗ № 10-3-V. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_100/ (дата обращения: 07.10.2023).

Сведения об авторе

Погорлецкая Ирина Ивановна – старший преподаватель кафедры гражданского права и гражданского процесса юридического факультета ГОУ «Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко.

E-mail: begass.iren@mail.ru

УДК 159.96+004.09

СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ПОРОКА ВОЛИ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Е. В. Сарбаш, В. В. Шульга

Проводится анализ особенностей судебно-психологической экспертизы порока воли в рамках гражданского судопроизводства в эпоху цифровизации. В работе дается объяснение самому термину «порок воли», проанализированы основные этапы процедуры судебно-психологической экспертизы и определены последствия совершения сделок с пороком воли. Также в работе проанализированы методы диагностики воли.

Ключевые слова: воля; порок воли; недействительность сделки; судебно-психологическая экспертиза.

FORENSIC PSYCHOLOGICAL EXAMINATION OF DEFECTS OF WILL IN THE DIGITAL AGE

E. V. Sarbash, V. V. Shulga

The article analyzes the features of forensic psychological examination of vice of the will within the framework of civil proceedings in the era of digitalization. The work provides an explanation of the very term «vice of will», analyzes the main stages of the forensic psychological examination procedure and determines the consequences of making transactions with a defect of will. The work also analyzes methods for diagnosing will.

Keywords: will; vice of will; invalidity of the transaction; forensic psychological examination.

Актуальность данной работы обусловлена интересом к проблеме порока воли, а также ее недостаточной проработанностью на современном этапе. В последнее десятилетие как в судебной, так и в экспертной практике прослеживается тенденция увеличения доли споров о призна-

нии недействительными сделок с пороками воли [2, 7, 9]. При этом следует отметить дискуссионность большого количества вопросов, которые связаны с недействительностью сделок и имеют принципиальное значение в юридической практике, что обуславливает интерес к ним со стороны цивилистов. Глубокое теоретическое осмысление проблем сделок с пороком воли необходимо как для правотворческой, так и для судебной деятельности.

Вопросам исследования оспоримых сделок, недействительность которых связывается с отсутствием или неправильным формированием внутренней воли лица, совершающего сделку, посвящено множество работ. Материал, который изложен в учебной литературе в основном носит общий характер, а в монографиях по данной тематике рассмотрены более узкие вопросы затронутой проблемы. В последние годы появились остающиеся единичными работы в области теории сделок-способности. Это работы Л. А. Яхимовича, Т. Б. Дмитриевой, Н. К. Харитоновой, К. Л. Иммермана и др. Конкретизация медицинских критериев сделок-способности предложена в работе Д. А. Малкина. Однако нужен учет современных условий при исследовании обозначенной проблематики. Использование и применение в гражданском обороте различных объектов определяет интерес правоприменителя, детерминируя необходимость специальных знаний и новых подходов для разрешения спорных вопросов.

Открытия в науке и технике оказывают значительное влияние на развитие института судебных экспертиз. Новое глобальное направление цифровизации оказывает влияние не только на государство и личность, но и на отдельные отрасли и научные направления, в том числе и на судебно-экспертную деятельность. Развитие компьютерных и информационных систем совершенствуется, уже формируются новые роды и виды судебных экспертиз, таких как экономические, лингвистические, фототехнические, портретные экспертизы и др.

Судебная экспертиза чутко реагирует на изменение в общественной жизни, влияние цифровизации затрагивает и эту сферу общественных отношений. Научно-технический прогресс в XIX–XX вв. способствует активному развитию судебной экспертизы, совершенствованию методик экспертного исследования и появлению новых видов судебных экспертиз.

Как справедливо отмечают авторы, в том числе Ф. Г. Аминев, Л. И. Беляева, А. А. Бессонов, Г. Г. Камалова, в интеграции достижений

научно-технического прогресса в правоохранительную деятельность и судопроизводство имеют место организационно-правовые, этические и технологические проблемы. И судебная экспертиза не является исключением: на пути внедрения и использования современных информационно-компьютерных технологий в этой области также возникает ряд проблем.

Цифровизация как общемировое направление развития всех сфер глобального общества направлена на повышение эффективности, снижение издержек и улучшение качества жизни. Следствием внедрения современных цифровых технологий в практику судебных экспертиз явились модернизация содержания экспертного исследования как в плане процессуальных действий, так и в плане получения результатов познания на новом методологическом уровне, а также возможность существенного расширения используемых методов и методик.

Судебно-экспертная деятельность по административным, гражданским и уголовным делам обычно характеризуется трудоемкостью и рутинной. Современная реальность с глобальным внедрением цифровых технологий открывает для нее новые горизонты. Цифровые технологии все больше проникают в деятельность судебного эксперта, позволяют развивать научно-техническую базу исследования. Увеличение объемов используемой информации и расширение круга решаемых экспертных задач на фоне устойчивого роста числа проводимых исследований детерминируют потребность широкого проникновения таких технологий в экспертную практику, что не только автоматизирует и ускорит рутинные операции, уменьшит количество экспертных ошибок, но и выведет эту профессиональную деятельность на новый уровень. При этом нельзя сбрасывать со счетов и рост требований к качеству судебно-экспертных исследований в ходе научно-технического прогресса.

Многие авторы [Камалова, 2019; Неретина, 2019] указывают на необходимость внедрения систем цифровых стандартов в судебно-экспертную деятельность, что будет давать следующие преимущества:

- 1) организационные и методические удобства, связанные с внедрением стандартов,
- 2) способность лучше оценивать их соответствие стандартам других уровней (международных, межгосударственных, национальных),
- 3) возможность сочетать требования к внутренней документации с нормативными требованиями,

4) обеспечение соблюдения положений стандартов со стороны следственных и судебных органов при назначении судебных экспертиз.

Современные цифровые технологии позволяют автоматизировать сбор и регистрацию сведений, необходимых для экспертной практики, накапливать массивные объемы данных, которые в условиях рисков и угроз глобального информационного общества определяют обеспечение безопасности, собранной правоохранительными органами и независимыми экспертными организациями информации. Не менее важным является вопрос применения современных технологических решений защиты информации, в том числе на базе новейших систем шифрования и блокчейн-технологий.

Внедрение современных технологий в экспертную практику осуществляется двумя путями. В первом случае используются уже имеющиеся достижения математических, технических и естественных наук и приспособление существующих цифровых технологий и информационных систем к особенностям судебно-экспертной деятельности. Второй путь требует формализации криминалистических и судебно-экспертных знаний, выделения базовых структур в этих сферах и создания на этой основе специализированных систем, основой которых являются закономерности, используемые в криминалистической и судебно-экспертной деятельности. Сложность их разработки и внедрения требуют значительных затрат. Поскольку эти виды деятельности обладают определенной спецификой, эффект внедрения цифровых технологий значительно усилится, если будет осуществляться на основе учета всех компонентов, связей и отношений, уже существующих в этой сфере [9, с. 60].

При исследовании минувшего события в системе уголовного, гражданского и административного судопроизводства, а также в процессе предварительного расследования достаточно часто возникает ситуация, когда извлечение нужной доказательственной информации из существующих и измененных этим событием объектов имеет решающее значение при расследовании преступления или для разрешения судебного спора. Но суд или лицо, ведущее расследование, не могут самостоятельно в одностороннем порядке принять решение, поскольку для этого требуются специальные знания в областях специальных наук. Именно тогда возникает потребность в судебной экспертизе. В зависимости от решаемых экспертных задач виды экспертных исследований подразделяют на идентификационные, диагностические и моделирование со-

бытия, что определяет специфику процессов и результатов экспертной практики. Изучаемая экспертом информация в потенциальной форме возникает на базе отражательно-информационных закономерностей, определяющих специфику исследования и придающих информационный характер всей деятельности специалиста.

Гражданским кодексом предусмотрена целая группа оспоримых сделок, недействительность которых связывается с отсутствием или неправильным формированием внутренней воли лица, совершающего сделку. Согласно ст. 153 ГК РФ, сделка – это действия граждан или юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. П. 1 ст. 421 гласит, что граждане и юридические лица свободны в заключении договора. Это означает, что не допускается воздействие на волю лица, принуждение его к совершению сделок, за исключением случаев, когда обязанность заключить договор прямо предусмотрена Гражданским кодексом Российской Федерации или другими нормативными актами.

На практике нередко встречаются случаи, когда участники гражданских правоотношений при заключении сделок действуют не свободно, а в силу разных обстоятельств, противоречащих их волеизъявлению. Вследствие этого гражданское законодательство предусматривает различные основания для признания сделок недействительными. Согласно п. 1 ст. 177 ГК РФ сделка, совершенная гражданином, хотя и дееспособным, но находившимся в момент ее совершения в таком состоянии, когда он не был способен понимать значение своих действий или руководить ими, может быть признана судом недействительной по иску данного гражданина либо иных лиц, чьи права или охраняемые законом интересы в результате ее совершения нарушены.

Заключение сделок должно проводиться с равными правами сторон. Однако некоторые сделки могут вызвать подозрения в несправедливости проведения, несоразности конечных результатов и убыточности для одной из сторон, заключающих сделку. В таких случаях по ходатайству одной из сторон сделки или по назначению надзорных органов проводится психологическая экспертиза порока воли. Выявление психических расстройств, негативно влияющих на волевую регуляцию, нарушающих целеустремленную деятельность, является основанием для признания совершенной сделки недействительной.

В целом психологическая экспертиза порока воли является относительно новым понятием в сфере психологических экспертиз, и мно-

гие юристы зачастую путают ее с неадекватностью. Следует отметить, что порок воли может быть выявлен даже у абсолютно здорового человека, который против воли при внешне добровольном принятии решения подписывает не соответствующие здравому смыслу документы [11].

Чтобы доказать неправомотность сделки, требуется предоставить суду веские доказательства того, что сделка была совершена под влиянием порока воли. Конечно, можно использовать показания свидетелей, однако в основном они могут быть приняты к сведению только в качестве косвенных доказательств возможного применения насилия, угрозы, обмана или состояния недееспособности гражданина. Поэтому, для того чтобы выяснить, действительно ли на момент совершения сделки человек был не способен сознавать значение своих действий и руководствоваться ими, назначается судебно-психологическая экспертиза порока воли. Порок воли наблюдается и в том случае, когда сходятся воля и волеизъявление, но искажена интеллектуальная поведенческая сторона лица, из-за чего у него появляется неправильное восприятие о целях совершения сделки. В этом случае речь идет о заблуждении, которое имеет особое значение.

В связи с этим диагностирование у лица заболеваний, характеризующихся наличием когнитивных нарушений (снижение функций памяти, умственной работоспособности, нарушение ориентации в пространстве и т. д.), свидетельствуют о наличии у данного лица «порока воли», что в дальнейшем обуславливает возможность признания такого лица частично или полностью недееспособным.

В юриспруденции используется понятие порока воли, которое имеет не психологический, а юридический контекст. Его употребляют для определения тех эмоционально-волевых нарушений личности, которые свидетельствуют об интеллектуальной и волевой неполноценности контролирования им своих действий в личных интересах с правовой точки зрения. Порок воли – это возникшее у субъекта гражданско-правовых отношений нарушение способности к свободному формированию или свободному выражению своего подлинного желания, осознанной цели, намерения на установление, изменение или прекращение определенного правоотношения, детерминированного возникновением особого состояния, либо неправильного представления о цели деятельности, либо ограничения свободы принятия решения [9, с. 59]. Другими словами, это такая ситуация, когда воля на совершение

сделки или какого-то иного действия выражена ошибочно или вопреки действительным намерениям лица из-за психических отклонений, обмана, насилия, угроз или существенного заблуждения. В законодательстве РФ нет легальной дефиниции понятия «порок воли», но фактически оно учитывает это обстоятельство в качестве основания для признания сделки недействительной.

Воля – одно из наиболее сложных понятий в психологии. Понятие воли было введено Аристотелем как объяснительное, необходимое для понимания порождения действий человека разумного, основанного на его желании решать проблемы своего существования. Этот конструкт может рассматриваться и как самостоятельный психический процесс, и как важнейший аспект иных психических процессов и явлений, и как уникальная способность личности произвольно контролировать свое поведение. Рассмотрение воли в контексте порождения действия предполагает акцент на анализе побудительной функции воли. Такой мотивационный подход к воле, осмысленный учеными позже как проблема самодетерминации, остается доминирующим и в наши дни. Позже в публикациях исследований воли в рамках философии все чаще на передний план начала выходить проблема свободы выбора как главной сути волевого акта, что придает воле новую функцию – функцию выбора мотивов, целей и действий. Кроме того, в психологической науке в последнее время исследования воли проводятся в связи с анализом регуляции исполнительской части действия и психических процессов, что породило проблему саморегуляции поведения человека. Разноплановость трактовки воли не обошла стороной и юриспруденцию. Так, О. В. Лазарева отмечает: «В правовом аспекте воля субъекта представляет собой относительно самостоятельный механизм регуляции поведения дееспособного субъекта, последовательно осуществляемого в правовых пределах и ориентированного на достижение конкретного результата путем удовлетворения его потребностей» [8]. В этом определении совместились регуляторная и побудительные функции воли, что вполне допустимо для дефиниции исходного понятия воли, но обделена вниманием функция выбора, которая нераздельно связана с актом свободного волеизъявления.

В настоящее время психологические исследования воли разделились между различными научными направлениями: в психологии личности в центре внимания находится изучение соответствующих волевых характеристик личности, в психологии мотивации большое вни-

мание отводится изучению внутриличностных конфликтов и способов их преодоления. Большинство ученых [7] придерживаются мнения, что воля в поведении человека выражается через отдельные свойства личности (волевые качества), для диагностики которых в арсенале психологии существуют достаточно валидные методы и методики.

Современные психологические словари трактуют волю как сознательную психическую активность человека, регулирующую поведение и деятельность, направленную на преодоление препятствий на пути к достижению поставленных целей. Таким образом, воля всегда связана с сознанием человека, уровнем развития его личности. Как писал С. Л. Рубинштейн, «становление воли – это становление субъекта, способного к самоопределению». Разделение в доктрине гражданского права интеллектуального и волевого признаков с точки зрения психологии не вполне корректно. Способность руководить своими действиями всецело зависит от способности субъекта понимать значение своих действий. Свобода воли, ее неограниченность означают для индивида возможность действовать со знанием дела, проявляя свою субъектность.

Если в юридической литературе достаточно широко используется выражение «порок воли», то в психологии такое понятие отсутствует. Признавая определенную условность данного термина, следует отметить, что он употребляется юристами для обозначения определенных эмоционально-волевых личностных нарушений, расстройств поведения, некоторой интеллектуально-волевой неполноценности процессов регуляции субъектом своих значимых с правовой точки зрения и собственных интересов действий, когда он не может в полной мере руководить ими. Сниженный уровень волевой регуляции человеком своих действий, не выходящий за пределы психологической нормы, выражается в заниженной способности субъекта всесторонне оценивать ту или иную значимую для него ситуацию и адекватно ей, а также своим возможностям принимать решения, в полной мере руководить своими действиями, направленными на достижение поставленных целей (см. ч. 1 ст. 22 УК, ч. 1 ст. 177 ГК).

Воля – составной элемент сложных целенаправленных интеллектуальных актов поведения человека. Она является мощной побудительной силой, входящей в мотивационную сферу поведения, в том числе противоправного. В то же время некоторые преступления совершаются только потому, что субъект не может мобилизовать свою волю, чтобы противостоять своим иррациональным желаниям и влечениям. Нали-

чие воли, волевой регуляции поведения в структуре целенаправленной деятельности человека свидетельствует об умысле на совершение им тех или иных действий, а в случае противоправного их характера – об умышленной вине в содеянном.

Наличие «порока воли» нельзя установить без выявления конкретного механизма волевой деформации у данного лица. Деформации регуляции волевых действий могут быть вызваны как внутренними, так и внешними причинами, при этом причины эти всегда индивидуальны. В сложной системе алгоритмов волевой регуляции может быть нарушено любое из звеньев (неадекватность мотивации, дефектность программирования системы действий, несовершенство исполнительских механизмов, неверная оценки достигнутого результата), что приведет к деформации волевого действия.

Люди, имеющие характеристики невротических, истерических, астенических типов личности, проявляют склонность к снижению своего интеллектуального потенциала в психически напряженных ситуациях. Причины сужения сознания разнообразны: повышенная суггестивность, ошибочная антиципация, наличие семантических и стилистических барьеров в межличностной коммуникации, ошибки восприятия, обусловленные сенсорной недостаточностью, и прямой обман контрагента.

Если говорить о принятии субъектом решения в ситуации его обмана со стороны контрагента, то вряд ли можно отнести это явление к феномену «порока воли», поскольку субъект вводится в заблуждение другой стороной умышленно. Обман – это умышленное введение в заблуждение другой стороны, сознательное формирование у субъекта правозначимых отношений неправильных представлений об обстоятельствах действительности посредством передачи ему ложной информации.

Исходя из представлений психологии о воле человека, следует отметить, что порок воли возможен в двух проявлениях. Во-первых, при несоответствии воли волеизъявлению, то есть, когда лицо заблуждается относительно сущности сделки и ее возможных последствий или же в силу своего психического состояния не понимает значение своих действий. Во-вторых, порок воли возможен при порочности формирования воли, например, когда сделка совершается под воздействием обмана, насилия, угроз или же тяжелым стечением обстоятельств [8]. Стоит отметить, что в науке до сих пор нет единого мнения о том, в какую категорию отнести порочность мнимых и притворных сделок. Существует мнение о том, что в мнимых и притворных сделках какое-либо

давление на волю участников не оказывается, в отличие от иных видов недействительных сделок с пороками воли, где воля формируется под влиянием неблагоприятных обстоятельств [1, с. 284].

Наличие «порока воли» устанавливает суд, однако свое решение он принимает на основе доказательств, в частности на основе материалов судебно-психологической экспертизы. Поводом для ее назначения служат обоснованные сомнения в возможностях стороны правильно воспринимать существенные элементы сделки при ее совершении.

Вина, мотив, цели правозначимого поступка являются предметом юридического исследования и оценки. Однако психологический механизм мотивации поведения может быть всесторонне выявлен лишь при помощи специалиста-психолога, заключение которого особенно важно для выяснения вопроса: не находилось ли лицо под влиянием психического насилия другой стороны при совершении сделки. В судах нередко разбираательства дел о признании недействительным завещания ввиду того, что в момент его составления на завещателя оказывалось психологическое воздействие или заинтересованное лицо недобросовестно воспользовалось физической беспомощностью завещателя. Суды не всегда проверяют данное обстоятельство, хотя оно имеет юридическое значение.

Большинство экспертов [5] трактуют критерии порока воли как с психологической, так и с психиатрической точки зрения. К психологическим аспектам относятся: неспособность лица понимать значение совершаемых действий; влияние внешнего воздействия, т. е. угрозы, шантажа или насилия; стечение непреодолимых обстоятельств; непонимание смысла и цели совершаемой сделки; неспособность влиять на ход сделки вследствие определенного состояния лица и пр.

Среди психиатрических аспектов выделяют: нелогичность между целями и действиями, совершаемыми для их достижения; отсутствие самоконтроля собственных действий; эмоционально-волевые дефекты психики; непонимание изменения или прекращения своих прав; особое психофизическое состояние субъекта правоотношений; несоответствие результатов сделки интересам действующего лица.

О том, что у субъекта снижен уровень волевой регуляции, нарушена способность руководить своими действиями, могут свидетельствовать психологические критерии «порока воли», а также оценочные объективные критерии, которые можно выявить в ходе судебного заседания при решении вопроса о признании недействительности гражданско-правовой сделки.

К психологическому аспекту, подтверждающему наличие у человека ограничений в способности руководить собственными действиями в рамках психической нормы, относятся следующие показатели:

- *сниженный уровень интеллекта*, существенно осложняющий принятие человеком важных для него решений в нестандартных ситуациях, в условиях когнитивного диссонанса, затрудняющий прогнозирование, планирование им своих последующих действий;

- наличие определенных устойчивых черт характера, составляющих в своей совокупности синдром «*сниженной волевой устойчивости*», характерный для акцентуации личности по конформному типу, который часто принимает решения под влиянием внешних, порой случайных обстоятельств, или под воздействием доминирующего группового мнения. Ведущими свойствами характера таких людей являются повышенная тревожность, постоянная озабоченность, избыточная осторожность, чрезмерная подозрительность, мнительность, склонность к усложнению происходящих вокруг событий, отсюда неуверенность в себе и в своих возможностях, отсутствие инициативы, самостоятельности, смелости в выборе собственной линии поведения, достижении поставленной цели, сниженный самоконтроль;

- *заниженные самооценка и уровень притязаний*, вызывающие у субъекта чувство собственной неполноценности, предчувствие фиаско, постоянное ожидание всевозможного рода неудач;

- наличие в мотивационной сфере личности в качестве ведущих мотивов *избегания неудачи*;

- *сниженный уровень эмоциональной и стрессоустойчивости*, затрудняющий осуществление субъектом должного волевого контроля над своими эмоциями и поведением.

К объективным критериям, подтверждающим сниженные способности субъекта к волевой регуляции собственного поведения, могут быть отнесены любые фактические данные о его поведении, характерные высказывания, которые оцениваются в ходе судебного заседания во время его допроса, а также опроса свидетелей, хорошо знающих данное лицо и способных охарактеризовать его поведение в повседневной жизни. Свидетельствование о сниженном уровне волевой регуляции говорит о наличии порока воли, при этом критерии оценки устанавливает суд в процессе судебных разбирательств по решению вопроса о признании совершенной сделки недействительной.

Окончательный вывод суда о сниженном уровне волевой регуляции субъектом своего поведения, его недостаточной способности понимать значение своих действий или руководить ими в пределах психической нормы формируется на основе психологических и объективных критериев. Диагностирование психологических характеристик личности, а также тех паттернов поведения субъекта, которые отрицательно повлияли на процессы его волевой саморегуляции, волеизъявления и нарушили его целенаправленную деятельность, служит безусловным основанием для признания недействительности заключенной им сделки, а в уголовном праве – основанием для признания лица неспособным в полной мере руководить своими действиями с вытекающими из этого правовыми последствиями (ст. 22 УК). В остальных же случаях дефекты волеизъявления, волевой регуляции поведения (порок воли) в совокупности с другими обстоятельствами могут рассматриваться в качестве подтверждения того, что противоправные действия могли быть совершены по легкомыслию/недомыслию, а лицо, их совершившее, не обладало релевантной и необходимой внимательностью и предусмотрительностью (ст. 26 УК).

Существующие методы изучения волевой активности дифференцируются на экстенсивные и экспериментальные.

1. Экстенсивные методы включают в себя наблюдение за поведением человека в естественных условиях, а также самооценочные методы. В данном случае имеют место быть тесты-опросники или семантический дифференциал, причем первые, как отмечал Е. П. Ильин, являются более объективными [3, с. 254].

2. Экспериментальная диагностика может проводиться с помощью лабораторного моделирования ситуаций проявления волевого качества. «В этом случае главное – отразить специфику воли как сознательного преодоления трудностей на пути к цели. Результаты оцениваются в зависимости от сложности самого задания и от характеристик его выполнения, что позволяет учесть влияние внешних препятствий» [3, с. 260].

Цель судебно-психологической экспертизы – выяснить, понимало ли лицо значение своих действий и руководило ли ими в момент заключения сделки, а также могло ли свободно изъявлять свою волю. Судебная экспертиза по делам о признании недействительными сделок должна ответить на следующие вопросы:

1. Находился ли субъект (сторона сделки) в период, относящийся к совершению сделки, в таком состоянии, когда он не мог понимать значение своих действий или руководить ими?

2. Учитывая особенности познавательной сферы, состояния в момент совершения сделки, внешних условий, в которых происходило принятие решений, а также индивидуальную значимость последствий сделки, имел ли субъект адекватное (правильное) представление о существовании сделки?

3. Какие факторы повлияли на неадекватное (неправильное) представление о сделке?

4. Какое влияние оказала угроза (насилие, стечение тяжелых обстоятельств) на процесс принятия лицом решения о совершении сделки и его реализацию?

5. Была ли ограничена способность субъекта свободно изъяслять свои подлинные желания и намерения?

В задачи судебно-психологической экспертизы входит выявление всех перечисленных вопросов, положительные ответы на которые будут подтверждать низкий уровень способности лица к волевому регулированию и контролю своих действий. Вынесение приговора судом о сниженном уровне волевой регуляции физического лица, о его неспособности понимать значение своих действий, в большой степени основывается на результатах судебно-психологической экспертизы.

Коченов М. М. в своей работе выделил основания применения судебно-психологической экспертизы [5, с. 38]:

1) неспособность лица самостоятельно защищать свои права и законные интересы;

2) возрастные психологические особенности человека, заключившего сделку;

3) нестабильное эмоциональное и психическое состояние лица в момент совершения сделки;

4) оспаривание дееспособным лицом действительности совершенной сделки.

Данная экспертиза назначается решением органов дознания и следствия, а также судом и обычно проводится судебным экспертом-психологом, а в некоторых случаях – и экспертом-психиатром.

Исходя из научно-практического руководства Кудрявцева И. А. [6, с. 141], процедура судебно-психологической экспертизы включает в себя 3 основных этапа:

1. На первом этапе излагается вся информация об эксперте, т. е. его ФИО, образование, место работы и должность, время проведения экспертизы, основания ее проведения, а также в деталях расписывается содержание дела.

2. Второй этап (основной, исследовательский) содержит в себе описание проверки и суть экспертизы. Он включает в себя опрос подэкспертного и свидетелей, прохождение тестирования по психодиагностическим методикам, анализ материала дела, а также исследование на основании биографического метода и включенного наблюдения.

3. На третьем (заключительном) этапе эксперт делает выводы на основании разностороннего анализа и проведенных психологических тестов. На данном этапе также выводятся результаты и описываются различные особенности мышления, связности речи, уровень аналитико-синтетической деятельности подэкспертного.

Очевидно, что ответы на эти важные для судебного решения вопросы возможны при использовании как экспериментальных, так и экстенсивных методов. Цели, поставленные перед судебным экспертом, и тот круг задач, который необходимо ему решить для постановки диагноза относительно наличия или отсутствия порока воли у диагностируемого лица, широк и многозначен. Ситуация экспертизы порока воли осложняется и тем фактом, что эмоционально-волевое состояние подэкспертного в момент осуществления им сделки оценивается постфактум, т. е. существует определенная отсроченность во времени между фактом совершения сделки и необходимостью оценить ее правомочность. Такое обстоятельство предполагает не только применение традиционных диагностических процедур, но и непосредственную беседу, и наблюдение за лицом со стороны судебного эксперта. Это, в свою очередь, обуславливает высокие требования к профессионализму судебного эксперта, его способности к глубокому анализу на высоком уровне профессиональной компетенции всего комплекса информации, полученной им как при личном наблюдении и взаимодействии с подэкспертным, так и при применении компьютерной диагностики. Важно отметить, что на современном этапе развития информационных технологий существуют ситуации в юридической практике, которые невозможно оцифровать. Экспертиза порока воли сама по себе предполагает непосредственное общение психолога, а в некоторых случаях и психиатра, с гражданином, чьи интересы были нарушены. Подобную тенденцию в применении судебно-экспертной практики отмечают и другие исследователи. Так, Г. Г. Камалова подчеркивает:

«— экспертное исследование как решение определенной задачи в отношении соответствующего объекта специфично и обладает собственной экспертной методикой и, следовательно, оригинальной после-

довательностью действий, то есть универсального решения компьютеризации судебной экспертизы не существует;

- в настоящее время по-прежнему недостаточно научно-обоснованных и практически апробированных экспертных методик исследования объектов, основанных на применении цифровых технологий;

- необходимо решить вопрос отсутствия модификации цифровых данных, их защиты и обеспечения возможности подтверждения достоверности исходных и полученных данных» [4].

Исходя из вышеизложенного, очевидно, что проблема оспаривания сделок, совершенных с «пороком воли», представляет большой теоретический и практический интерес, где правовой аспект переплетается с судебной психиатрией. Кроме того, затронутая категория спора носит непредсказуемый характер, поскольку не существует идентичных друг другу дел, анамнезов и результатов психодиагностики, и от качественной подготовки судебно-психологической экспертизы по конкретному делу будет зависеть результативность судебного процесса.

Подводя итог, можно констатировать, что для действительности сделки необходимо соответствие волеизъявления внутренней воле. Поэтому к сделкам с пороками воли относятся такие, при совершении которых внутренняя воля сформировалась либо в ненадлежащих условиях, либо волеизъявление неправильно выражает ее существо.

Суммируя, можно сделать ряд выводов. Цифровизация актуальна для перспектив развития дальнейшей деятельности судебно-экспертных организаций. Потребности внедрения цифровых технологий обусловлены расширением числа и усложнением решаемых экспертных задач. Тем не менее, позитивные перспективы внедрения цифровых технологий в экспертную деятельность имеют еще ряд организационных, правовых и иных сложностей: среди проблем, стоящих на повестке дня – настоятельная потребность судебно-экспертной практики в специализированном программном обеспечении. Еще одним из важных направлений дальнейшего развития в данной области является интегрирование уже используемых информационных систем в единую специализированную информационно-коммуникационную сеть экспертных учреждений, развитие новых экспертных методов и методик, необходимых для борьбы с преступными проявлениями в интернете, применением новейших цифровых технологий, включая системы искусственного интеллекта.

На настоящем этапе накопление опыта проведения экспертных исследований, дальнейшее формирование экспертных методик, совершенствование инструментальной базы, активное внедрение новейших научных разработок для оказания помощи правосудию при рассмотрении гражданских, уголовных, арбитражных и административных дел выводят институт судебных экспертиз на новый виток развития, создавая базу для формирования новых родов и видов судебных экспертиз.

Литература

1. Алекберова, Н. Н. Порок воли как основание недействительности мнимых и притворных сделок / Н. Н. Алекберова. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы российского права. – 2013. – № 3. – С. 282–286.
2. Дмитриева, Т. Б. Судебно-психиатрическая экспертиза в гражданском процессе / Т. Б. Дмитриева, Н. К. Харитонов, К. Л. Иммерман, Е. В. Королева. – Санкт-Петербург, 2003. – 206 с. – Текст : непосредственный.
3. Ильин, Е. П. Психология воли : учеб пособие / Е. П. Ильин. – Санкт-Петербург : Питер, 2009. – 310 с. – Текст : непосредственный.
4. Камалова, Г. Г. Цифровые технологии в судебной экспертизе : проблемы правового регулирования и организации применения / Г. Г. Камалова. – Текст : непосредственный // Вестник удмуртского университета. Экономика и право. – 2019. – Т. 29, вып. 2. – С. 180–186.
5. Коченов, М. М. Судебно-психологическая экспертиза : теория и практика / М. М. Коченов. – Текст : непосредственный // Избранные труды. – Москва : Генезис, 2010. – 351 с.
6. Кудрявцев, И. А. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза (научно-практическое руководство) / И. А. Кудрявцев. – Текст : непосредственный // МГУ имени М.В. Ломоносова. – Москва, 1999. – 806 с.
7. Леонтьев, А. Н. Психология воли / А. Н. Леонтьев. – Текст : непосредственный // Вестник МГУ. Сер.14. Психология. – 1993. – № 2. – С. 3–14.
8. Лазарева, О. В. Дефекты воли субъектов в гражданском законодательстве : вопросы теории и практики / О. В. Лазарева. – Текст : непосредственный // Правовая политика и правовая жизнь. – 2019. – № 4. – С. 59–65.

9. Секераж, Т. Н. Теоретические и методические основы диагностики «порока воли» в судебной психологической экспертизе : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Т. Н. Секераж. – Москва, 2004. – С. 58–61. – Текст : непосредственный.

10. Учреждение судебной экспертизы : официальный сайт. – Москва, 2015. – URL : <https://sppe.moscow/post/the-vice-of-the-will-when-making-deals/> (дата обращения: 26.02.2024). – Текст : электронный.

11. Федерация судебных экспертов : официальный сайт. – Москва, 2024. – URL : <https://bneks.ru/psihologicheskaya-ekspertiza-poroka-voli/> (дата обращения: 26.04.2024). – Текст : электронный.

Сведения об авторах

Шульга Валентина Васильевна – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных дисциплин, Донбасский государственный университет юстиции.

E-mail: shulga55@rambler.ru

Сарбаш Елена Викторовна – студентка, Донбасский государственный университет юстиции.

E-mail: karateelena81@gmail.com

УДК 346.26:36

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ СОЦИАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Е. А. Синика

Исследуются правовые основы социального предпринимательства как довольно нового феномена, возникшего за рубежом, но уже получившего широкую известность как в мировой, так и в российской бизнес-практике. Социальным предпринимательством признается деятельность малых и средних предприятий (субъектов малого и среднего предпринимательства), которая направлена на достижение общественно-полезных целей и способствует решению социальных проблем граждан и общества. Социальное предпринимательство в Приднестровье развивается как разновидность предпринимательской деятельности и руководствуется законодательством о предпринимательстве. Приводится анализ деятельности социального предпринимательства через призму предпринимательской деятельности.

Ключевые слова: социальное предпринимательство; признаки социального предпринимательства; предпринимательская деятельность; коммерческие и некоммерческие организации.

LEGAL BASIS SOCIAL ENTREPRENEURSHIP

E. A. Sinika

Examines the legal foundations of social entrepreneurship as a fairly new phenomenon that arose abroad, but has already become widely known both in world practice and in Russian business practice. Social entrepreneurship is recognized as the activities of small and medium-sized enterprises (small and medium-sized businesses), which are aimed at achieving socially beneficial goals and contribute to solving social problems of citizens and society. Social entrepreneurship in Transnistria is developing as a type of entrepreneurial activity and is guided by legislation on entrepreneurship. The article provides an analysis of the activities of social entrepreneurship through the prism of entrepreneurial activity.

Keywords: social entrepreneurship; signs of social entrepreneurship; entrepreneurial activity; commercial and non-profit organizations.

Для того чтобы перейти к изучению и раскрытию данной темы, хотелось бы дать понятие социального предпринимательства.

Социальное предпринимательство – довольно новый феномен, возникший за рубежом, но уже получивший широкую известность как в мировой практики, так и в российской бизнес-практике. Однако многие до сих пор не знают об этом явлении и, услышав словосочетание «социальный предприниматель», представляют скорее социального работника, занимающегося льготами, нежели полноценного бизнесмена.

Социальным предпринимательством признается деятельность малых и средних предприятий (субъектов малого и среднего предпринимательства), которая направлена на достижение общественно-полезных целей и способствует решению социальных проблем граждан и общества [6, с. 45].

Можно сказать, что это новый сектор экономики, находящийся на стыке коммерческого и некоммерческого секторов.

В правовом поле Приднестровья отсутствует закреплённый термин социальное предпринимательство (социальное предприятие). В то же время, изучая различную научную, статистическую и практическую информацию о социальном предпринимательстве, были выявлены ос-

новые признаки, которые в совокупности, наиболее объективно характеризуют данное явление и помогают отделить его от других видов социально-экономической деятельности. К таким признакам следует отнести:

1. Главенство социальной миссии над коммерческим интересом.
2. Инновационный подход к решению социальных проблем.
3. Самоокупаемость социального предприятия является основой его конкурентоспособности.
4. Полученная прибыль идет преимущественно на социальные цели предприятия, а не распределяется между собственниками.
5. Социальное предприятие напрямую предназначено для устранения либо смягчения остроты реальных социальных проблем.

Социальное предпринимательство в Приднестровье развивается как разновидность предпринимательской деятельности и руководствуется законодательством о предпринимательстве. Основы предпринимательской деятельности закреплены в Гражданском кодексе.

Осуществлять предпринимательскую деятельность в соответствии с действующим законодательством Приднестровья могут: индивидуальные предприниматели, коммерческие и некоммерческие организации.

Согласно п. 1 ст. 24 Гражданского кодекса Приднестровья гражданин признается предпринимателем с момента государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя. Индивидуальный предприниматель осуществляет предпринимательскую деятельность в порядке, установленном законодательными актами Приднестровской Молдавской Республики [1].

Индивидуальный предприниматель вправе осуществлять предпринимательскую деятельность, выбрав подходящий режим налогообложения. Индивидуальный предприниматель исходя из вида и количества осуществление деятельности, возможности привлечения лиц (наемных работников), взаимодействия с юридическими лицами и возможности осуществления внешнеэкономической деятельности выбирает один из видов налоговых режимов – «Специальный налоговый режим – о самозанятых лицах», «Специальный налоговый режим – патентная система налогообложения», «Специальный налоговый режим – упрощенная система налогообложения». Индивидуальный предприниматель осуществляет свою предпринимательскую деятельность в рамках выбранного налогового режима.

Анализируя законодательную базу, в частности законы Приднестровья, «Специальный налоговый режим – о самозанятых лицах» [2], «Специальный налоговый режим – патентная система налогообложения» [3], «Специальный налоговый режим – упрощенная система налогообложения» [4], следует отметить, что в нормативной базе присутствуют виды деятельности характерные для социального предпринимательства. К таким видам деятельности можно отнести: логопедические услуги, услуги по оказанию психологической помощи, услуги по присмотру и уходу за детьми и больными, услуги по уходу за домашними животными; медицинские услуги, включая медицинский массаж и т. д.

Осуществлять предпринимательскую деятельность могут и некоммерческие организации. Некоммерческие организации могут создаваться в форме общественных или религиозных организаций (объединений), некоммерческих партнерств, учреждений, автономных некоммерческих организаций, социальных, благотворительных и иных фондов, ассоциаций и союзов, а также в других формах, предусмотренных законодательными актами Приднестровья.

Гражданский кодекс закрепляет право некоммерческим организациям осуществлять предпринимательскую деятельность лишь постольку, поскольку такая деятельность служит достижению целей, ради которых эти организации созданы, и соответствует этим целям; получаемая от такой деятельности прибыль (доход) направляется исключительно на уставные цели (часть вторая п. 4 ст. 51).

Согласно п. 4 ст. 28 Закона Приднестровья «О некоммерческих организациях» некоммерческая организация может осуществлять предпринимательскую и иную приносящую доход деятельность лишь постольку, поскольку это служит достижению целей, ради которых она создана, и соответствует указанным целям, при условии, что такая деятельность указана в ее учредительных документах. Такой деятельностью признаются приносящее прибыль производство товаров и услуг, отвечающих целям создания некоммерческой организации, а также приобретение и реализация ценных бумаг, имущественных и неимущественных прав, участие в хозяйственных обществах и товариществах на вере в качестве вкладчика [5].

Некоммерческие организации могут создаваться для достижения социальных, благотворительных, культурных, образовательных, научных и управленческих целей, в целях охраны здоровья граждан, развития физической культуры и спорта, удовлетворения духовных и иных нематериальных потребностей граждан, защиты прав, законных

интересов граждан и организаций, разрешения споров и конфликтов, оказания юридической помощи, а также в иных целях, направленных на достижение общественных благ.

В правовом поле Приднестровья закреплено понятие «социально ориентированные некоммерческие организации», которые в соответствии с Законом Приднестровья «О некоммерческих организациях» признаются как некоммерческие организации, созданные в предусмотренных Законом «О некоммерческих организациях» формах и осуществляющие деятельность, направленную на решение социальных проблем, развитие гражданского общества, а также при условии осуществления ими в соответствии с учредительными документами видов деятельности. Более детальная регламентация видов деятельности перечислена в статье 37 указанного выше Закона, например: социальное обслуживание, социально-психологическая и гуманитарная поддержка граждан и семей; охрана здоровья граждан, просвещение в сфере здравоохранения; охрана окружающей среды; деятельность по защите прав и свобод человека и гражданина; профилактика социально опасных форм поведения граждан, пропаганда здорового образа жизни, деятельность в области физической культуры, спорта и туризма; благотворительная деятельность, деятельность в области содействия благотворительности и добровольчества и многие другие.

Таким образом, следует отметить, что некоммерческие организации вправе осуществлять предпринимательскую деятельность, соответствующую целям, для достижения которых она создана, при этом направляя получаемую от такой деятельности прибыль (доход) исключительно на эти цели и при условии, что такая деятельность указана в ее учредительных документах.

Останавливаться более подробно на деятельности коммерческих организаций не стоит, так как по своей природе коммерческие организации – это организации, преследующие извлечение, прибыли в качестве основной цели своей деятельности и распределяющие полученную прибыль между участниками.

Юридические лица, являющиеся коммерческими организациями, могут создаваться в форме хозяйственных товариществ и обществ, производственных кооперативов, государственных и муниципальных унитарных предприятий.

Важно подчеркнуть, что с целью поддержки субъектов предпринимательства существуют различные программы и формы поддержки как на государственном, так и на негосударственном уровнях.

Резюмируя вышеизложенное, следует отметить, что в нормативной базе присутствуют виды деятельности, характерные для социального предпринимательства (переработка, инновации в образовании, инклюзия и другое) и на сегодняшний день в Приднестровье существует широкое применение организационно-правовых норм для развития социального предпринимательства, которое формируется как разновидность предпринимательской деятельности.

Литература

1. Гражданский кодекс Приднестровской Молдавской Республики (часть первая) от 14.04.2000 № 279-ЗИД (ред. от 27.01.24). – Текст : электронный // Официальный сайт Верховного Совета Приднестровской Молдавской Республики. – URL : <http://www.vspmr.org/>(дата обращения: 15.05.2024).

2. Закон Приднестровской Молдавской Республики «Специальный налоговый режим – о самозанятых лицах» от 30.09.2018 № 278-3-VI (ред. от 01.01.2024). – Текст : электронный // Официальный сайт Верховного Совета Приднестровской Молдавской Республики. – URL : <https://vspmr.org/legislation/laws/>(дата обращения: 15.05.2024).

3. Закон Приднестровской Молдавской Республики «Специальный налоговый режим – патентная система налогообложения» от 30.09.2018 № 269-3-VI (ред. от 01.01.2024). – Текст : электронный // Официальный сайт Верховного Совета Приднестровской Молдавской Республики. – URL : <https://vspmr.org/legislation/laws/>(дата обращения: 15.05.2024).

4. Закон Приднестровской Молдавской Республики «Специальный налоговый режим – упрощенная система налогообложения» от 30.09.2018 № 270-3-VI (ред. от 01.01.2024). – Текст : электронный // Официальный сайт Верховного Совета Приднестровской Молдавской Республики. – URL : <https://vspmr.org/legislation/laws/>(дата обращения: 15.05.2024).

5. Закон Приднестровской Молдавской Республики «О некоммерческих организациях» от 19.03.2018 № 74-3-VI (ред. от 16.06.2023). – Текст : электронный // Официальный сайт Верховного Совета Приднестровской Молдавской Республики. – URL : <https://vspmr.org/legislation/laws/>(дата обращения: 15.05.2024).

6. Барышникова, И. В. Социальное предпринимательство в Приднестровье / И. В. Барышникова. – Текст : непосредственный // Экономика Приднестровья. – 2023. – № 9–10. – С. 45.

Сведения об авторе

Синика Елена Александровна – аспирант юридического факультета, старший преподаватель кафедры международного права и теории государства и права юридического факультета ГОУ «Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко».

E-mail: tiraspol.a@bk.ru

УДК 349:504.4.062.2(470.51)(045)

ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОВЕДЕНИЯ АУКЦИОНОВ В СФЕРЕ НЕДРОПОЛЬЗОВАНИЯ

М. Б. Уаре

Рассмотрен порядок проведения аукционов на право пользования участками недр в соответствии с изменениями в законодательстве о недрах, вступившими в силу с 1 января 2022 года. В частности, нововведением является реестр недобросовестных участников аукциона, который, в том числе, является инструментом обеспечения рационального недропользования. Автор приходит к выводу, что процедура проведения аукциона в настоящее время является более привлекательной для недропользователей, однако с точки зрения охраны окружающей среды конкурсный порядок получения права пользования участком недр был более оправдан.

Ключевые слова: недропользование; торги в сфере недропользования; аукцион; лицензия; реестр недобросовестных участников.

LEGAL FEATURES OF ORGANIZING AND CONDUCTING AUCTIONS IN THE FIELD OF SUBSOIL USE

M. B. Wage

The article discusses the procedure for holding auctions for the right to use subsoil plots in accordance with changes to subsoil legislation that came into force on January 1, 2022. In particular, an innovation is the register of unscrupulous auction participants, which, among other things, is a tool for ensuring rational subsoil use. The author comes to the conclusion that the auction procedure is currently more attractive for subsoil users, but from the point of view of environmental protection, the competitive procedure for obtaining the right to use a subsoil plot was more justified.

Keywords: *subsoil use; tenders in the field of subsoil use; auction; license; register of dishonest participants.*

В Российской Федерации добывается более 60 видов полезных ископаемых. За 2021 г. по отношению к 2020 г. добыча большей части полезных ископаемых увеличилась, особенно добыча газа, угля, свинца, серебра [2, с. 115].

По состоянию на конец 2021 г. на территории Российской Федерации действует 9806 лицензий на право пользования недрами для геологического изучения, разведки и добычи твердых полезных ископаемых. Более половины – 5393 шт. (55 %) составили лицензии, выданные с целью геологического изучения, включающего поиски и оценку месторождений полезных ископаемых. Меньшую часть составляют совмещенные лицензии для геологического изучения (поисков, разведки) и добычи полезных ископаемых – 1826 шт. (19 %), и лицензии, предусматривающие разведку и добычу полезных ископаемых, в том числе использование отходов горнодобывающего и связанных с ним перерабатывающих производств – 2587 шт. (26 %) [2, с. 120].

Согласно данным Государственного доклада о состоянии и использовании минерально-сырьевых ресурсов Российской Федерации в 2021 г. приоритетными направлениями работ за счет средств федерального бюджета являлись: уточнение геологического строения перспективных территорий нераспределенного фонда недр, локализация прогнозных ресурсов нефти и газа и подготовка лицензионных участков для аукционов [1, с. 585].

1 января 2022 г. вступили в силу кардинальные изменения законодательства в сфере недропользования. В частности, одно из изменений коснулось упразднения конкурсного механизма получения права пользования недрами. В настоящее время одним из оснований предоставления права пользования участками недр является решение аукционной комиссии. Таким образом законодатель упростил процедуру получения права на использование участка недр. Так, в настоящее время проводятся аукционы в электронной форме. Для потенциальных недропользователей это означает снижение административных барьеров и минимизация коррупционных рисков.

Решающим критерием предоставления участка недр в пользование по результатам аукциона является цена, поэтому, на наш взгляд, данная форма торгов не может рассматриваться как правовой способ,

максимально способствующий охране окружающей среды и рациональному недропользованию. Конкурсный порядок получения права недропользования представляется более оптимальным как с природоохранной, так и с социально-экономической точек зрения, поскольку включает также требования к качеству работ и услуг, к квалификации участников, к срокам и гарантиям эффективности выполнения работ, связанных с осуществлением недропользования.

Предусматривается возможность предоставления права пользования недрами единственному заявителю, заявка которого соответствует требованиям Закона «О недрах» и условиям объявленного аукциона, единственному участнику аукциона, а также второму участнику аукциона в случае, если победителем аукциона не уплачен окончательный размер разового платежа за пользование недрами. Закрепляется, что лицензия на пользование недрами выдается только после уплаты лицом, которому предоставляется право пользования недрами, окончательного размера разового платежа на пользование недрами. Сведения об участниках аукционов, признанных победителями аукционов, но не уплативших разовый платеж за пользование недрами в срок и (или) в размере, установленном протоколом о результатах аукциона, включаются в реестр недобросовестных участников аукционов на право пользования участками недр, положения о котором также предусмотрены Законом «О недрах» [1, с. 603]. Реестр недобросовестных участников аукциона является еще одним нововведением в области недропользования и позволяет защитить интересы государства в рассматриваемой сфере.

В связи с установлением положений о возможности выдачи лицензии на пользование недрами единственному заявителю, заявка которого соответствует требованиям Закона «О недрах» и условиям объявленного аукциона, единственному участнику аукциона, а также второму участнику аукциона в случае, если победителем аукциона не уплачен окончательный размер разового платежа за пользование недрами, внесены изменения в ст. 40 Закона «О недрах», регламентирующей взимание разовых платежей за пользование недрами, предусмотрены сроки уплаты окончательного размера разового платежа лицом, которому предоставляется право пользования недрами, а для трудноизвлекаемых полезных ископаемых предусматривается установление размера разового платежа специальным нормативным правовым актом. Этим актом является Приказ Министерства природных ресурсов и экологии

РФ и Федерального агентства по недропользованию от 12.10.2021 № 736/05 «Об определении стартового размера разового платежа за пользование недрами в отношении трудноизвлекаемых полезных ископаемых». Стартовый размер разового платежа за пользование недрами в отношении трудноизвлекаемых полезных ископаемых определяется равным сумме сбора за участие в аукционе на право пользования участком недр для разработки технологий геологического изучения, разведки и добычи трудноизвлекаемых полезных ископаемых, определенной в соответствии с частью второй статьи 42 Закона «О недрах».

Организаторами аукционов выступают либо Федеральное агентство по недропользованию (его территориальный орган), либо орган государственной власти субъекта Российской Федерации. Проведение аукциона обеспечивается на электронной площадке оператором электронной площадки из числа операторов электронной площадки, функционирующих в соответствии с законодательством Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд. Так, одной из таких площадок является «ЭТП ГПБ» в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (www.etpgpb.ru), оператором которой является Общество с ограниченной ответственностью «Электронная торговая площадка ГПБ».

В рамках реализации изменений Закона РФ от 21 февраля 1992 г. № 2395-1 «О недрах» был принят целый пакет подзаконных нормативно-правовых актов.

28 декабря 2021 года Постановлением Правительства Российской Федерации № 2499 были утверждены Правила проведения аукциона на право пользования участком недр федерального значения, участком недр местного значения, а также участком недр, не отнесенным к участкам недр федерального или местного значения, в электронной форме.

В соответствии с Приказом Министерства природных ресурсов и экологии РФ от 12 октября 2021 г. № 734 «Об утверждении Порядка ведения реестра недобросовестных участников аукционов на право пользования участками недр, в том числе порядка внесения в указанный реестр и исключения из него сведений, а также требований к технологическим, программным, лингвистическим, правовым и организационным средствам обеспечения ведения указанного реестра» ведение реестра осуществляется в электронном виде. Определены основания

для внесения в реестр сведений, а также возможность обжалования решений должностных лиц.

Приказ Минприроды и Федерального агентства по недропользованию от 12.10.2021 № 735/04 «Об утверждении Порядка предоставления по результатам аукциона права пользования участков недр для разведки и добычи полезных ископаемых, для геологического изучения недр, разведки и добычи полезных ископаемых, осуществляемых по совмещенной лицензии, или для разработки технологий геологического изучения, разведки и добычи трудноизвлекаемых полезных ископаемых, за исключением участков недр федерального значения и участков недр местного значения, а в случае, предусмотренном ч. 8 ст. 13.1 Закона Российской Федерации от 21 февраля 1992 г. № 2395-1 «О недрах», предоставления права пользования участком недр лицу, заявка которого соответствует требованиям Закона Российской Федерации от 21 февраля 1992 г. № 2395-1 «О недрах» и условиям объявленного конкурса, или единственному участнику аукциона». Порядок регламентирует процедуру предоставления по результатам аукциона права пользования участком недр для разведки и добычи полезных ископаемых, для геологического изучения недр, разведки и добычи полезных ископаемых, осуществляемых по совмещенной лицензии, или для разработки технологий геологического изучения, разведки и добычи трудноизвлекаемых полезных ископаемых, за исключением участков недр федерального значения и участков недр местного значения, в том числе лицу, заявка которого соответствует требованиям Закона «О недрах» и условиям объявленного конкурса, или единственному участнику аукциона по решению создаваемой Федеральным агентством по недропользованию или его территориальным органом аукционной комиссии.

Приказ Министерства природных ресурсов и экологии РФ и Федерального агентства по недропользованию от 15.10.2021 № 756/12 «Об утверждении Порядка определения суммы сбора за участие в аукционах на право пользования участком недр». Порядком определяется сумма сбора за участие в аукционах на право пользования участками недр, взимаемая с каждого участника аукциона. Сумма сбора определяется исходя из стоимости затрат на подготовку, проведение и подведение итогов аукциона, оплату труда привлекаемых экспертов.

Несмотря на упрощившуюся для потенциальных недропользователей процедуру, бывают случаи объявления аукциона не состоявшим-

ся. В частности, это связано с тем, что объект является не привлекательным для самих инвесторов [1, с. 162].

Литература

1. Государственный доклад о состоянии и использовании минерально-сырьевых ресурсов Российской Федерации в 2021 году. – URL : <https://www.rosnedra.gov.ru/data/Files/File/8762.pdf>. – Загл. с экрана. – (дата обращения: 01.03.2023). – Текст : электронный.

2. О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2021 году. Государственный доклад. – Москва : Минприроды России; МГУ имени М. В. Ломоносова, 2022. – Текст : непосредственный.

Сведения об авторе

Уаге Мария Байрамалиевна – канд. юрид. наук, доцент кафедры экологического, природоресурсного и трудового права, ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет».

E-mail: mbuage@mail.ru

УДК 34.342.57

ОБЩЕСТВЕННЫЕ СЛУШАНИЯ В ПРИДНЕСТРОВСКОЙ МОЛДАВСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ: ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

М. П. Цап

Рассматривается институт общественных слушаний как значимая форма общественного контроля, с помощью которой граждане непосредственно участвуют в принятии решений вопросов как местного, так и государственного значения. Автор анализирует действующее законодательство, нормы которого регулируют отношения по поводу слушаний. Отмечается, что термины «общественные (публичные) слушания» и «местные общественные слушания» не являются тождественными и синонимичными. Обозначены некоторые проблемы (в частности информирования населения и организации слушаний) и пути их решения.

Ключевые слова: форма выражения общественного мнения; общественный контроль; местные общественные слушания; общественные (публичные) слушания.

PUBLIC HEARINGS IN THE PRIDNESTROVIAN MOLDAVIAN REPUBLIC: LEGAL REGULATION AND IMPLEMENTATION PROBLEMS

M. P. Tsap

The article considers the institution of public hearings as a significant form of public control, through which citizens directly participate in decision-making on issues of both local and national importance. The author analyzes the current legislation, the norms of which regulate relations regarding hearings. It is noted that the terms “public (public) hearings” and “local public hearings” are not identical and synonymous. Some problems are identified (in particular, informing the public and organizing hearings) and ways to solve them.

Keywords: *form of expression of public opinion, public control, local public hearings, public (public) hearings.*

В Приднестровье в настоящее время остаются актуальными проблемы эффективности организации и деятельности муниципальных органов; сбалансированности бюджетов муниципальных образований; выделения и распределения местных финансов на социально значимые проекты и муниципальные программы; социальной поддержки граждан.

Многие жители городов, сел или поселков задаются вопросами о том, насколько они информированы о работе местных властей; достаточно ли этой информации, чтобы оценить эффективность местного самоуправления в решении социально-бытовых проблем; насколько активен депутат их избирательного округа; способен ли он решать вопросы, волнующие граждан; как решаются проблемы в сфере занятости и оплаты труда; существует ли план и (или) стратегия развития города (района, села, поселка). Граждан волнуют уровень благоустройства территории их дворов, качество организации мест отдыха, жилищного строительства, ремонта дорог, содержания объектов социально-культурной сферы, жилищного фонда, а также работа жилищно-коммунальных служб и стоимость коммунальных услуг.

Как показывает практика многих лет, результатом субъективной оценки гражданами эффективности функционирования органов местного самоуправления являются выборы. Они как лакмусовая бумага отражают уровень доверия населения к власти. Именно в период избирательной кампании каждый избиратель пытается найти ответы на перечисленные выше вопросы.

Однако ошибочно полагать, что формы народовластия ограничиваются лишь электоральными процедурами. Должного внимания заслуживают институты выражения общественного мнения, позволяющие органам власти в ходе свободного, аргументированного обсуждения и дискуссии находить решение в интересах населения.

В Приднестровье данный институт получил название «общественные слушания». При этом слушания с участием граждан следует отличать от парламентских слушаний, проводимых в рамках деятельности представительного (законодательного) органа государственной власти (Верховного Совета ПМР).

Возможность проведения слушаний с привлечением граждан связывают с двумя законодательными актами: Законом ПМР «О местных общественных слушаниях в административно-территориальных единицах Приднестровской Молдавской Республики» [1] и Законом ПМР «Об основах общественного контроля в Приднестровской Молдавской Республике» [2] (далее – законы об общественных слушаниях).

Сравнительный анализ законов об общественных слушаниях позволяет сделать вывод о существовании нескольких видов слушаний: «местных общественных слушаний» и «общественных (публичных) слушаний». Поначалу может показаться, что эти термины синонимичны. Однако при детальном исследовании законодательных дефиниций, раскрывающих определения указанных видов слушаний, и норм, регламентирующих их организацию и порядок проведения, можно выявить ряд особенностей, свидетельствующих, что они существенно не совпадают по ряду критериев, хотя и имеют между собой общие черты.

В качестве общих признаков, характеризующих в целом институт общественных слушаний в ПМР, можно выделить следующие:

- 1) общественные слушания представляют собой собрания граждан для свободного обсуждения общественно значимых вопросов;
- 2) общественные слушания служат способом выявления позиций граждан и обобщения результатов их мнения;
- 3) общественные слушания могут проводиться по инициативе граждан, предоставляя возможность участникам высказать предложения и рекомендации по обсуждаемым вопросам или проблемам.

Вместе с этим среди особенностей, отличающих местные общественные слушания от общественных (публичных) слушаний, следует отметить, что:

– во-первых, местные общественные слушания проводятся исключительно в границах административно-территориальной единицы и принять в них участие могут только граждане, проживающие на этой территории. А общественные (публичные) слушания проводятся без привязки к территориальной единице (месту жительства), предоставляя возможность принять в них участие любому гражданину, кого может коснуться или заинтересует итоговое решение;

– во-вторых, различен субъектный состав. К числу субъектов, иницирующих проведение местных общественных слушаний, относятся жители и местные органы власти (Совет народных депутатов и государственная администрация). Общественные (публичные) слушания могут быть организованы и по инициативе органов государственной власти, Общественной палаты ПМР, общественных советов при исполнительных органах государственной власти, а также «Общеприднестровского народного форума» и входящих в его состав общественных объединений, иных негосударственных некоммерческих объединений;

– в-третьих, не сходится перечень вопросов, которые выносятся на общественное обсуждение. Можно сказать, местные общественные слушания выступают не просто как форма контакта с населением, а как обязательная стадия правотворческого и бюджетного процессов на местном уровне, как форма дополнительного предварительного общественного контроля со стороны населения. Так, на местные общественные слушания в обязательном порядке выносятся:

1) проект местного бюджета городов и районов ПМР, а также годовой отчет об их исполнении с обязательным использованием наглядной презентации;

2) вопросы, выносимые на местные референдумы.

Вместе с тем могут (но не обязательно) рассматриваться иные вопросы местного значения, затрагивающие интересы жителей муниципального образования (проекты планов и программ социально-экономического развития поселения; маршруты общественного транспорта; вопросы тарифной политики в ЖКХ и общественном транспорте; вопросы строительства и реконструкции объектов градостроительства и др.).

Между тем общественные (публичные) слушания нельзя отнести исключительно к решению вопросов местного значения, так как они могут быть проведены и по вопросам государственного управления (например, в сфере охраны окружающей среды, закупок товаров, вы-

полнения работ, предоставления услуг для обеспечения государственных нужд и др.);

– в-четвертых, в исследуемых законах об общественных слушаниях отмечается неоднозначность в использовании формулировок, касающихся наименования итогового документа слушаний и порядка его подготовки, а также требований, предъявляемых к форме проведения общественных слушаний.

Важно отметить, что летом 2021 г. в Закон ПМР «Об основах общественного контроля в ПМР» были внесены коррективы, предусматривающие возможность проведения общественных (публичных) слушаний в формате онлайн (заочно) [3]. Такое нововведение было продиктовано имеющимся положительным опытом проведения совещаний и заседаний государственных органов и органов местного самоуправления в условиях действия ограничительных мер по распространению коронавирусной инфекции и запрету скопления большого числа людей в одном помещении.

Интересно, что Закон ПМР «О местных общественных слушаниях в административно-территориальных единицах ПМР» не был дополнен схожими нормами. В нем по сей день отсутствуют нормы, определяющие формат проведения местных общественных слушаний. Однако в практике местных органов власти уже имеется опыт их проведения в онлайн-формате. Например, госадминистрацией Слободзейского района и города Слободзея в связи с эпидемиологической ситуацией в 2022 и 2023 гг. местные общественные слушания по рассмотрению проекта местного бюджета и его исполнения были организованы в режиме скайп-конференции [4]. Такой же формат общественного обсуждения местного бюджета в 2023 г. в силу тех же причин предпочли местные власти городов Тирасполя, Бендеры и всех районов республики. Скорее всего, принимая во внимание отсутствие прямого запрета на проведение местных общественных слушаний в заочной (онлайн) форме, по аналогии были применены нормы Закона ПМР «Об основах общественного контроля в ПМР». Однако, по нашему мнению, компетентными органами должны быть избраны другие пути устранения выявленного правового пробела.

Наряду с этим полагаем, что при дальнейшем совершенствовании института общественных слушаний в ПМР должны быть решены и другие вопросы.

Так, законодательно закреплено, что информация о проведении общественных слушаний доводится до сведения общественности через официальный сайт органов-организаторов. Однако при изучении

отдельных официальных сайтов складывается впечатление, что власти, организуя слушания, действуют исключительно формально («для галочки»). Вместе с тем, надо отметить низкую посещаемость гражданами этих официальных сайтов. Поэтому с целью повышения степени осведомленности жителей о деятельности государственных и местных органов власти можно рассмотреть вопрос внедрения таких востребованных обществом форм, как:

- подписка на рассылку новостей о деятельности органов местной власти;

- информирование через социальные сети, а также через уполномоченных представителей жильцов многоквартирных домов, председателей домовых комитетов и депутатов.

Немаловажным является неудобное для граждан время (рабочее время в будние дни) проведения общественных слушаний, в силу чего они трансформируются в «безобщественные». Решение этой проблемы должно быть связано с ответом на вопрос: для кого это время должно быть удобно – для органов власти или для граждан? Представляется, что для граждан. Поэтому лучше проводить их во внерабочее время или в выходной день.

Более того, при принятии окончательного решения компетентными органами поступившие в ходе слушаний рекомендации граждан могут не учитываться. При этом уполномоченные органы власти даже не обязаны пояснять населению, по каким причинам те или иные рекомендации по результатам слушаний не могут быть приняты к исполнению и реализованы. И хотя рекомендательный характер итогов общественных слушаний во многом оправдан, так как общественность не всегда объективна и компетентна оценивать градостроительную документацию, бюджетный процесс, экологическую ситуацию или ее угрозы, тем не менее все же представляется целесообразным проводить предварительную разъяснительную работу с привлечением экспертов и специалистов для консультаций населения, размещать их заключения в открытом доступе наряду с другими необходимыми для проведения общественных слушаний материалами. Следует обеспечить работу «горячей линии», с тем чтобы заинтересованные лица могли задать вопрос эксперту и получить квалифицированный ответ, поскольку обычно время проведения слушаний составляет несколько часов, в течение которых вникнуть гражданам во все детали обсуждения крайне сложно.

По-прежнему очень важна работа местного депутата со своими избирателями. Ему необходимо различными способами поддерживать обратную связь с населением, в том числе посредством электронных форм взаимодействия [5, с. 13]. С целью стимулирования социальных инициатив важно увеличивать количество встреч депутатов с избирателями округа, чтобы жители понимали роль своего участия в решении вопросов, связанных с развитием территории, распределением финансовых ресурсов, и в обсуждении возникающих проблем. Очевидно, что только в обстановке гласности, открытости и доступности публичных органов власти можно повлиять на степень активности граждан, привлечь их к сознательному участию в делах общества и государства.

Литература

1. Закон Приднестровской Молдавской Республики от 31 мая 2017 года № 122-3-VI «О местных общественных слушаниях в административно-территориальных единицах Приднестровской Молдавской Республики». – Текст : непосредственный // САЗ 17-23,1, в ред. по сост. на 16 июля 2021 года.

2. Закон Приднестровской Молдавской Республики от 29 декабря 2017 года № 402-3-VI «Об основах общественного контроля в Приднестровской Молдавской Республике». – Текст : непосредственный // САЗ 18-1, в ред. по сост. на 7 июня 2022 года.

3. Закон Приднестровской Молдавской Республики от 16 июля 2021 года № 53-ЗИД-VII «О внесении изменения и дополнений в Закон Приднестровской Молдавской Республики «Об основах общественного контроля в Приднестровской Молдавской Республике». – Текст : непосредственный // САЗ 21-28.

4. Официальный сайт государственной администрации Слободзейского района и города Слободзея. – URL : <http://slobodzeya.gospmr.org/news/obschestvennie-slushaniya-po-rassmotreniyu-proekta-mestnogo-byudjeta-proyudut-v-onlayn-formate.html> (дата обращения: 14.04.2024). – Текст : электронный.

5. Цап, М. П. О совершенствовании законодательных форм участия граждан в местном самоуправлении в Приднестровской Молдавской Республике / М. П. Цап. – Текст : непосредственный // Юриспруденция в теории и на практике: актуальные вопросы и современные аспекты: сборник статей V Международной научно-практической конференции. – Пенза., 2020. – С. 10–14.

Сведения об авторе

Цап Марина Павловна – старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин юридического факультета ГОУ «Приднестровский государственный университет имени Т. Г. Шевченко» (г. Тирасполь).

E-mail: masya-25552@mail.ru

УДК 349.2

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ И СОЦИАЛЬНОЕ ЗАГРЯЗНЕНИЕ ТРУДОВОЙ СФЕРЫ

Н. А. Шеленга

Освещаются отдельные вопросы цифровой трансформации современного общества в аспекте ее влияния на современный рынок труда, его количественные и качественные характеристики. Автором обозначены как позитивные изменения трудовых отношений под влиянием цифровизации, так и негативные процессы, происходящие в сфере труда и влияющие на сохранение здоровья, обеспечение благополучия и психологического комфорта на рабочих местах. Отмечается, что цифровизацию следует рассматривать как один из факторов социального загрязнения трудовых отношений. Формулируются положения о необходимости поиска новых управленческих решений по снижению негативных последствий влияния цифровизации на трудовую сферу и адаптации трудового законодательства под условия цифровой экономики.

Ключевые слова: цифровизация; рынок труда; трудовые отношения; концепция социального загрязнения; прекаризационный труд; дистанционные работники; право на отключение.

DIGITAL TRANSFORMATION AND SOCIAL POLLUTION OF THE LABOR SECTOR

N. A. Shelenga

The article highlights certain issues of the digital transformation of modern society in terms of its impact on the modern labor market, its quantitative and qualitative characteristics. The author identifies both positive changes in labor relations under the influence of digitalization, and negative processes occurring in the world of work and affecting the preservation of health, ensuring well-being and psychological comfort in the workplace. It is noted that digitalization should be considered as one of the factors of social pollution of labor relations. Provisions are formulated on the need to find new management solutions to reduce the negative

consequences of the impact of digitalization on the labor sphere and adapt labor legislation to the conditions of the digital economy.

Keywords: *digitalization, labor market, labor relations, concept of social pollution, precarious labor, remote workers, right to disconnect.*

Термин «цифровизация», который в самом общем виде можно представить как процесс внедрения цифровых технологий в различные сферы человеческой деятельности, вошел в научный оборот в конце прошлого века. В настоящее время исследование процессов влияния цифровизации на все области общественных отношений, в том числе на рынок труда, приобретает особую актуальность.

Цифровизация, безусловно, дает определенный положительный эффект для развития рынка труда и трудовых отношений, меняя его количественные и качественные характеристики. Сегодня работодатели все чаще применяют в производственном процессе информационно-коммуникационные технологии, лежащие в основе происходящей цифровой трансформации, что оказывает влияние на увеличение общего числа рабочих мест. Во-первых, создаются рабочие места в самой сфере информационно-коммуникационных технологий. Во-вторых, под влиянием цифровых технологий создаются новые рабочие места в целом ряде отраслей экономики, прежде всего, в сфере услуг. В-третьих, цифровые технологии порождают новые возможности и для увеличения самостоятельной занятости. По прогнозам, к концу текущего десятилетия вследствие роботизации производства, более половины рабочих операций в мире будут автоматизированы.

Внедрение цифровых технологий также влечет за собой качественную трансформацию трудовых отношений, меняя характер взаимодействия работников и работодателей. Как отмечают специалисты, «появление и расширение дистанционных отношений, что приводит к процессам децентрализации трудовой деятельности во времени и пространстве. В результате формируется гибкий виртуальный рынок труда и классическая модель занятости изживает себя» [1]. С внедрением цифровизации работа стала менее привязана к конкретному пространству и времени, что, с одной стороны, создает больше свободы у работников, но, с другой стороны, ослабляет контроль за ходом выполнения работы со стороны работодателя, что требует введения новых методов управления персоналом. Например, сегодня широко используются CRM-системы, которые позволяют фиксировать распределение задач, статус их выполнения, вести совместную работу над проектами,

видеонаблюдение, применяемое для контроля сохранности материальных ценностей и обслуживания клиентов, системы контроля доступа и биометрические терминалы, предназначенные для фиксации передвижения сотрудников и предотвращения доступа в определенные зоны, GPS-датчики, которые позволяют отслеживать местоположения удаленных сотрудников и сотрудников, чья работа связана с перемещениями, системы мониторинга действий пользователей и событий системы для отслеживания того, с какими программами работает сотрудник, какие сайты посещает и др.

Сегодня существуют примеры успешного внедрения цифровых технологий и роботизации, что привело к увеличению производственных мощностей, экономии ресурсов, сохранению и даже увеличению рабочих мест. При этом работники, освоившие цифровые знания, стали более мобильными и получили новые возможности дополнительного заработка. Так, например, произошло после внедрения программы «1С: Бухгалтерия».

Говоря об успешном опыте внедрения цифровых технологий, нельзя обойти вниманием деятельность компании Uber, которая создала мобильное приложение, позволяющее направлять заказы на поездки непосредственно водителям, использующим личный автотранспорт. Благодаря деятельности данной компании возникла и в настоящее время активно развивается так называемая уберизация, т. е. замена посредников между поставщиками и пользователями услуг цифровыми платформами. По сути, уберизация представляет собой компьютеризацию сферы услуг и замену человеческого труда средствами автоматизации, что позволяет осуществлять пиринговые сделки, сводить напрямую участников отношений по оказанию услуг и, соответственно, сократить эксплуатационные расходы.

Еще одним примером положительного опыта использования цифровых технологий является внедренный Сбербанком России пилотный проект по роботизации оформления кредитных соглашений. В начале проекта программный робот осуществлял работу с кредитными соглашениями крупнейших клиентов банка. Автоматизация рутинных банковских операций позволяет сотрудникам банка сосредоточиться на индивидуальной работе с клиентами банка. С помощью роботизированной автоматизации процессов (Robotic Process Automation, RPA) Сбербанк открывает счета юридическим лицам, выдает кредиты физическим лицам, обрабатывает исполнительные документы и оформляет

отпуска сотрудникам. В 2023 г. СберНПФ роботизировал выплаты по договорам об обязательном пенсионном страховании (ОПС) и по договорам негосударственного пенсионного обеспечения.

В то же время новые информационно-коммуникационные технологии, роботизация и автоматизация повлекли за собой профессиональную трансформацию. Под влиянием процессов цифровизации формируется новый профессиональный профиль современного работника, включающий комплекс компетенций, в котором особое место занимает цифровая грамотность работника: умение пользоваться компьютером, мобильными устройствами, использовать интернет, работать с приложениями и программами в своей профессиональной среде. В самом общем виде для успешной занятости необходимы четыре основных вида компетенций: профессиональные, коммуникативные, информационные и цифровые. Сегодня можно говорить о возникновении новой формы трудовой активности – трансфессии. Трансфессия – новый термин в профессиоведении, который означает «вид трудовой активности, реализуемой на основе синтеза и конвергенции социально-профессиональных компетенций, принадлежащих к разным специализированным областям» [2, с. 90]. Специалисты отмечают, что «теоретической основой трансфессий выступают многомерность, предполагающая трансдисциплинарный синтез знаний из разных наук: естественных, технических, социально-гуманитарных и философских, и транспрофессионализм – готовность и способность выполнять действия из разных областей деятельности» [3, с. 10].

В целом, среди наиболее значимых факторов трансформации сферы труда, происходящих под влиянием цифровизации, можно выделить следующие:

- сокращение производственной сферы с одновременным ростом численности занятых в сфере услуг;
- глобализацию рынка труда посредством распространения дистанционной и удаленной работы;
- трансформацию структуры и содержания профессий, возникновение трансфессий, реализуемых на основе синтеза профессиональных компетенций из разных областей знаний.

Однако под влиянием цифровых преобразований экономики происходят и негативные процессы на рынке труда, которые напрямую влияют на поддержание здоровья работников и обеспечение психологического комфорта на рабочих местах. Например, при использовании

дистанционного труда у работника во многом стираются грани между рабочим временем и временем отдыха, между рабочим местом и личным пространством.

Одним из факторов цифровизации труда можно назвать и появление концепции социального загрязнения. Первым ученым, который обозначил феномен социального загрязнения, является американский ученый Пфеддер, который указал, что современные компании, сосредоточенные на соблюдении принципов устойчивого развития, основанных, как правило, на экологическом и экономическом компоненте, полностью игнорируют социальные аспекты, что приводит к постоянно растущей неудовлетворенности работников трудовыми отношениями на рабочем месте. Социальное загрязнение – это явление, характеризующее процесс нанесения ущерба благосостоянию работника, причинения вреда физическому и психосоциальному благополучию трудовых ресурсов в результате внутренней и внешней экономической деятельности организаций. По сути, социальное загрязнение есть концепция неблагоприятных рабочих мест. Причем факторы социального загрязнения встречаются в разных странах, независимо от используемой модели экономического развития.

Одна из причин социального загрязнения – использование гибких форм занятости и появление прекаризационного труда. Термин «прекаризационный труд» появился в конце 90-х гг. XX в. и означает нерегулярную, неустойчивую занятость без предоставления социальных гарантий. Прекаризации труда во многом способствует цифровизация экономики, роботизация производства, внедрение технологий искусственного интеллекта (ИИ).

Растущий тренд гибкости или флексибилизации персонала может быть экономически целесообразен и выгоден, но обратной стороной этого процесса является потеря возможности удовлетворения базовых потребностей человека – чувства безопасности и уверенности в завтрашнем дне. В условиях цифровой экономики во многом отходят на второй план вопросы обеспечения физического и психологического здоровья работников, повышения их благополучия. Повсеместное использование Интернета, компьютерной техники требует адекватного ответа законодательства на возникающие вызовы. При этом следует отметить, что наименее защищенными в цифровых условиях становятся как раз дистанционные работники. Институт дистанционного труда является сравнительно новым для российского права, гл. 49.1 введена

в ТК в 2013 г. В Приднестровье соответствующие нормы появились в трудовом законодательстве только в 2020 г. На дистанционных работников практически не распространяются гарантии, установленные Трудовым кодексом (например, в части оплаты сверхурочной работы, работы в ночное время, в выходные дни и пр.). Проблемным полем являются и вопросы охраны труда дистанционных работников. Кроме того, отрицательное влияние на здоровье дистанционного работника оказывает и тот факт, что он постоянно включен в работу, а грани между рабочим временем и временем отдыха попросту стираются. Согласимся с мнением специалистов, что защите здоровья дистанционного работника может способствовать право на отключение [4, с. 54]. Концепция права на отключение (the right to disconnect), направленная на защиту работника от эмоциональной и психологической перегрузки и стрессов, на обеспечение максимального баланса между работой и личной жизнью, стала активно формироваться в последнее десятилетие с развитием цифровизации, использования информационно-коммуникационных технологий в сфере труда. Юридической основой права на отключение следует рассматривать положения ст. 24 Всеобщей декларации прав человека: «Каждый человек имеет право на отдых и досуг, включая право на разумное ограничение рабочего дня и на оплачиваемый периодический отпуск».

Право на отключение уже находит юридическое закрепление в некоторых зарубежных правовых порядках. Так, законодательство Франции обязывает компании с численностью персонала более 50 человек в локальных актах закрепить право на отключение и четко определить, в какие часы работники могут не отвечать на деловые письма.

Законодательство Италии предусматривает, что в трудовом договоре в письменной форме должны быть описаны технические и организационные меры для отключения работника от технологического оборудования.

В Германии право на отключение не закреплено законодательно, но фактически используется многими компаниями и предусматривается внутренними актами (например, компания «Volkswagen» не делает рассылки корпоративной почты сотрудникам в нерабочее время; другие работодатели используют функции отсрочки отправления сообщений или электронных писем до времени начала рабочего дня либо блокировки рассылки электронных сообщений работникам, которые находятся в отпуске или на больничном).

Полагаем, что прогрессивный опыт ряда стран может быть использован для совершенствования национального законодательства в сфере поддержания здоровья и повышения благополучия работников в условиях бурного развития цифровой экономики и широкого использования информационно-коммуникационных технологий в сфере труда. Основной вектор развития законодательства должен быть направлен на создание системы солидарной ответственности работников, работодателей и государства за здоровье нации и безопасный труд. Кроме того, сегодня необходимы исследования теоретических и методологических подходов к оценке уровня социального загрязнения, выработка методов государственного регулирования вопросов поддержания здоровья работников, повышения их благополучия, выявления психосоциальных факторов риска, что требует внимательного и комплексного изучения природы токсических факторов на рабочем месте, обусловивших возникновение феномена социального загрязнения трудовой сферы как следствия цифровой трансформации.

Литература

1. Вуколов, В. Л. Цифровая экономика и рынок труда, цифровые технологии и трудовые отношения: Взаимовлияние, особенности и тенденции развития. – URL : <https://vcot.info/blog/cifrova-ekonomika-i-rynok-truda-cifrovye-tehnologii-i-trudovye-otnosheniya-vzaimovlianiye-osobennosti-i-tendencii-razvitiya> (дата обращения: 15.04.2024). – Текст : электронный.
2. Зеер, Э. Ф. Транспрофессионализм как предиктор преадаптации субъекта деятельности к профессиональному будущему / Э. Ф. Зеер, Э. Э. Сыманюк, Е. В. Лебедева. – Текст : непосредственный // Сибирский психологический журнал. – 2021. – №79. – С. 89–107.
3. Зеер, Э. Ф. Методологические ориентиры развития транспрофессионализма педагогов профессионального образования / Э. Ф. Зеер, Э. Э. Сыманюк. – Текст : непосредственный // Образование и наука. – 2017. – № 8. – С. 9–28.
4. Трансформация трудовых отношений : факторы социального загрязнения / под редакцией А. Э. Федоровой. – Екатеринбург : ЮНИКА, 2019. – 178 с. – Текст : непосредственный.

Сведения об авторе

Шеленга Наталья Анатольевна – канд. юрид. наук, доцент кафедры предпринимательского и трудового права юридического факультета, ГОУ «Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко».

E-mail: shelenga_n@mail.ru

РАСКРЫТИЕ ПОНЯТИЯ «ЦИФРОВАЯ ДОВЕРЕННАЯ СРЕДА» В РАМКАХ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Е. А. Яковлева

Рассмотрены подходы к определению понятия цифровая доверенная среда, область применения данного понятия. Дается определение понятия доверенная среда в рамках информационной безопасности. Отмечается значимость цифровой доверенной среды, ее возможности в современной цифровой трансформации. Сделан вывод о необходимости внедрения цифровой среды.

Ключевые слова: информационная безопасность; информационное право; цифровая доверенная среда; защита информации; цифровизация; цифровые технологии; цифровая среда доверия.

DISCLOSURE OF THE DIGITAL TRUSTED ENVIRONMENT IN TERMS OF INFORMATION SECURITY

E. A. Iakovleva

The article discusses approaches to defining the concept of a digital trusted environment, the scope of this concept. It defines the concept of a trusted environment within the framework of information security. The importance of the digital trusted environment, its capabilities in modern digital transformation is noted. It was concluded that it is necessary to introduce a digital environment.

Keywords: information security; information law; digital trusted environment; information protection; digitalization; digital technologies; digital trust environment.

В реалиях развития цифровизации происходит повышение значимости информационной безопасности как основного направления национальной безопасности Российской Федерации. Сохранность данных, защита конституционных прав граждан, обеспечение безопасности национальных интересов общества, личности и государства позволяет формировать подходы к реализации методов защиты информации.

Для обеспечения информационной безопасности важную роль играет нормативно-правовая основа, поскольку она направлена на регулирование отношений в информационном обществе. Правовые направления, цели, задачи и принципы, обеспечивающие информацион-

ную безопасность в Российской Федерации, нашли свое отражение в Доктрине информационной безопасности [4] (далее – Доктрина). Правовое обеспечение информационной безопасности является важным и стратегическим направлением Российской Федерации, поскольку преступления, совершаемые в информационной среде, могут нанести колоссальный ущерб национальным интересам страны. Действующие правовые нормы позволяют решить проблемы по соблюдению требований законодательства Российской Федерации и снизить риски нарушения правового режима информационных ресурсов.

В связи с чем следует иметь в виду реализацию государственной политики, которая направлена на обеспечение и защиту информационных прав и свобод человека и гражданина, а также всей страны в информационном пространстве. Так, в условиях развития страны на смену информатизации приходит более усовершенствованное понятие – цифровизации.

Цифровизация предполагает преобразование информации в цифровую форму путем применения цифровых технологий. Как отмечает ряд авторов, «Цифровизацию можно рассматривать как процесс, подход, совокупность действий, комплексное решение, оцифровку данных и концепцию, при этом важно учитывать, что цифровизация – это не отдельный процесс внедрения цифровых технологий, а колоссальное изменение всех сфер государственного устройства, требующее выработанной стратегии, просчитанной тактики и учет опыта зарубежных стран» [9, с. 292]. Однако большие возможности связаны с большими рисками и угрозами для несанкционированного доступа к информации. Т. А. Полякова: «Тем не менее, очевидно, что глобальная цифровая трансформация создает широкий спектр рисков, вызовов и угроз для национальных экономик, хозяйствующих субъектов и физических лиц» [8, с. 83].

Так, в условиях трансформации требуется серьезный механизм, позволяющий решить вопросы информационной безопасности в цифровой среде. Задачи информационной безопасности в цифровом пространстве сводятся не только к процессам автоматизации, систематизации и защиты данных, но и установлению доверия между тремя составляющими: продукт, процесс, среда (цифровое пространство и субъекты взаимоотношений). Таким устойчивым механизмом может послужить цифровая доверенная среда.

Формирование цифровой доверенной среды включает в себя информационную безопасность и системный анализ, что позволяет про-

изводить аудит и реагировать на случившиеся инциденты информационной безопасности цифровой доверенной среды. Из-за отсутствия нормативного закрепления понятия цифровая доверенная среда, очевидно, будем понимать исходя из логического его смысла.

Так, доверенная среда определяется Е. Г. Андриановой, О. Л. Головиным как: «распределенная информационная программно-аппаратная система с заданными характеристиками функциональной надежности» [1, с. 2].

А. А. Домрачев, В. Б. Исаков, В. К. Сарьян отмечают доверенную среду как «созданное комплексом технических и организационных мер пространство, которое обеспечивает его участникам предсказуемый результат взаимодействий» [5, с. 1].

Из этого следует, что доверенная среда представляет собой уже созданное комплексом мер защиты пространство, в котором участники информационного взаимодействия нацелены на положительный результат, исходя из определения понятия «доверие». Однако в условиях цифровизации рассмотренных терминов недостаточно, а также не совсем корректным будет их использование при определении понятия цифровая доверенная среда.

Стоит обозначить еще один термин, который используется наиболее часто – «цифровая среда доверия». И. А. Химченко в своей научной статье определил ее как «условную совокупность информационных ресурсов и соответствующей инфраструктуры взаимодействия, ... в основе которой лежит идентификация субъектов соответствующего цифрового взаимодействия, а также механизмы безопасного взаимодействия, возможности бесшовного применения информации во взаимодействии с внешней средой, реализации своих прав субъектами взаимодействия» [10, с. 160]. Стоит подчеркнуть, что И. А. Химченко говорит о совокупности ресурсов, которые необходимы для взаимодействия субъектов цифровой среды, в основе которой лежит доверие, а ее формирование – это комплекс задач, требующих решения.

Е. Д. Ворникова отмечает: «Информационная безопасность – это глобальная проблема. Цифровая среда доверия является способом ее решения, идеальным результатом, на достижение которого нацелено нормативное и техническое регулирование» [2, с. 253]. Можно согласиться лишь с тем, что цифровая среда доверия – это инструмент и способ решения вопросов, направленных на информационную безопасность, однако неверно считать, что цифровая среда доверия – это идеальный

результат. Поскольку инструмент – это то, что необходимо для получения какого-то результата, а не готовый продукт. В данном определении имеется противоречие. Так же важно указать на то, что цифровая среда доверия среди своего арсенала в нормативно-правовом регулировании имеет документы технического характера, например ГОСТы, среди которых стоит отметить:

– Национальный стандарт Российской Федерации ГОСТ Р 54583-2011/ISO/IEC/TR 15443-3:2007 дает определение понятию среда с технической точки зрения «среда (environment): Условия, в которых выполняются процессы жизненного цикла (то есть люди, оборудование и другие ресурсы), и связанные с этими условиями характеристики доверия (например, репутация, сертификация)» [7, с. 4];

– ГОСТ Р 54581-2011 Информационная технология. Методы и средства обеспечения безопасности. Основы доверия к безопасности ИТ. Часть 1. Обзор и основы: «доверие (assurance): Выполнение соответствующих действий или процедур для обеспечения уверенности в том, что оцениваемый объект соответствует своим целям безопасности» [3, с. 4].

Можно сделать вывод о том, что цифровая среда доверия – совокупность методов обеспечения информационной безопасности. Е. А. Яковлева дает определение цифровой доверенной среды: «это сложившееся, устоявшееся и одновременно защищенное пространство, которое сочетает в себе совокупность правовых механизмов применительно к современным цифровым технологиям, обеспечивающим безопасность циркулирующих данных» [11, с. 182]. Данное понятие рассмотрено в рамках ее правового статуса, однако суть цифровой доверенной среды в данном контексте говорит о том, что это уже защищенное пространство для обмена данными.

Еще одно определение звучит так: «цифровая доверенная среда – цифровое пространство, обеспечивающее безопасный прием, обработку и передачу информации по защищенным каналам, созданное комплексом мер и средств защиты для обеспечения безопасности конфиденциальной информации и информационных систем» [12, с. 177]. Здесь также говорится о том, что это готовый продукт, позволяющий участникам информационного взаимодействия обеспечить безопасность информации, циркулирующей в этом пространстве.

На основании изложенного в области информационного права существуют два понятия: цифровая среда доверия, которая определяется совокупностью методов и средств защиты информации, обеспечиваю-

щих участникам информационных правоотношений определенный результат эффективного взаимодействия, и цифровая доверенная среда, представляющая собой цифровое безопасное пространство, предназначенное для обмена данными и созданное комплексом мер, методов и средств защиты с целью обеспечения информационной безопасности.

Однако в данной статье применительно к информационной безопасности будет рассмотрено понятие цифровая доверенная среда, созданная для цифровых коммуникаций. Цифровая доверенная среда, в первую очередь, создается нормативной правовой базой в области обеспечения информационной безопасности. Среди основных законов, обеспечивающих информационную безопасность создания и функционирования цифровой доверенной среды, выделяются: Конституция Российской Федерации, Федеральный закон № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», Федеральный закон № 152-ФЗ «О персональных данных», Федеральный закон № 184-ФЗ «О техническом регулировании», Федеральный закон № 126 «О связи», а также государственные стандарты по направлению «информационная безопасность».

Правовое обеспечение цифровой доверенной среды направлено на соотнесение законодательства Российской Федерации и вопросов цифровизации и цифровых технологий, а именно производства, реализации и внедрения отечественного программного обеспечения: искусственного интеллекта, облачных сервисов, цифровых двойников и т. д. Правовое обеспечение позволит оценить масштабы распространения передовых цифровых технологий и ключевых видов программного обеспечения, при этом сравнивая их между собой для оценки формирования и обеспечения информационной безопасности.

Физическая безопасность цифровой доверенной среды представляет собой выбор средств технического, технологического, программного и аппаратного обеспечения цифровой безопасности, которая включает в себя: использование государственных информационных систем, криптографические средства защиты информации, электронный документооборот, цифровые каналы коммуникации между участниками информационного взаимодействия, разработку и внедрение отечественных цифровых технологий: искусственного интеллекта, производственных передовых технологий, робототехники, технологий виртуальной и дополнительной реальности, беспилотного и дистанционного зондирования, а также цифрового моделирования.

Экономическая составляющая – одна из основных, поскольку выделенный бюджет на приобретение средств защиты для обеспечения информационной безопасности может создать серьезный барьер для желаний и возможностей. Экономическая безопасность представляет собой состояние защищенности от внешних и внутренних угроз для возможности экономического роста, устойчивости и независимости собственных стабилизирующих факторов от внешней среды. Обработка информации, применение цифровых технологий – это трудоемкий и дорогостоящий процесс. Это говорит о том, что вопросы экономической безопасности в период цифровизации выдвигаются на первый план как один из ключевых факторов обеспечения информационной безопасности цифровой доверенной среды.

Используя перечисленные этапы в создании цифровой доверенной среды, можно будет говорить о надежности сохранности данных и об успешности обмена информацией по цифровым каналам. Цифровая доверенная среда открывает новые возможности не только для человека, но и для организаций, а главное – это упрощенное взаимодействие между субъектами информационных правоотношений.

Необходимо учитывать, что в процессе построения цифровой доверенной среды должен сформироваться цифровой суверенитет, который позволит повысить скорость процессов организации, уменьшить риски информационной безопасности, разработать политику безопасности как основного правового документа, реализующего правовые возможности функционирования цифровой доверенной среды.

Внедрение цифровой доверенной среды повышает компьютерную грамотность, цифровую грамотность благодаря специальным приложениям и платформам, позволяющим проводить видеоконференции с возможностью поддерживать общение на дальнем расстоянии, минимально тратить время, получать цифровые услуги, различные документы и многое другое.

Цифровая доверенная среда позволит сформировать у субъектов культуру информационной безопасности, компетенции по легитимному использованию информации, информационных ресурсов и цифровых технологий. Цифровая доверенная среда позволяет анализировать факторы риска, представляющие угрозу для сотрудников при работе с персональным компьютером, что способствует усвоению знаний по самозащите в информационном пространстве.

Передача цифровых данных между субъектами информационных правоотношений по защищенным цифровым каналам связи предпо-

лагает обмен сведениями для установления информационных прав от неправомерного доступа, таких как модификация, уничтожение, распространение и др. Субъекты цифровой доверенной среды обязаны соблюдать законодательство Российской Федерации и соответствовать развивающемуся нормотворческому процессу.

Особенностью цифровых технологий и цифровых прав становится виртуальное пространство технологических операций и информационных потоков в сети Интернет. Цифровая доверенная среда становится информационным полем обмена и получения информации в сети Интернет, подлежащим регулированию со стороны права и политики.

Цифровая доверенная среда является одним из основных трендов развития современного общества. Существуют множество проблем, связанных преимущественно с ее экономическими и технологическими эффектами, в том числе в сфере управления. Вместе с тем относительно мало затрагиваются аспекты цифровой среды, отражающие изменения в публично-политической сфере. Представляется необходимым расширение социального, информационного, коммуникационного пространства на основе специфического подхода, складывающегося в политической науке, социологии, экономике, технических науках, психологии в условиях устойчивого развития общества. Цифровая доверенная среда сегодня обладает:

- 1) суверенитетом в сети Интернет;
 - 2) действенными механизмами управления определенным правовым порядком в сети Интернет;
 - 3) возможностью создания безопасных условий для осуществления деятельности;
 - 4) механизмами выявления и предупреждения угроз, направленных на информационную безопасность;
 - 5) возможностью использования правовых и организационных мер воздействия, необходимых для защиты национальных интересов;
 - 6) возможностью создания компетентных органов для оказания содействия в правовом регулировании цифровой доверенной среды;
 - 7) возможностью создания необходимых и достаточных условий для препятствий и ограничений в формировании цифровой доверенной среды.
 - 8) средствами для обмена информацией по защищенным каналам.
- Все это позволяет расширить и структурировать понятие цифровая доверенная среда. В рамках данной статьи дадим следующее опре-

деление: цифровая доверенная среда – это безопасное пространство в цифровой среде, имеющее широкие возможности для успешной реализации собственных функций и задач, направленное на защиту конфиденциальных данных и решение вопросов, связанных с цифровой трансформацией.

Таким образом, цифровая доверенная среда позволяет выявить общественную потребность в поиске современных новых форм взаимодействия с субъектами. Благодаря использованию цифровых технологий между субъектами возникают цифровые права, соблюдение которых обязательно для выполнения в цифровой доверенной среде. Доверие выступает фундаментальной основой для возникновения таких прав. Цифровая доверенная среда становится новейшим цифровым механизмом, способным сбалансированность системы распределения полномочий для качественного взаимодействия, эффективность бюджетных расходов на содержание цифровой доверенной среды и исполнение ее функций, высокий уровень производительности труда, который компенсируется компетентностью сотрудников, высокий уровень современных цифровых компетенций и профессиональной квалификации субъектов.

Она может определить потребность в более быстрой передаче и обработке информации, выполнении определенных функций и предоставлении определенных услуг. Использование новых возможностей с применением цифровых технологий может изменить саму логику оказания тех или иных услуг и позволит перейти от традиционной модели управления к сервисным моделям организации деятельности и учету индивидуальных потребностей граждан при взаимодействии с государством. В результате применения решаются следующие задачи: упрощается сбор, обработка, передача и обмен различными информационными ресурсами; предоставляется доступ пользователям, уполномоченным на различные типы данных, независимо от физического места хранения данных; происходит оптимизация процессов анализа и принятия решений руководителями различных уровней управления; повышается автоматизация процессов и ограничение (или устранение) роли человека в них; цифровые технологии позволяют легко контролировать ход всего процесса и его отдельных элементов и этапов; упрощается внесение изменений в управленческий процесс; улучшается процесс общения;

С ее помощью можно развивать различные формы производства, требующие внедрения более современных и новых цифровых техноло-

гий. В результате внедрения цифровой трансформации будет получена современная производственная сфера, которая способна гибко реагировать на изменения как внутренних, так и внешних факторов. Цифровые технологии должны повысить прозрачность взаимодействия субъектов.

Задачи, поставленные перед цифровой доверенной средой:

1) разработка отдельных, не интегрированных между собой информационно-аналитических систем, предназначенных для отдельного инструмента управления для устранения транзакционных издержек, появлению противоречий в содержании данных инструментов, а также к снижению возможностей по их применению непосредственно для целей государственного управления. Фактически не должны быть созданы мало связанные между собой наборы данных, не лишенные внутренних противоречий, использование которых в целях принятия решений ограничено.

2) создание средств, направленных на увеличение интеграции цифровых ресурсов, исключающих необходимость повторного ввода одних и тех же данных в различные системы, это позволит модернизировать поисковые функции.

3) разработать гибкость функционала цифровой доверенной среды для исключения дополнительных барьеров при обмене данными.

4) совершенствование правовых, нормативно-технических, организационно-методических и иных основ разработки, внедрения, эксплуатации и развития существующих и вновь создаваемых компонентов цифровой доверенной среды.

5) создание и развитие устойчивой, надежной и безопасной информационно-телекоммуникационной инфраструктуры, реализующей в том числе «сквозные» технологии цифровой экономики и использующей существующие и вновь создаваемые российские центры обработки данных по защищенным сетям связи и передачи данных, разработка и внедрение отечественных цифровых платформ для работы с данными.

Однако в процессе решения поставленных задач можно столкнуться с рядом сложностей:

– частичной невозможностью использования цифровой доверенной среды без интернета: если цифровая доверенная среда создается для использования внутри организации, достаточно локальной сети, но в случае для обмена данными по сети Интернет, использование последнего обязательно;

– ответственностью за сохранность больших объемов обработки данных: грамотный подход к закреплению полномочий и компетенций в правовых актах позволит минимизировать риски.

– подбором персонала для обслуживания цифровой доверенной среды: наблюдается дефицит квалифицированных кадров по информационной безопасности, способных осуществлять свои должностные обязанности на высоком профессиональном уровне.

И наконец главная проблема, которой стоит уделить отдельное внимание – это вопросы правотворчества, правоприменения и применения цифровых технологий. Так, цифровые технологии меняют законодательство. По мнению Е. А. Яковлевой: «...негативное влияние на разработку и внедрение нормативных правовых актов в информационной сфере оказывает отсутствие основного нормативного кодифицированного акта, комплексно регулирующего информационные отношения. В результате чего возникают правовые коллизии и пробелы в нормотворческой и правоприменительной сферах» [11, с. 182]. Разработка нормативных правовых актов не должна осуществляться «на скорую руку», лишь бы реализоваться по принципу своевременности, необходимо воспользоваться и другими принципами, такими как обоснованность и законность. Отсюда правовое обеспечение цифровой доверенной среды включает, помимо прочего, правовое обеспечение формирования и функционирования в цифровом пространстве информационных систем, аутентификации и идентификации субъектов правоотношений, общественную репутацию публичных органов и ряд иных вопросов. Вместе с тем данные аспекты в построении цифровой доверенной среды хотя не в полной мере охватывают, но составляют основу содержания понятия цифровой доверенной среды.

Специфика же правового регулирования отношений в цифровой доверенной среде заключается в совокупности правовых норм, возникающих и реализующихся как в информационной среде, так и в различных сферах общественной жизни. Правовая сфера цифровой доверенной среды обусловлена необходимостью осмысления процессов цифровизации и правовой природы цифровых технологий, цифровых данных и складывающихся цифровых отношений для формирования доверия общества, государства, организаций и граждан к ним. Правовое регулирование отношений в цифровой доверенной среде выступает в виде совокупности правовых регуляторов, использующих определен-

ный набор методов, приемов и средств, способных контролировать и развивать отношения в ней.

К особенностям цифровых правоотношений относят специфику субъектов общественных отношений в цифровой доверенной среде: наличие значительного количества специфических правовых режимов отдельных цифровых технологий, информационных систем, ресурсов и др., которые будут оказывать непосредственное влияние на механизм регулирования. Цифровая доверенная среда формирует круг общественных цифровых правоотношений и направлена на разработку и принятие регуляторных решений в виде правил и требований, адресованных участникам, которые регулируются и контролируются контрольно-надзорными органами с целью их реализации и выявления последствий применения к субъектам соответствующих правоотношений. Данный процесс связан с разработкой законодательства, отдельных норм и использованием цифровых технологий.

Правоотношения в информационной сфере сегодня представляют собой огромный круг формирующихся разноотраслевых правоотношений, образующихся посредством появления новых правовых норм, регулирующих использование цифровых данных и технологий в цифровой среде. А. В. Минбалеев рассматривает цифровые правоотношения как «урегулированные правом отношения по использованию данных в цифровом виде, а также результатов анализа данных и результатов обработки и использования таких данных в различных сферах общественной жизни с использованием цифровых технологий» [6, с. 61]. Это позволяет сделать вывод, что правоотношения, возникающие в цифровой доверенной среде, представляют собой совокупность цифровых технологий, цифровых прав, применяемых в цифровой среде для обеспечения своих потребностей, т. е. это целая структура цифровых правоотношений в цифровой доверенной среде, обусловленная совокупностью объектов цифровых отношений (информационные системы, документированная информация, информационно-телекоммуникационные сети и т. д.), субъектов цифровых отношений (физические, юридические лица, цифровые сотрудники, публичные органы власти) и их содержанием – совокупность прав и обязанностей субъектов цифровых отношений.

Для реализации своих правоотношений в цифровой доверенной среде необходимо определить приоритетные направления. Приоритетными направлениями в создании цифровой доверенной среды должны стать: обеспечение информационной безопасности и киберустойчи-

ности, обеспечение операционной надежности и непрерывности деятельности, противодействие компьютерным атакам, в том числе при использовании инновационных технологий, защита прав граждан и организаций при оказании тех или иных услуг.

Таким образом, необходимость выявления понятия и содержания цифровой доверенной среды обусловлено поставленной в национальной программе «Цифровая экономика Российской Федерации» задачей по построению цифровой доверенной среды. Понятию цифровая доверенная среда в науке информационного права не отведено должного значения, поэтому с целью его осмысления необходимо сформировать обоснованное научное представление о содержании и сущности данного понятия и придать статус категории «информационное право».

В данной статье абсолютно доказана важность и актуальность цифровой доверенной среды. Решать проблемы правового регулирования правоотношений в цифровой доверенной среде необходимо своевременно, поскольку обеспечение информационной безопасности представляет собой стратегическую задачу государственной политики в информационной сфере, а меры противодействия современным угрозам необходимо разрабатывать заблаговременно, в виду того, что они направлены на обеспечение безопасности всего современного мира.

Интегрируя цифровую среду во всемирную Сеть необходимо удостовериться в том, что она будет ограничена определенным кругом лиц с принимающей стороны, поскольку, информация, переданная по Интернету, может содержать сведения с ограниченным доступом. На стороне, передающей информацию, должны стоять ограничения лишь на передачу информации, способной обеспечить целостность, доступность и конфиденциальность. Таким образом, необходимо устанавливать четкие рамки поведения – нормативные правовые регуляторы в целях недопущения нарушения интересов и прав других субъектов.

Литература

1. Андрианова, Е. Г. Концептуальные аспекты построения доверенных неоднородных блокчейн-сред нового технологического уклада / Е. Г. Андрианова, О. Л. Головин. – Текст : непосредственный // ИТ-Стандарт. – 2017. – № 3(12). – С. 1–6.
2. Ворникова, Е. Д. Понятие цифровой среды доверия / Е. Д. Ворникова. – Текст : непосредственный // Пробелы в российском законодательстве. – 2020. – Т. 13, № 6. – С. 251–257.

3. ГОСТ Р 54581-2011 Информационная технология. Методы и средства обеспечения безопасности. Основы доверия к безопасности ИТ. Часть 1. Обзор и основы. – Текст : электронный // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL : <https://docs.cntd.ru/document/1200091394>.

4. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, утв. Указом Президента РФ от 05.12.2016 г. № 646. – Текст : непосредственный // СЗ РФ. – 2016. – № 50. – С. 7074.

5. Домрачев, А. А. Массовая информационно-управленческая сеть как пример построения доверенной среды / А. А. Домрачев, В. Б. Исаков, В. К. Сарьян. – Текст : непосредственный // Труды Научно-исследовательского института радио. – 2012. – № 4. – С. 37–43.

6. Минбалеев А. В. Цифровое право как комплексный институт российского права / А. В. Минбалеев. – Текст : непосредственный // Проблемы права. – 2019. – № 4(73). – С. 58–64.

7. Национальный стандарт Российской Федерации «Информационная технология. Методы и средства обеспечения безопасности. Основы доверия к безопасности информационных технологий». Часть 3. Анализ методов доверия. ГОСТ Р 54583-2011/ ISO/IEC/TR 15443-3:2007. – Текст : электронный // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL : <https://docs.cntd.ru/document/1200095101>.

8. Полякова, Т. А. Влияние цифровой экономики на развитие транспортной отрасли и проблемы обеспечения информационной безопасности : правовой аспект / Т. А. Полякова. – Текст : непосредственный // Транспортное право и безопасность. – 2019. – № 1(29). – С. 82–86.

9. Соленая, О. А. Проблема представления термина «цифровизация» : отечественный и зарубежный опыт / О. А. Соленая, А. А. Яковлева. – Текст : непосредственный // Культура и природа политической власти : теория и практика : Сборник научных трудов / Под общей редакцией А. А. Керимова. – Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2023. – С. 289–293.

10. Химченко, А. И. Вопросы формирования цифровой среды доверия как структурного элемента в цифровизации государственного управления / А. И. Химченко. – Текст : непосредственный // Правовое государство : теория и практика. – 2022. – № 3(69). – С. 159–164. – DOI 10.33184/pravgos-2022.3.22.

11. Яковлева, Е. А. Правовые проблемы цифровой доверенной среды / Е. А. Яковлева. – Текст : непосредственный // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. – 2023. – Т. 33, № 1. – С. 181–186. – DOI 10.35634/2412-9593-2023-33-1-181-186.

12. Яковлева, Е. А. Роль цифровой доверенной среды в федеральном органе исполнительной власти / Е. А. Яковлева. – Текст : непосредственный // Обеспечение информационной безопасности: вопросы теории и практики : Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции, Ижевск, 29 мая 2023 года / Научные редакторы Г. Г. Камалова, В. Г. Ившин, Г. А. Решетникова. – Ижевск : Удмуртский университет, 2023. – С. 176–182.

Сведения об авторе

Яковлева Елена Александровна – ассистент кафедры информационной безопасности в управлении, ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет».

E-mail: leno451@mail.ru

УДК: 347.662.1

К ВОПРОСУ О ВКЛЮЧЕНИИ В СОСТАВ НАСЛЕДСТВА ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОГО ПРАВА НА ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ (ТЕХНОЛОГИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА)

К. С. Артамкин

В настоящий момент искусственный интеллект и технологии искусственного интеллекта внедряются во все сферы жизни по всему миру. Как и на любой объект гражданского оборота, рано или поздно возникает вопрос о переходе прав на него в порядке наследования. Цель данной статьи состоит в определении правового режима искусственного интеллекта и технологий искусственного интеллекта, рассмотрении возможностей наследования искусственного интеллекта и технологии искусственного интеллекта в действующем законодательстве России и выявлении проблем, препятствующих нормативно-правовому регулированию этого правоотношения.

Ключевые слова: искусственный интеллект; технологии искусственного интеллекта; исключительное право; наследственное право.

ON THE ISSUE OF INCLUDING THE EXCLUSIVE RIGHT TO ARTIFICIAL INTELLIGENCE (ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES) IN THE INHERITANCE

K. S. Artamkin

Currently, artificial intelligence and artificial intelligence technologies are being introduced into all areas of life around the world. Like any object of civil circulation, sooner or later the question arises about the transfer of rights to it through inheritance. The purpose of this article is to determine the legal regime of artificial intelligence and artificial intelligence technologies, consider the possibilities of inheriting artificial intelligence and artificial intelligence technologies in the current legislation of Russia and identify problems that impede the legal regulation of this legal relationship.

Keywords: *artificial intelligence; artificial intelligence technologies; exclusive right; inheritance law.*

Идея создания человекоподобного разума, способного заменить человека в качестве трудового ресурса, возникла уже давно. В 1623 г. Вильгельм Шикард построил первую механическую цифровую вычислительную машину, за которой последовали машины Блеза Паскаля (1643) и Лейбница (1671). Лейбниц был первым, кто описал современную двоичную систему счисления. В 1832 г. коллежский советник С. Н. Корсаков выдвинул принцип разработки научных методов и устройств для усиления возможностей разума и предложил серию «интеллектуальных машин», в конструкции которых впервые в истории информатики применил перфорированные карты. В XIX в. Чарльз Бэббидж и Ада Лавлейс работали над программируемой механической вычислительной машиной. В 1910–1913 гг. Бертран Рассел и А. Н. Уайтхед опубликовали работу «Принципы математики», которая произвела революцию в формальной логике. В 1941 г. Конрад Цузе построил первый работающий программно-управляемый компьютер. Уоррен Маккалок и Уолтер Питтс в 1943 г. опубликовали «A Logical Calculus of the Ideas Immanent in Nervous Activity», который заложил основы нейронных сетей.

С середины XX в. предпринимаются действия для разработки и внедрения систем искусственного интеллекта для повышения продуктивности производственных процессов, увеличения скорости обработки информации и упрощения жизни отдельных членов общества, однако именно с 80-х гг. XX в. до начала XXI в. человечество достигло

серьезные успехи в этих начинаниях. Именно в конце 1990-х – начале 2000-х гг. за счет технологий оптимизации поисковых алгоритмов и индексации сайтов резко возрастает роль интернета [5]. Это стало возможным благодаря совершенствованию качественно-количественных характеристик компьютерной техники, оптимизации моделей искусственного интеллекта, интеграции их в хозяйственную деятельность. За прошедшие годы искусственный интеллект был внедрен большим числом стран в те или иные хозяйственные системы. Результатом этого является способствование отработке режимов и технологий на моделях для устранения всех недостатков и неопределенностей, выработке высококачественной продукции с заданными свойствами, обеспечения низкого уровня брака и экономии ресурсов на предприятиях, а также управления бизнес-процессами [9]. Кроме того, «использование искусственного интеллекта в работе позволяет не только автоматизировать любой процесс, но и настроить его в соответствии с конкретной задачей человека, ведомства или производства» [11]. Выделяют два направления развития искусственного интеллекта: решение проблем, связанных с приближением специализированных систем искусственного интеллекта к возможностям человека и их интеграцией, которая реализована природой человека; создание искусственного разума, представляющего интеграцию уже созданных систем искусственного интеллекта в единую систему, способную решать проблемы человечества. В настоящее время в обществе огромную популярность имеет искусственный интеллект, создающий картины, музыку. Среди известных ранних результатов – система Дэвида Коупа «Эмили Хауэлл», ставшая известной в области алгоритмической компьютерной музыки. Алгоритм, лежащий в ее основе, зарегистрирован как патент США. Искусственный интеллект также используется в индустрии игр, например в видеоиграх используются боты, которые предназначены для того, чтобы играть роль противников, где люди недоступны или нежелательны. В 2018 г. исследователи из Корнеллского университета создали пару генеративно-состязательных сетей и обучили их на примере игры-шутера Doom. В процессе обучения нейронные сети определили основные принципы построения уровней этой игры, и после этого они стали способны генерировать новые уровни без помощи людей. Кроме того, уже введены в эксплуатацию системы ИИ, обучаемые для побед в многопользовательских играх [8], что потенциально может изменить облик киберспорта.

Применение искусственного интеллекта является важным трендом в создании перспективных систем управления поля боя и вооружением. С помощью искусственного интеллекта возможно обеспечить оптимальный и адаптивный к угрозам выбор комбинации сенсоров и средств поражения, скоординировать их совместное функционирование, обнаруживать и идентифицировать угрозы, оценивать намерения противника. Существенную роль искусственный интеллект играет в реализации тактических систем дополненной реальности, например позволяет обеспечить классификацию и семантическую сегментацию изображений, локализацию и идентификацию мобильных объектов для эффективного целеуказания. Технологии искусственного интеллекта применяются в управлении человеческими ресурсами и рекрутинге: для просмотра резюме и ранжирования кандидатов в соответствии с их уровнем квалификации, для прогнозирования успеха кандидата в заданных ролях через платформы сопоставления должностей, для создания чат-ботов, которые могут автоматизировать повторяющиеся коммуникационные задачи.

В Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 г., утвержденной распоряжением Правительства РФ в мае 2021 г., использованию ИИ отводилось довольно большое место. В исправительной колонии № 6 (ИК-6) в Астраханской области до 2025 г. планируется запустить пилотный проект по внедрению системы, которая смогла бы отслеживать факты покидания заключенными территории; курение в неположенном месте; нарушение распорядка дня; нарушение формы одежды; отказ от посещения массовых мероприятий; невыполнение требований администрации и др.

Различные средства искусственного интеллекта также широко используются в области обеспечения безопасности, распознавании речи и текста, интеллектуального анализа данных и фильтрации спама в электронной почте. Также разрабатываются приложения для распознавания жестов (понимание языка жестов машинами), индивидуальное распознавание голоса, глобальное распознавание голоса (от множества людей в шумной комнате), распознавание лица для интерпретации эмоций и невербальных сигналов, а также роботизированная навигация для преодоления препятствий и распознавания объектов.

В феврале 2021 г. в США провели испытания искусственного интеллекта в воздушном бою «двое против одного». Новый этап испытаний, который получил название «Scrimmage 1», проводился в лаборатории прикладной физики Университета Джонса Хопкинса. В этом

воздушном бою два истребителя F-16 Fighting Falcon под управлением искусственного интеллекта действовали в группе и вели бой против одного такого же самолета. Во время нового этапа испытаний нейросетевые алгоритмы вели не только ближний маневренный воздушный бой, но и действовали на расстоянии от противника, выявляя его с помощью радаров и поражая ракетами на расстоянии.

В частности, с 2016 по 2017 г. корпорация Unilever использовала искусственный интеллект для отбора персонала начального уровня. Unilever использовал игры, основанные на нейробиологии, записанные интервью и анализ лицевых и речевых сигналов, чтобы предсказать успех кандидата в компании. Unilever сотрудничала с Pymetrics и HireVue, чтобы создать новую систему анализа на основе искусственного интеллекта и увеличить число рассматриваемых кандидатов с 15 тыс. до 30 тыс. в течение одного года. Unilever также сократил время на обработку заявлений от 4 месяцев до 4 недель и сэкономил более 50 тыс. часов времени рекрутеров.

Ввиду повышения популярности искусственного интеллекта российскими законодателями предпринимаются меры для нормативного урегулирования внедрения систем искусственного интеллекта в экономическую систему страны. Указ Президента РФ от 10.10.2019 г. определяет искусственный интеллект как «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений» [2]. Ввиду вышеперечисленного рационально возникает вопрос: возможно ли передать искусственный интеллект по наследству? Сперва следует упомянуть, что когда речь идет об искусственном интеллекте (далее «ИИ»), подразумеваются также и технологии искусственного интеллекта (далее «технологии ИИ»).

Определим место ИИ (технологии ИИ) в правовой системе. В мировой практике существует несколько подходов к пониманию правового статуса и деликтоспособности ИИ: ИИ и робототехника как объекты, ИИ как юридическое лицо, ИИ как физическое лицо, ИИ как элек-

тронный субъект права [15]. Автор склоняется к позиции отнесения искусственного интеллекта к объекту права. Основание этого вывода следующее: поскольку ИИ не способен нести ответственность за свои действия, а несет ответственность за вред причиненный искусственным интеллектом его создатель, следовательно искусственный интеллект, лишен одного из признаков субъекта права – возможности нести юридические обязанности [13], в таком случае искусственный интеллект не может быть признан субъектом права, вследствие чего является объектом права. Данная концепция прослеживается в действующем законодательстве Европейского союза: «ответственность за вред, причиненный действиями (бездействием) роботов третьим лицам, находится в причинно-следственной связи с действиями (бездействием) производителей, разработчиков, операторов, владельцев или пользователей, если они могли предвидеть и избежать действий роботов, в результате которых причинен ущерб, вред» [6]. Копирование свойств и навыков человека не превращает «искусственный интеллект» в субъекта права, обладающего волей и волеизъявлением. В п. 2 ст. 1 ГК РФ закреплено, что субъекты гражданского права осуществляют свои гражданские права, в том числе и право на защиту, «своей волей и в своем интересе». «Искусственный интеллект» не обладает самостоятельными волей и интересами, участвовать независимо от субъектов права в гражданских правоотношениях он не способен. Солидарная ответственность субъектов гражданского права применима только в случаях, предусмотренных договором или законом (п. 1 ст. 322 ГК РФ). Кроме этого, ИИ обладает такими признаками объекта права как: принадлежность ИИ своему создателю, или лицу, для которого по договору ИИ создавался; дискретность – ИИ обладает заранее заданными параметрами, ограничителями, набором данных, на которых обучается ИИ. Даже самый развитый ИИ в настоящее время не способен выйти за рамки своей системы, обрести сознание и волю, а значит, не способен иметь потребности, которые будет пытаться удовлетворить своими осознанными действиями как любой субъект права.

Следует отметить, что ИИ нельзя приравнивать к программам для электронных вычислительных машин, которые входят в перечень охраняемых результатов интеллектуальной деятельности (пп. 2 п. 1 ст. 1225 ГК РФ), поскольку они имеют существенное отличие от ИИ, а именно невозможностью самообучения на основе баз данных, к которым у них есть доступ, помимо этого, ИИ связан с процессом создания функци-

онального продукта для обработки данных, который может самостоятельно решать поставленные задачи, что отдаленно напоминает решение задач человеком.

Для создания и функционирования ИИ требуется архитектура нейронной сети и dataset (набор данных, на которых обучается нейронная сеть). По отдельности и во взаимосвязи архитектура нейронной сети и dataset представляют собой технологии ИИ и сам ИИ, которые являются результатами интеллектуальной деятельности, следовательно, являются объектами исключительного права. Также этот факт позволяет отнести ИИ к сложным объектам. К этому выводу пришла и Л.Ю. Василевская, согласно которой: ««искусственный интеллект» – это результат сложного программирования, следовательно, его следует рассматривать как сложный объект гражданских прав» [7]. ИИ является результатом интеллектуальной деятельности, поскольку создан путем обучения нейронной сети на наборе данных, так, ИИ состоит из двух результатов интеллектуальной деятельности, объединенных особым образом с приложением человеческого творчества и интеллектуальных способностей, т. е. сам по себе процесс обучения нейронной сети на базе данных представляет собой результат интеллектуальной деятельности. А.Е. Царева утверждает: «Анализ изменений, вносимых в перечень объектов гражданских прав, приведенный в ст. 128 ГК РФ, показывает, что перечень следует оставить открытым. Подобная необходимость обусловливается стремительным развитием науки и техники, а также трансформацией цивилистической мысли, что может привести к появлению новых видов объектов гражданских прав, которые в отличие от вещей, т. е. предметов материального мира, представляют собой новые материальные блага, вещественность которых довольно условна» [14]. Эта идея имеет место быть. Открытый перечень позволяет законодателю в кратчайшие сроки внести соответствующие изменения и урегулировать отношения, возникающие в связи с использованием ИИ (технологий ИИ). Однако ИИ и технологии ИИ относятся к охраняемым результатам интеллектуальной деятельности, следовательно, они должны быть нормативно урегулированы в рамках статьи 1225 ГК РФ. Таким образом, как ИИ, так и технологии ИИ не могут быть отнесены ни к вещам, ни тем более к субъектам права, ввиду особенностей их сотворения и функционирования. Е.Б. Подузова в квалификации правовой природы ИИ и технологии ИИ идет еще дальше и определяет их в качестве новых сложных объектов – «интеллектуальной собственности» [10].

Как правило, ИИ (технология ИИ) создается группой программистов по контракту, из которых каждый выполняет свою функцию, т. е. пишет свою часть кода, который отвечает за разные структурные составляющие искусственного интеллекта, следовательно, можно предположить, что каждый из них имеет исключительное право на свою часть кода, значит, может ей распорядиться в другом проекте или для личного пользования. В подобном случае не может идти речи о наследовании ИИ лицами, создавшими его, поскольку пользоваться и распоряжаться им может только заказчик. Если ИИ создается командой программистов не по заказу, а для собственных целей, в таком случае кому будет принадлежать исключительное право на результат интеллектуального труда? Согласно ГК РФ в состав наследства могут входить принадлежавшие наследодателю на день открытия наследства вещи, иное имущество, в том числе имущественные права и обязанности (ст. 1112 ГК РФ). В части третьей ГК РФ доли наследников определяются не в праве на наследство, а в самом наследстве, т. е. в имуществе. Это означает, что наследственные доли распространяются на имущественные права, включая исключительное право. Верховный Суд РФ интерпретирует доли наследников в исключительном праве как доли в доходе от использования результата интеллектуальной деятельности [4, абзац 1 п. 35]. При этом Верховный Суд отмечает, что размер долей в доходе зависит от размера доли в исключительном праве на результат интеллектуальной деятельности, входящем в состав наследства [4, абзац 8 п. 35]. Верховным Судом РФ не усматривается существенного противоречия, заложенного в нормах п. 3 ст. 1229 ГК РФ. В качестве общего правила закреплено, что в случае, когда исключительное право на результат интеллектуальной деятельности принадлежит нескольким лицам совместно, каждый из правообладателей может использовать такой результат по своему усмотрению. Норма, предусмотренная абз. 1 п. 3 ст. 1229 ГК РФ, означает, что по своему усмотрению каждый из обладателей исключительного права на результат интеллектуальной деятельности может использовать данный результат и распоряжаться своим исключительным правом посредством заключения лицензионного договора или договора об отчуждении исключительного права. В силу правила, закрепленного в абз. 2 п. 3 ст. 1229 ГК РФ, распоряжение исключительным правом на результат интеллектуальной деятельности осуществляется правообладателями совместно, если настоящим Кодексом или соглашением между правообладателями не предусмотрено иное. Итак,

исключительное право на результат интеллектуального труда должно принадлежать либо одному из программистов, либо быть поделено на доли между разработчиками. Минюст России, не отрицая возможности деления исключительного права на доли, не предусматривает механизм его раздела при выдаче нотариусом свидетельства о праве на наследство. На этом этапе ведения наследственного дела доли в исключительном праве утрачивают свое юридическое значение. Так, в абз. 2 п. 71 Приложения N 2 к Приказу Минюста России от 30 сентября 2020 г. N 226 отмечается, что при выдаче свидетельства на исключительное право нескольким наследникам следует не указывать долю в праве каждого наследника, а в качестве вида права поясняется: «исключительное право, принадлежащее нескольким лицам совместно». Однако в 2023 г. в Госдуму был внесен законопроект о возможности выделения доли в исключительном праве [12], что означает возможность решения выделенной нами проблемы в недалеком будущем.

Разберем возможность отнесения ИИ (технологии ИИ) к совместно нажитому имуществу супругов. Анализ норм абз. 1 – 4 п. 2 ст. 256 ГК РФ, абз. 1 п. 1 ст. 1228 ГК РФ, п. 1, 2 ст. 36 Семейного кодекса РФ позволяет сделать вывод о том, что правовая природа и правовой режим объектов гражданских прав, нажитых в браке, влияют на их отнесение к общему или личному имуществу супругов. Если на «искусственный интеллект» (или технологию «искусственного интеллекта») распространяется режим вещей, то эти объекты, созданные в период брака, относятся к совместно нажитому имуществу супругов. Если ИИ (технология ИИ) квалифицируется в качестве интеллектуальной собственности, то исключительное право на созданный одним из супругов в период брака ИИ (технология ИИ) не относится к общему имуществу супругов и не подлежит разделу (п. 1 ст. 254 ГК РФ, п. 1 ст. 38 СК РФ). При этом «исключительное право на результат интеллектуальной деятельности, приобретенное за счет общих доходов супругов по договору об отчуждении такого права, является их общим имуществом» [3, абзац 2 п. 8]. ИИ (технология ИИ) не могут быть квалифицированы в качестве вещей, поскольку они по своей правовой природе являются интеллектуальной собственностью. Согласно п. 1 ст. 1227 ГК РФ «интеллектуальные права не зависят от права собственности и иных вещных прав на материальный носитель (вещь)».

Возникает вопрос, какой объект входит в состав наследства (абз. 1 ст. 1112 ГК РФ): ИИ (технология ИИ) либо исключительное право на

ИИ (технологии ИИ) как на результат интеллектуальной деятельности. Передавать по наследству возможно исключительное право на ИИ (технологии ИИ), а не сам ИИ в соответствии с ч.1 ст. 1229 ГК РФ. Исходя из прямого толкования настоящей статьи обладатель исключительного права на ИИ (технологии ИИ) может, в том числе передать его по наследству в общем порядке: по завещанию, наследственному договору или по закону в очередности, установленной ст. 1141 ГК РФ. К этому выводу пришла Е. Б. Подузова: «в состав наследства ни «искусственный интеллект», ни технологии «искусственного интеллекта» входить не могут, являясь по своей правовой природе результатами интеллектуальной деятельности. В наследственную массу включаются исключительные права на них» [10].

К проблемам в современном российском праве, препятствующим нормативно-правовому регулированию наследования искусственного интеллекта является факт того, что в ГК РФ [1, ст. 1225] не содержится упоминания искусственного интеллекта, что создает недопонимание у правоприменителей и является упущением законодателя, которое, на наш взгляд, должно быть устранено дополнением соответствующего пункта в перечень указанной статьи. Устраняет это упущение в настоящий момент отнесение ИИ (технологии ИИ) к сфере авторского права (программы для ЭВМ, базы данных), смежных прав (базы данных), патентного права (изобретения), а также секретов производства (ноу-хау), в соответствии с определением Федерального закона от 4 июня 2018 г. N 123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг». Перечисленное подпадает под действие нормы статьи 1240 ГК РФ, содержащий перечень сложных объектов, включающих в себя объекты, относимые к сфере авторских и смежных прав.

Еще одной проблемой является действующая коллизия права в отношении наследуемого исключительного права на ИИ (технологии ИИ), созданный группой разработчиков. При открытии наследства после смерти одного из обладателей исключительного права на ИИ (технологии ИИ) остается неясным, какой объект входит в наследственную массу (исключительное право либо доля в нем). Е. Б. Подузова отмечает: «Включая в наследственную массу исключительное право, нотариус либо иной правоприменитель нарушает права иных обладателей исключительного права, поскольку при этом не учитывается принадлежность исключительного права иным лицам (например, другим разработчикам «искусственного интеллекта» или технологии «искусственного интел-

лекта»). Определяя в составе наследственной массы долю в исключительном праве, нотариус (иной правоприменитель) сталкивается с запретом выделения долей в исключительном праве, установленным в разъяснении Верховного Суда РФ (абз. 1 п. 35 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. N 10)». Можно утверждать, что без наличия выраженной воли всех обладателей исключительного права на результат интеллектуальной деятельности ИИ (технологии ИИ) невозможно проведение юридически значимых действий, таких как заключение лицензионного договора, договора коммерческой концессии и договора об отчуждении исключительного права, а значит, невозможно использование интеллектуальной собственности по своему усмотрению. Использование результата интеллектуальной деятельности, например технологии «искусственного интеллекта», может быть осуществлено по совместному волеизъявлению правообладателей, если соглашением между ними не предусмотрено иное.

Таким образом, если искусственный интеллект создан одним лицом по собственной инициативе для собственных нужд, он обладает исключительным правом на него и вправе передать его по наследству. Переходить исключительное право на искусственный интеллект должно в общем порядке по завещанию, по наследственному договору или по закону в соответствии со ст. 1141 ГК РФ. Препятствием для нормативного регулирования ситуации является незакрепленность рассматриваемого объекта в списке охраняемых результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 N 230-ФЗ (ред. от 30.01.2024). – URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/2a4870fda21fdffc70bade7ef80135143050f0b1/ (Дата обращения 17.02.2024). – Текст : электронный.

2. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») : Указ Президента РФ от 10.10.2019 N 490 (ред. от 15.02.2024). – URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/0063cb7961941b5727b92eaa4dc68a9e91a8d1fb/ (Дата обращения 27.02.2024). – Текст : электронный.

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 г. N 9 «О судебной практике по делам о наследовании». – URL : <https://>

www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_130453/ (Дата обращения 17.03.2024). – Текст : электронный.

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 N 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации». – URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_323470/ (Дата обращения 17.03.2024). – Текст : Электронный.

5. Бахтеев, Д. В. Предпосылки становления и этапы развития технологии искусственного интеллекта. – Текст : электронный // Genesis : исторические исследования. – 2019. – № 8. DOI: 10.25136/2409-868X.2019.8.30382. – URL : https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=30382 (Дата обращения 17.02.2024)

6. Вавилин, Евгений Валерьевич. Искусственный интеллект как участник гражданских правоотношений : трансформация права. – Текст : электронный // Вестник Томского государственного университета. Право. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-kak-uchastnik-grazhdanskih-otnosheniy-transformatsiya-prava> (Дата обращения 27.02.2024)

7. Василевская, Л. Ю. Искусственный интеллект и технологии искусственного интеллекта : общее и особенное в гражданско-правовой регламентации. – Текст : непосредственный // Хозяйство и право. – 2021. – № 11. – С. 3–18.

8. Искусственный интеллект Google играет в Starcraft II лучше 99,8 % игроков-людей. –URL : <https://habr.com/ru/news/474034/> (Дата обращения 17.02.2024). – Текст : электронный.

9. Орешина, М. Н. Применение деятельности искусственного интеллекта в инновационной деятельности промышленных предприятий. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/primeneniye-iskusstvennogo-intellekta-v-innovatsionnoy-deyatelnosti-promyshlennyh-predpriyatiy> (Дата обращения 17.02.2024). – Текст : электронный.

10. Подузова, Е. Б. Наследование исключительных прав на искусственный интеллект и технологии искусственного интеллекта : проблемы теории и практики. – Текст : непосредственный // Наследственное право. – 2023. – № 2.

11. Поздеева, Виктория Сергеевна. Правовое регулирование и область применения искусственного интеллекта. – Текст : электронный // Вопросы российской юстиции. – 2024. – № 22. – С. 249–260. <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-i-oblast-primeneniya-iskusstvennogo-intellekta> (Дата обращения 17.02.2024).

12. Сазонова, Маргарита. В Госдуме предложили выделять доли в исключительном праве. – URL : <https://www.garant.ru/news/1656850/> (Дата обращения 17.02.2024). – Текст : электронный.

13. Теория государства и права : учебник / под редакцией доктора юридических наук, профессора НИУ ВШЭ В. Б. Исакова. – Москва : Высшая школа экономики. – С. 322. – URL : <https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/523563122.pdf> (Дата обращения 27.02.2024). – Текст : электронный.

14. Царева, А. Е. К вопросу об оборотоспособности систем искусственного интеллекта. – Текст : электронный // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. – 2022. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-oborotosposobnosti-sistem-iskusstvennogo-intellekta> (Дата обращения 19.02.2024)

15. Ruchkina, G. F. Artificial intelligence, robots and objects of robotics : on the legal regulation theory in the russian federation. (2020). Bankovskoe pravo – Banking Law. 1. pp. 7–18. (In Russian) (Дата обращения 17.02.2024).

Сведения об авторе:

Арташкин Кирилл Сергеевич – аспирант Института права, социального управления и безопасности Удмуртского государственного университета.

E-mail: forceliric2000@mail.ru

УДК 343.2411

ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ «ЭЛЕКТРОННЫХ» ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

А. Д. Бреславский

Важнейшую роль в судебном разбирательстве играют доказательства, поскольку они могут повлиять на рассмотрение дела по существу. В наше время, когда развитие информационных технологий с каждым днем набирает обороты, неизбежна интеграция данных технологий во многие сферы общества, при этом правосудие и судопроизводство не являются исключением. Именно поэтому такой форме доказательств, как электронные доказательства, однозначно требуется уделить должное внимание.

Ключевые слова: электронные документы, электронные доказательства, КЭП, ЭЦП, доказывание в суде.

PROSPECTS FOR THE USE OF «ELECTRONIC» EVIDENCE IN CIVIL PROCEEDINGS

A. D. Breslovsky

Evidence plays a crucial role in the trial, because it can affect the consideration of the case on its merits. Nowadays, when the development of information technologies is gaining momentum every day, the integration of these technologies into many spheres of society is inevitable, where justice and judicial proceedings are no exception. That is why such a form of evidence as electronic evidence definitely needs to be given due attention.

Keywords: *electronic documents, electronic evidence, CEP, EDS, proof in court.*

Общие условия судебного разбирательства – это закрепленные законом правила, определяющие наиболее существенные черты производства по гражданскому делу в суде первой инстанции и обеспечивающие реализацию в судебном заседании принципов гражданского процесса.

Можно сказать о том, что само по себе судебное разбирательство как стадия гражданского судопроизводства является одной из основных. Непосредственно при проведении судебного заседания реализуются все основные цели и задачи, относящиеся к гражданскому судопроизводству в принципе. Одной из таких задач является своевременное рассмотрение, а также разрешение гражданского дела по существу, что должно привести к вынесению мотивированного, законного и обоснованного решения.

Значение общих условий судебного разбирательства состоит в том, что они основываются на принципах всего гражданского судопроизводства и конкретизируют их действие в судебном заседании. Поэтому соблюдение этих условий в полном объеме и последовательно воплощает указанные принципы в процесс рассмотрения гражданского дела в суде первой инстанции, тем самым гарантирует законное, обоснованное и справедливое разрешение дела по существу.

Общие условия также позволяют унифицировать судебное разбирательство, поскольку являются одинаковыми для всех судов, независимо от места нахождения суда и его состава, категории рассматриваемого судом дела.

Система общих условий судебного разбирательства установлена и закреплена гл. 15 ГПК РФ.

Строгое соблюдение судом и участниками процесса принципа законности, который является конституционным, а также общим принципом для всех отраслей права является одним из условий судебного разбирательства. Законность и обоснованность каждого судебного акта являются важнейшими условиями грамотного и правильного отправления правосудия, поскольку основные задачи гражданского процесса заключаются в защите нарушенных или оспариваемых прав, свобод и охраняемых законом интересов граждан, государства и организаций, укреплении законности и правопорядка, предупреждении правонарушений.

Содержание законности в гражданском судопроизводстве и, в частности, в судебном разбирательстве можно охарактеризовать следующим образом:

- суд в своей деятельности должен строго руководствоваться нормами права, а также правильно их применять;
- участники гражданского процесса обязаны неукоснительно соблюдать нормы действующего законодательства;
- применение мер ответственности за действия, влекущие нарушение норм в сфере гражданского процессуального законодательства.

Исходя из анализа положений ГПК РФ, возможно выявить и конкретизировать еще один принцип, положенный в основу гражданского судопроизводства, а именно принцип диспозитивности процесса. Данный принцип является одним из наиболее специфичных принципов, и суть его заключается в том, что, исходя из самого определения диспозитивности – это возможность сторон, участвующих в деле, при наличии у них круга прав и обязанностей соответственно решать вопрос о возможности воспользоваться этим правом либо нет и в каком объеме, диспозитивность гражданского процесса вытекает из диспозитивности гражданского права, но в тоже время свидетельствует о некой автономности субъектов спорного материального правоотношения и заключается в том, что участники спорного правоотношения самостоятельно выбирают способ защиты своего нарушенного или оспариваемого права. Примером таких полномочий может являться право истца на предъявление иска, на отказ от иска, на предъявление встречного иска, на заключение мирового соглашения, на изменение основных элементов иска. Следует отметить, что все распорядительные действия сторон по гражданскому делу поставлены под контроль суда. Суд не принимает отказа истца от иска, признания иска ответчиком и не утверждает ми-

рового соглашения сторон, если эти действия противоречат закону или нарушают чьи-либо права и охраняемые законом интересы.

Одним из условий, положенных в основу судебного разбирательства является наделение лиц, участвующих в деле определенными процессуальными правами, к числу которых относятся: право знакомиться со всеми материалами дела, заявлять отводы, представлять доказательства, участвовать в исследовании доказательств, задавать вопросы другим участникам судопроизводства по делу, давать устные и письменные объяснения, высказывать свои доводы и соображения по всем возникающим в ходе судебного процесса вопросам, возражать против ходатайств других лиц, участвующих в деле, пользоваться иными процессуальными правами.

К числу общих условий судебного разбирательства, относится его непосредственность, которая заключается в том, что суд первой инстанции в ходе рассмотрения гражданского дела обязан исследовать все собранные по делу доказательства путем личного их восприятия: заслушать объяснения сторон (представителя от каждой из сторон), третьих лиц, показания свидетелей, заключение эксперта, осмотреть вещественные доказательства, прочесть и огласить письменные документы и материалы, имеющие доказательственное значение, прослушать аудиозаписи и просмотреть видеозаписи.

Непосредственность судебного разбирательства позволяет суду лично получить необходимую для разрешения дела достоверную информацию, имеющую существенное значение, проверить и оценить собранные и представленные доказательства для того, чтобы вынести справедливое и законное решение. В соответствии с этим правилом дело должно решаться судом на основании личного исследования всех доказательств в зале судебного заседания, в свете чего суд должен заслушать объяснения лиц, участвующих в деле; допросить свидетелей, исследовать все предоставленные по делу письменные и вещественные доказательства, заслушать заключения эксперта. Судебное решение должно основываться только на тех доказательствах, которые были рассмотрены непосредственно судом. Устность как условие судебного разбирательства представляет собой такую форму организации судебного разбирательства, которая заключается в том, что суд заслушивает показания лиц, участвующих в деле, воспринимает на слух иные сведения об обстоятельствах дела.

Устность обеспечивает равный доступ к информации для всех участников процесса и присутствующих лиц, позволяет им восприни-

мать происходящее в судебном заседании и придает убедительность принимаемым судом решениям.

Сравнительно новым является такое условие судебного разбирательства, как процессуальная экономия, в соответствии с положениями которой процесс по каждому делу должен вестись с минимально необходимыми затратами времени, сил и средств, обеспечивая правильное и своевременное разрешение гражданских дел [2, с. 29].

Достаточно продолжительное время правоведа спорят о том, являются ли электронными доказательствами электронные документы. Многие из них ставят знак равенства между письменными и электронными доказательствами. Однако есть и те, кто считает, что электронные доказательства являются самостоятельным нетрадиционным средством доказывания.

По мнению Боннера А. Т., электронные доказательства все же являются письменными, поскольку сведения, содержащиеся в электронных документах, представляют собой человеческую мысль относительно существующей действительности [3, с. 76].

Пашкова Е. П., наоборот, полагает, что «электронный документ невозможно считать письменным доказательством в чистом виде, в связи с тем, что он не обладает письменной формой и авторской уникальностью» [4, с. 294]

Кроме того, некоторые авторы выделяют данный вид доказательства в качестве смешанного, так как он содержит в себе признаки как письменных, так и вещественных доказательств. Например, запись текстового характера на материальном носителе. Отличительной особенностью от других видов доказательств является электронная форма документа.

Стоит отметить, что на данном этапе развития человечества, тенденция компьютеризации и автоматизации жизни общества становится все более приоритетной, поэтому правосудие и судопроизводство, принципы которых основаны на защите прав и свобод человека и гражданина, обязаны им следовать.

Значимые изменения в этой сфере произошли с 1 января 2017 г. в связи с принятием федерального закона РФ от 23.06.2016 г. №220-ФЗ, которым были внесены изменения в ГПК РФ относительно применения электронных документов в деятельности судов. Согласно указанным изменениям, исковое заявление, жалоба, ходатайство и иные документы могут быть поданы в суд в виде электронного документа. Ст. 71 ГПК РФ тоже претерпела изменения, и дополнением стал тот факт, что к письменным доказательствам теперь относятся и документы, получен-

ные с использованием телекоммуникационной сети Интернет, а также документы, подписанные квалифицированной электронной подписью.

Исходя из вышесказанного, попытаемся дать определение имену электронного доказательства. П.11.1 ст. 2 закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» дает понятие электронного документа. Так, согласно данному нормативному правовому акту, «электронный документ – это документированная информация, представленная в электронной форме, то есть в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах». Таким образом, электронным доказательством, по сути, и является электронный документ, содержащий в себе сведения об обстоятельствах, которые имеют значение для рассмотрения и разрешения дела, при соблюдении легальных требований. В случае оспаривания сторонами подлинности электронного документа или его содержания, согласно ст. 79 ГПК РФ, назначается экспертиза.

Несомненно, электронная цифровая подпись является наиболее эффективным способом придания таким документам юридической силы. То есть подписание документа цифровой подписью тождественно его собственноручному подписанию [5 с. 22].

Стоит отметить, что аудио- и видеозаписи имеют особую значимость как электронные доказательства. Достижение истины является целью доказывания, поэтому доказательства в формате аудио- и видеозаписи максимально способствуют достижению данной цели.

В целом использование электронных доказательств в гражданском процессе, безусловно, является перспективным направлением развития института доказательств и доказывания, однако необходимо внесение некоторых изменений в ГПК РФ. Например, включить понятие электронного документа как доказательства, закрепить правовые гарантии использования, процессуальный порядок исследования доказательства и, самое главное, разработать требования, предъявляемые к форме электронных доказательств.

Литература

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138–ФЗ. – Текст : непосредственный // Собрание законодательства РФ. – 2002. – С. 71.

2. Определение Верховного суда РФ №49-КП9-13 от 16.04.2019. – URL : https://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1765062. – Текст : электронный.

3. Боннер, А. Т. Традиционные и нетрадиционные средства доказывания в гражданском и арбитражном процессе : монография / А. Т. Боннер. – Москва : Проспект, 2014. – С. 76–79. – Текст : непосредственный.

4. Еремина, О. А. Электронные доказательства в гражданском процессе / О. А. Еремина, Е. П. Пашкова, А. Е. Самарцева. – Текст : непосредственный // EUROPEAN RESEARCH : сборник статей XIII Международной научно-практической конференции. – В 2 ч. – 2017. – С. 294–298.

5. Боннер, А. Т. Электронное правосудие : реальность или новомодный термин? / А. Т. Боннер. – Текст : непосредственный // Вестник гражданского процесса. – 2018. – № 1. – С. 22–38.

Сведения об авторе:

Бреславский Александр Дмитриевич – студент 4 курса, Бакалавриат «Юриспруденция», ДГУЮ «Донбасский государственный университет юстиции».

E-mail: trylifeagain@gmail.com

УДК 347.91/.95

ЭЛЕКТРОННЫЙ ДОКУМЕНТ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНОЕ СРЕДСТВО ДОКАЗЫВАНИЯ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

К. С. Лидовская, А. С. Червона, В. А. Ярмолинская

Цифровизация оказывает существенное влияние на все сферы деятельности, в том числе и на сферу правосудия. В гражданском судопроизводстве все чаще используются электронные документы, которые выступают в качестве самостоятельного средства доказывания. В данной статье будут рассмотрены понятие и особенности электронных документов, а также их использование в качестве доказательств в гражданском судопроизводстве.

Ключевые слова: электронный документ; цифровизация; гражданское судопроизводство; доказательство; средство доказывания; защита информации.

ELECTRONIC DOCUMENT AS AN INDEPENDENT MEANS OF EVIDENCE IN CIVIL PROCEEDINGS UNDER DIGITALIZATION

K. S. Lidovskaya, A. S. Chervona, V. A. Yarmolinskaya

Digitalization has a significant impact on all areas of activity, including the justice sector. In civil proceedings, electronic documents are increasingly being used, which act as an independent means of evidence. This article will discuss the concept and features of electronic documents, as well as their use as evidence in civil proceedings.

Keywords: *electronic document; digitalization; civil proceedings; proof; means of proof; data protection.*

Понятие доказательств практически едино во всех процессуальных отраслях права, многие теоретические и правовые каноны доказательственной теории вполне устоялись и совпадают с позицией законодателя.

Согласно положениям гражданского процессуального законодательства, только на основе представленных доказательств суд может установить обстоятельства, которые имели место в реальной действительности. В соответствии со ст. 55 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ), доказательствами по делу являются сведения о фактах, полученные в установленном законом порядке, на основании которых суд определяет наличие или отсутствие обстоятельств, обоснование претензий и возражений сторон, а также других обстоятельств, важных для правильной оценки и разрешения дел. Такого рода информация формируется из объяснений сторон и третьих лиц, свидетелей, письменных и фактических доказательств, аудио- и видеозаписей, а также заключений экспертов [2]. В Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – АПК РФ) данный список дополнен консультацией специалиста [1].

Особый интерес вызывает вопрос: можно ли рассматривать электронные доказательства в качестве самостоятельных средств доказывания в гражданском процессе? Стоит уточнить, что электронные документы необходимо рассматривать как доказательства, основанные на классической теории доказательственного права с небольшой «технологической» поправкой, относящейся к способам извлечения таких «виртуальных» документов.

XXI век – век активной цифровизации общества, когда наблюдается быстрое развитие информационных и компьютерных технологий. Люди обмениваются между собой различными сведениями, представленными в виде смс-сообщений, в таких информационных системах, как Skype, WhatsApp, Telegram и т. д. Практически у каждого есть мобильное устройство, благодаря которому может быть осуществлена аудио- или видеозапись или отправлен электронный документ.

С.Ф. Афанасьев, О.В. Баулин, И.Н. Лукьянова высказывают мнение о том, что сведения, которые отправлены при помощи вышеуказанных систем прикладного обеспечения, можно рассматривать в качестве электронных доказательств по гражданскому делу [10, с. 254]. На сегодняшний день законодатель не запрещает использовать сведения, полученные через информационный носитель, в качестве доказательств по делу. Такие доказательства должны быть представлены в объективно выраженной форме, т. е. в письменном виде, и в таком случае они будут относиться к категории письменных доказательств.

Так, ч. 1. ст. 71 ГПК РФ, которая закрепляет категорию письменных доказательств документами и материалами, выполненными в форме цифровой, графической записи, в том числе полученными посредством факсимильной, электронной или другой связи либо иным позволяющим установить достоверность документа способом [2]. Согласно ст. 6 Федерального закона от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи», информация в электронной форме, подписанная квалифицированной электронной подписью, признается электронным документом, равнозначным документу на бумажном носителе, подписанному собственноручной подписью, кроме случаев, когда федеральными законами или нормативными правовыми актами установлено требование о необходимости составления документа исключительно на бумажном носителе [4].

Что касается понятия «цифрового документа» – это читаемый документ, который в своей первоначальной форме является безбумажным. Примером этого является счет-фактура, который получают в виде PDF по электронной почте. Как отправитель, так и получатель могут легко интерпретировать данные, включенные в документ (например, рекламные кампании). Это позволяет ввести информацию в ERP-систему организации или другую систему, просто взглянув на нее.

Цифровые документы очень похожи на бумажные. Хотя цифровой документ можно просмотреть только на электронном устройстве, он

выглядит практически так же, как на листе бумаги. Впоследствии, при необходимости, цифровой документ может быть распечатан.

Перенос цифрового документа на бумагу часто является способом внутренней передачи документов, например перемещение счета-фактуры из отдела операций в бухгалтерию.

Очень важно понимать разницу между электронным документом и цифровым, когда речь идет об электронных документах как средствах доказывания. В Федеральном законе № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее – Федеральный закон №149-ФЗ) в п. 1 ст. 2 дается понятие электронного документа. Так, электронный документ – документированная информация, представленная в электронной форме, т. е. в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах [3].

Документированная информация – это зафиксированная на материальном носителе путем документирования информация с реквизитами, позволяющими определить такую информацию или в установленных законодательством Российской Федерации случаях ее материальный носитель (п. 11 ст. 2 ФЗ № 149-ФЗ) [11].

В отличие от цифрового документа, электронный представляет собой чистые данные, что затрудняет интерпретацию. Это, прежде всего, потому, что документ в электронной форме предназначен для понимания компьютером. Другими словами, электронные данные предназначены для передачи из одной системы в другую без вмешательства человека.

При использовании электронного документа все данные автоматически становятся доступными в соответствующих системах (внутренней и внешней) сразу после его отправки или получения. Нет необходимости тратить время и ресурсы на печать. Настоящий электронный обмен документами может быть реализован только при наличии решения EDI.

В случаях, когда нет решения EDI или какой-либо системы электронного документооборота, осуществляется обмен цифровыми документами, а не электронными файлами. В данной ситуации привычно передавать бумажные документы и монотонно вводить данные цифрового документа в одно или несколько приложений, чтобы все можно было соответствующим образом обработать.

Разница между электронным и цифровым документом также заключается в их базовых характеристиках и приложениях. Электронный – относится к чистому представлению данных, которое может быть прочитано компьютером, но не предназначено для редактирования, оно структурировано для автоматизированной обработки. Цифровой же, напротив, включает данные, которые доступны для чтения человеком, но не структурированы и легко обрабатываются компьютерами.

Несмотря на существенные различия при упоминании обмена документами, термины «цифровой» и «электронный» на практике часто используют как взаимозаменяемые, причиной чего стал отраслевой жаргон.

В современных условиях электронные документы играют важную роль в правовых отношениях различных сфер. В эпоху стремительной цифровизации внедрение электронных документов в гражданское судопроизводство необходимо для повышения эффективности, доступности и прозрачности процесса. Электронные документы имеют ряд преимуществ по сравнению с традиционными – бумажными, благодаря чему в судебной практике формируется процессуальный опыт использования и применения электронных доказательств. Так, с 1 января 2017 г. вступил в силу Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 220-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти» [5].

Согласно ч. 1.1 ст. 3 ГПК РФ исковое заявление, заявление, жалоба, представление и иные документы могут быть поданы в суд как на бумажном носителе, так и в электронном виде, в том числе в форме электронного документа, подписанного электронной подписью в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, посредством заполнения формы, размещенной на официальном сайте суда в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» [2]. Участники процесса могут подавать иски, ходатайства и другие процессуальные документы в суд в электронном виде через государственную автоматизированную систему «Правосудие» (ГАС «Правосудие»), портал государственных услуг и электронную почту суда.

Приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27 декабря 2016 г. № 251 «Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа» [8], а также Приказом Судебного де-

партаamenta при Верховном Суде РФ от 28 декабря 2016 г. № 252 «Об утверждении Порядка подачи в арбитражные суды Российской Федерации документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа» [9], установлен порядок подачи в суды документов в электронной форме.

Для того чтобы электронный документ стал неоспоримым доказательством в суде, необходимо еще до начала самого обмена документами заключить соглашение об электронном сотрудничестве. Кроме того, в самом соглашении необходимо предусмотреть, какие документы и действия разрешены при обмене в электронном формате. В соглашении необходимо не только предусмотреть порядок обмена конкретными документами, но и придать такому обмену юридическую значимость.

Как отмечает О. А. Валивакина: «По общему правилу, при оценке электронных доказательств (документов), необходимо учитывать следующие моменты: насколько надежен способ, с помощью которого готовилось, а также хранилось и передавалось доказательство; насколько надежен способ обеспечения целостности информации; насколько правилен способ, при помощи которого обеспечивалась целостность хранимой информации» [11, с. 46].

Обращаясь к порядку предоставления электронных документов в качестве средства доказывания, можно сделать вывод о том, что электронные сообщения или иная информация, расположенная на цифровом устройстве, должны не просто быть распечатаны и предоставлены суду. Верховный суд РФ определил, что такого вида доказательства могут быть признаны судом в качестве надлежащих, только если они заверены должным образом, а именно у нотариуса, который может проверить точный IP-адрес интернет-сайта, а также установить время, в которое были получены те или иные сведения (информация) [7].

Изучая электронные документы, в качестве доказательств в гражданском судопроизводстве, можно столкнуться со специфическими характеристиками данного средства доказывания. Так, например, подлинность электронного документа можно считать одной из его ключевых особенностей. В случаях применения электронных документов в суде необходимо продемонстрировать, что документ не был подделан после его создания. Данную проверку можно провести с помощью цифровых подписей, журналов аудита или других мер безопасности. Оригинал электронного документа является именно его формат, тогда как его распечатка на бумаге будет признаваться уже его копией, ведь

изначально документ создавался и подписывался электронным способом. Вопрос о подлинности копий электронного документа может стать действительно актуальным в том случае, когда они будут содержать отличные друг от друга сведения. В таком случае отличные документы будут исследоваться с учетом времени их создания и внесения в них изменений. Не менее важно обеспечить целостность электронного документа с помощью хеш-значений, алгоритмов контроля целостности или других технологических средств, чтобы гарантировать, что он не был изменен или поврежден [6].

Достоверность доказательств, представленных в письменном виде, проверяется на наличие всех необходимых реквизитов. Что касается электронных документов, то для данного средства доказывания требуется установить, что он является точным представлением исходного электронного документа. Это можно сделать с помощью сравнения с исходным документом или получения свидетельств от лиц, участвовавших в его создании. Предоставление недостоверного электронного документа влечет за собой отказ суда в его принятии в качестве доказательства, а также привлечение лица, представившего недостоверный документ, к ответственности в соответствии с российским законодательством.

Электронные документы должны храниться в надежной и доступной форме в течение всего срока действия судебного разбирательства, что предусматривает меры по обеспечению безопасности и резервного копирования. Для сохранности электронных доказательств могут применяться облачные хранилища данных, в которых информация пользователя находится на удаленном сервере. Такими серверами могут являться, например, Google Диск (Google Drive) и Яндекс Диск. Электронные документы подлежат открытию, если они подпадают под сферу действия запроса на открытие или повестки в суд. Суды обычно применяют принцип относимости и соразмерности при определении объема электронного открытия, чтобы избежать неоправданной нагрузки.

Таким образом, основной особенностью и спецификой электронного документа выступает его непосредственная форма, которая отражает электронный носитель, и которая является главным отличием от других видов документов процессуального характера.

По сути, сказанное заключается в том, что таких составляющих признаков немало, но главным является технический носитель инфор-

мации, а требование законодателя к форме электронного документа выражается в наличии у информации «технической защищенности» в рамках подлинности и достоверности доказательств.

Учитывая особенности рассматриваемого института, а также принимая во внимание научную позицию, следует согласиться с мнением, что «допустимость того или иного доказательства определяется соответствием его всем требованиям процессуального законодательства, то есть оно должно быть получено уполномоченным лицом и в установленном законом порядке».

В зарубежных странах цифровизация правосудия вышла на довольно продвинутый уровень. В качестве примера можно привести Италию и ее систему электронного гражданского процесса «Processo Civile Telematico».

Судебные дела в «Processo Civile Telematico» ведутся в цифровой папке. Она содержит и направленные по почте электронные документы, и принятые судом акты. Доступ к «Processo Civile Telematico» пользователь получает через сертифицированный электронный адрес. Это дает возможность направлять электронные запросы и получать виртуальные консультации по исковым документам и судебным решениям.

Исходя из смысла этих положений, электронный документ состоит из документированной информации, а она сама по себе может быть зафиксирована только на материальном носителе, по мнению законодателя. В связи с этим поднимается вопрос: электронный документ – это оцифрованный с помощью сканера обычный бумажный документ? Однако уже давно известно, что электронный документ состоит из формы (электронной), содержания и реквизитов.

В Российском судопроизводстве на практике зачастую возникают проблемы представления, сбора и взаимодействия с электронной информацией и документами.

Нельзя не отметить, что с введением электронных доказательств в сферу правоприменения возникло множество вопросов, которые, вне всякого сомнения, требуют детального обсуждения.

К таковым относится, в частности, вопрос о том, является ли достаточной процессуально-правовая основа для введения в процесс отправления правосудия электронных доказательств и возможностей для их исследования судом. Необходимо решить вопрос о представлении в судебное заседание технических средств для воспроизведения

электронных доказательств, в случае их отсутствия в суде, необходимости для воспроизведения содержания таких доказательств. Из этого же разряда вопрос о том, на ком лежит бремя расходов, связанных с оплатой труда специалиста, привлекаемого для эксплуатации технических средств, воспроизводящих содержание рассматриваемых доказательств. Поправки на этот счет должны присутствовать, легализуя либо право суда отнести подобные расходы к судебным расходам стороны, представляющей доказательства, с их последующим распределением по итогам процесса, либо устанавливая правила, закрепляющие необходимость обеспечения технической возможности раскрытия любых доказательств без отнесения подобного рода расходов на участников процесса. В этой же плоскости лежит ответ на вопрос о недопустимости отказа в принятии таких доказательств в случае отсутствия у суда технической оснащенности для воспроизведения доказательств в судебном заседании и праве участника процесса потребовать повторного воспроизведения такого доказательства для представления суду своих соображений и комментариев относительно содержания доказательств. По сути, речь идет о необходимости дополнения ст. 89 АПК РФ и ст. 77 ГПК РФ соответствующими положениями.

Немаловажным является вопрос о том, требуются ли какие-либо дополнительные средства защиты процессуальных прав стороны, ссылающейся на электронные доказательства.

Сегодняшняя действительность такова, что электронный документ может создаваться, изменяться и передаваться посредством информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Одним из наиболее распространенных видов электронных доказательств является снимок экрана, или так называемый скриншот. Несмотря на то, что в законодательстве не закреплено определение «скриншот» и порядок его использования, его правовая квалификация не является затруднительной [6].

Пункт 55 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» допускает применение в качестве доказательств скриншотов. Примечательно, что скриншот можно использовать в качестве электронного доказательства для широкой категории споров в различных правовых сферах. Однако важно обратить внимание на то, что распечатки материалов, размещенных в Интернете,

принимаются в качестве доказательства при условии соблюдения нескольких факторов: скриншот должен быть заверен лицом (лицами), участвующим в деле; на распечатке должен быть указан адрес интернет-страницы, с которого сделан скриншот; на распечатке должно быть указано точное время получения скриншота [7].

При соблюдении данных условий скриншоты подлежат оценке судом при рассмотрении дела наравне с прочими доказательствами (ст. 67 ГПК РФ, ст. 71 АПК РФ и ст. 84 Кодекса административного судопроизводства). Таким образом, простая распечатка скриншота с Интернет-сайта вряд ли будет признана судом в качестве доказательства, поскольку такие данные можно отредактировать или удалить [12, с. 450].

Одно из распространенных заблуждений заключается в том, что бумажные документы, заверенные печатью и подписью, более надежны, чем электронные, но это не совсем так, ведь, как говорилось ранее, электронные документы законодательно приравниваются к письменным доказательствам. Электронная подпись, представляющая собой зашифрованные данные, является одним из показателей юридической силы электронных документов, подтверждая авторство и подлинность информации.

Очевидно, что для процесса цифровизации правосудия потребуются денежные средства, время и кадры, но со временем все вложенные ресурсы будут оправданы. Впоследствии судам совершенно не нужно будет распечатывать оцифрованные бумажные документы, что само по себе сэкономит денежные средства.

Применение электронного правосудия и электронных документов как самостоятельных средств доказывания, решат ряд проблем и сделают для каждого гражданина право на судебную защиту более прозрачным, доступным и менее затратным во временном ресурсе.

При расширении возможности использования в судопроизводстве электронных документов, актуальными становятся вопросы обеспечения информационной защиты. При обращении с электронными документами важно учитывать вопросы конфиденциальности, соответственно, суды могут потребовать от сторон принятия мер по защите конфиденциальной информации, содержащейся в электронных документах. Строгая политика контроля и безопасности впоследствии позволяет передавать конфиденциальную информацию без риска ее разглашения.

Таким образом, представляется вполне возможным сделать вывод о том, что электронные документы составляют правовой инструментарий, применяемый в ходе судебного разбирательства. По этой причине их оценка имеет особое значение не только при собирании доказательств, но и на любой стадии гражданского судопроизводства в целом. В то же время следует учитывать, что процесс обеспечения доказательств значительно усложнился, а сфера электронных доказательств в условиях цифровизации стала применяться значительно шире.

Электронный документ является самостоятельным средством доказывания в гражданском судопроизводстве при условии соответствия установленным требованиям и при наличии заверенной электронной подписи. Суд оценивает достоверность электронного документа с учетом всех имеющихся обстоятельств.

Благодаря развитию электронного правосудия участники процесса могут подавать документы, представлять доказательства и участвовать в судебных заседаниях в электронном формате, что значительно упрощает и ускоряет рассмотрение дел.

Литература

1. «Арбитражный процессуальный кодекс» Российской Федерации от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 25.12.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.01.2024). – URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/. – Текст : электронный.

2. «Гражданский процессуальный кодекс» Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 25.12.2023) (с изм. от 25.01.2024). – URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/. – Текст : электронный.

3. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 N 149-ФЗ. – URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/. – Текст : электронный.

4. Федеральный закон «Об электронной подписи» от 06.04.2011 N 63-ФЗ. – URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_112701/. – Текст : электронный.

5. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти» от

23.06.2016 N 220-ФЗ. – URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200008/. – Текст : электронный.

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 N 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов». – URL : <https://base.garant.ru/71844996/>. – Текст : электронный.

7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 N 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации». – URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_323470/. – Текст : электронный.

8. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27.12.2016 N 251 (ред. от 11.12.2023) «Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа». – URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_209690/. – Текст : электронный.

9. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 28.12.2016 N 252 (ред. от 20.02.2018) «Об утверждении Порядка подачи в арбитражные суды Российской Федерации документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа» (вместе с «Порядком подачи в арбитражные суды Российской Федерации документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа»). – URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_209951/. – Текст : электронный.

10. Афанасьев, С. Ф. Курс доказательственного права: Гражданский процесс / С. Ф. Афанасьев, О. В. Баулин, И. Н. Лукьянова // Арбитражный процесс. Административное судопроизводство. – Москва : Статут, 2019. – 656 с. – Текст : непосредственный.

11. Валивахина, О. А. Правовые проблемы электронных доказательств в гражданском судопроизводстве / О. А. Валивахина. – Текст : непосредственный // Эволюция государства и права: проблемы и перспективы: материалы Международной научно-практической конференции. – Курск, 2020. – С. 45–49.

12. Нечаев, В. Д. Проблемы использования электронных доказательств в уголовном процессе // Молодой ученый. 2021. № 18 (360). С. 449-450. – URL: <https://moluch.ru/archive/360/80640/> (дата обращения: 12.04.2024). – Текст : электронный.

Сведения об авторах

Лидовская Карина Сергеевна – студентка 3 курса института юстиции Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Донбасский государственный университет юстиции» (ДГУЮ Минюста России).

E-mail: Carina.Lidovskaya@yandex.ru

Червона Анастасия Сергеевна – студентка 3 курса института юстиции Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Донбасский государственный университет юстиции» (ДГУЮ Минюста России).

E-mail: n.chervona@mail.ru

Ярмолинская Вероника Андреевна – студентка 3 курса института юстиции Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Донбасский государственный университет юстиции» (ДГУЮ Минюста России).

E-mail: yarmolinskayav@mail.ru

УДК 331.109.648

ПЕРСПЕКТИВА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

А. Д. Тишин

В данной статье рассматриваются перспективы использования электронных доказательств в арбитражном процессе. Анализируются аспекты применения электронных доказательств, такие как упрощение документооборота, обеспечение достоверности и сохранность данных с помощью современных технологий. Рассматривается судебная практика, на основании которой возникали случаи оценивания электронных доказательств, влияющих на исход дела. Отмечается тенденция перехода к безбумажному делопроизводству и необходимость совершенствования процессуальных норм для эффективного применения электронных доказательств. Обсуждаются проблемы допустимости, подлинности, конфиденциальности электронных доказательств и пути их преодоления. Рассматриваются различные мнения и подходы к регулированию использования электронных доказательств в арбитражном процессе.

Ключевые слова: электронные доказательства, арбитражный процесс, цифровизация, допустимость доказательств, достоверность данных, электронный документ, вещественные и письменные доказательства, процессуальное регулирование, конфиденциальность, требования.

THE PROSPECT OF USING ELECTRONIC EVIDENCE IN THE ARBITRATION PROCESS

A. D. Tishin

This article discusses the prospects of using electronic evidence in the arbitration process. Aspects of the use of electronic evidence are analyzed, such as simplification of document management, ensuring the reliability and safety of data using modern technologies. The judicial practice is considered, in which there have been cases of evaluation of electronic evidence affecting the outcome of the case resolution. There is a tendency to switch to paperless record keeping and the need to improve procedural rules for the effective use of electronic evidence. The problems of admissibility, authenticity, confidentiality of electronic evidence and ways to overcome them are discussed. Various opinions and approaches to regulating the use of electronic evidence in the arbitration process are considered.

Keywords: *electronic evidence, arbitration process, digitalization, admissibility of evidence, reliability of data, electronic document, physical and written evidence, procedural regulation, confidentiality, requirements.*

Использование «электронных» доказательств в арбитражном процессе имеет хорошие перспективы и набирает все большую популярность. Одними из первых правовых актов, регламентирующих использование электронных доказательств, были действующие в советский период Инструктивные указания Госарбитража СССР от 29 июня 1979 г. № И-1-4 «Об использовании в качестве доказательств по арбитражным делам документов, подготовленных с помощью электронно-вычислительной техники». В этих указаниях признавалось право сторон представлять в арбитраж документы, созданные с использованием компьютерной техники. Как общее правило, каждый экземпляр такого документа имел одинаковую юридическую силу. Если же требовался подлинник, таковым считался первый экземпляр [2].

Годы спустя, в 1994 году, Высший Арбитражный Суд в своем письме от 19 августа 1994 г. № С1-7/ОП-587 «Об отдельных рекомендациях, принятых на совещаниях по судебно-арбитражной практике» подтвердил возможность «представлять в арбитражный суд доказательства по спору, вытекающему из договора, который был изготовлен и подписан сторонами спора и в последствии заверен цифровой (электронной) подписью». В письме делается акцент на то, что в случае возникновения спора по поводу возможности приобщения подобных доказательств суд должен запросить «выписку из договора, в котором указана процедура порядка согласования

разногласий в установленном сторонами порядке доказательств, заверенных цифровой (электронной) подписью». Кроме того, даже если подобная процедура была определена сторонами, суды должны установить, «не была ли она навязана стороне другой стороной с целью обеспечения только своих интересов и ущемления интересов другой стороны» [3].

Мы можем наблюдать, что уже в советский и ранний постсоветский период предпринимались попытки правового регулирования применения электронных доказательств в арбитражном процессе с учетом развития компьютерных технологий того времени.

На сегодняшний день единственная регламентация использования электронных доказательств содержится в п. 3 ст. 75 АПК РФ, где сказано, что документы, полученные посредством факсимильной, электронной или иной связи, в том числе с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», а также документы, подписанные электронной подписью в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, допускаются в качестве письменных доказательств в случаях и порядке, которые предусмотрены настоящим Кодексом, другими федеральными законами, иными нормативными правовыми актами или договором.

Если копии документов представлены в арбитражный суд в электронном виде, суд может потребовать представления оригиналов этих документов.

Учитывая современные тенденции развития в области использования электронных доказательств в современном праве существуют различные мнения и подходы. Часть юристов и судей скептически относятся к электронным доказательствам из-за опасений относительно их достоверности и возможности фальсификации. Они отдают предпочтение традиционным бумажным документам и материальным вещественным доказательствам.

С проблемой определения надежности электронного доказательства выступил российский юрист А. Т. Боннер, который исследовал процесс электронных сообщений, в результате был сделан вывод, что любой желающий может отправлять информацию по электронной почте под чужим адресом электронной почты [7, с. 478].

В. Г. Голубцов делает акцент на том, что более конструктивной была бы адаптация доктринальных взглядов о месте электронных доказательств в общей теории доказательственного права. Иными словами, необходимо прежде установить достаточно убедительные основания

из области науки и факта, чтобы кардинально сдвигать теорию доказательственного права с тех фундаментальных настроек и принципов, которые она сегодня имеет, подчиняясь лишь информационным веяниям, что пришли в сферу отправления правосудия [5, с. 380].

Ссылаясь на ч. 3 ст. 75 Арбитражного процессуального кодекса РФ, законодатель устанавливает положение об электронных доказательствах в рамках данного нормативного акта. Так, документы, полученные посредством факсимильной, электронной или иной связи, в том числе с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», а также документы, подписанные электронной подписью в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, допускаются в качестве письменных доказательств в случаях и порядке, которые предусмотрены АПК РФ, другими федеральными законами, иными нормативными правовыми актами или договором [1].

Исходя из данной нормы электронные доказательства нельзя признать самостоятельным видом доказательства и стоит относить к письменным, признавая их юридическую силу в процессе доказывания.

Хотя тенденция расширения использования электронных доказательств очевидна, единства в понимании их места и регулирования в правовой системе пока не выработано. Развитие этой сферы права продолжается.

Возникают вопросы о критериях допустимости электронных доказательств, где существенную роль играет отсутствие единого подхода судов. Многие специалисты признают необходимость использования электронных доказательств в современных реалиях, но считают, что они должны применяться наряду с традиционными доказательствами. Например, А. Т. Темергалиева считает электронный документ письменным доказательством, если в нем содержатся мысли, имеющие доказательственное значение и воспринимаемые путем прочтения письменных знаков [9].

Однако некоторые юристы считают, что электронный документ нельзя рассматривать как письменное доказательство в чистом виде, так как он не имеет письменной формы и не обладает авторской уникальностью. Например, А. Т. Боннер отмечает, что на данном этапе развития арбитражного процессуального законодательства и науки арбитражного процессуального права целесообразно говорить об интернет-сайтах как о неких специфических вещественных доказательствах, несмотря на то, что они не являются материальными предметами, которые можно непосредственно ощутить и воспринять [7, с. 611].

Грамотная фиксация содержимого сайта повышает его доказательственную силу, однако требуются усилия для соблюдения процессуальных правил использования такого вида электронных доказательств. Для подтверждения достоверности можно привлекать различные косвенные доказательства: логи сервера, архивные копии страниц, нотариальные протоколы осмотра сайта, а содержание сайта должно быть зафиксировано процессуальным способом – путем осмотра в судебном заседании или назначения экспертизы, и отражено в протоколе.

Электронные доказательства должны отвечать строгим требованиям допустимости и достоверности (электронная подпись, протоколирование и т. п.). В АПК РФ отсутствуют специальные нормы, регламентирующие требования к форме, порядку представления и исследования электронных доказательств. Суды руководствуются общими положениями о письменных и вещественных доказательствах.

По нашему мнению, в арбитражном процессе электронные доказательства могут относиться как к письменным, так и к вещественным доказательствам в зависимости от их вида и формы представления. Письменные электронные доказательства – это электронные документы (договоры, акты, счета, переписка по электронной почте и мессенджерам и т. п.); файлы, содержащие текстовую информацию (отчеты, инструкции, описания и пр.); распечатки цифровых данных. При представлении в арбитражный суд в электронном виде или на бумажном носителе такие доказательства рассматриваются в качестве письменных в соответствии со ст. 75 АПК РФ [1].

Что касается электронных доказательств, выступающих как вещественные, то таковыми могут являться, например, цифровые аудио- и видеозаписи, файлы с графической, мультимедийной информацией, электронные носители информации (жесткие диски, флэш-накопители, CD/DVD диски и т. д.), а также метаданные файлов и информационных систем. Подобные доказательства могут обладать вещественной формой выражения и относиться к вещественным доказательствам согласно ст. 76 АПК РФ [1]. Исследование электронных доказательств (особенно мультимедийных) требует специальных технических знаний и оборудования, которыми суды часто не располагают.

Стоит отметить значимость скриншотов из чатов социальных сетей и SMS-переписок, которые так же могут выступать в качестве электронных доказательств. При надлежащем процессуальном оформлении и с учетом необходимых мер обеспечения достоверности скриншоты

могут выступать полноценными доказательствами в арбитражном процессе. Скриншоты относятся к вещественным доказательствам в соответствии со ст. 76 АПК РФ, поскольку фиксируют информацию на цифровых носителях и обычно представляются в виде распечатки на бумажном носителе или графического файла. При этом существует риск фальсификации снимков экрана. Подлинность скриншотов может быть подтверждена косвенными доказательствами: логами сервера, архивными копиями, протоколами нотариального осмотра.

На практике происходили случаи, когда суд отказывался от принятия скриншота переписки как электронного доказательства. Согласно решению Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 04.02.2022 по делу № А56-35798/2021 – «Представленные истцом распечатки переписки в мессенджере WhatsApp не могут являться относимыми и допустимыми доказательствами по делу, поскольку не заверены в нотариальном порядке; из распечаток не следует, что возможная переписка велась с уполномоченным лицом ответчика, как не представляется возможным определить, по каким номерам телефонов велась возможная переписка» [6].

Практика арбитражных судов по оценке электронных доказательств постоянно развивается и формируется. Суды признают допустимость электронных доказательств, таких как электронные документы, электронная переписка, информация из интернета и т. д. Они имеют такую же юридическую силу, как и бумажные доказательства. На современном этапе арбитражное судопроизводство адаптируется к цифровой реальности и формирует практику оценки электронных доказательств с учетом принципов относимости, допустимости и достоверности на основании ст. 68 АПК РФ [1].

К электронным доказательствам можно отнести те доказательства, которые расширяют возможности сторон по их представлению. При этом в Федеральном законодательстве Российской Федерации отсутствует всеобъемлющее понятие электронного доказательства, которое бы отражало свойственность для судебной практики в условиях цифровизации. По мнению Шаймуратовой К.И., понятие «электронные доказательства» является относительно новым не только для арбитражного процесса, но и для правовой системы в целом. Стремительное, активное их использование в процессе установления истины и восстановления нарушенных (оспариваемых) прав породило потребность юридически закрепить данную категорию и определить

ее место в системе доказывания. Именно поэтому, говоря о данном термине, необходимо учитывать особенности, которые отражаются в отсутствии точного определения через призму таких категорий, как электронный документ, электронное сообщение, т. е. по средствам отдельного выделения каждого. Так, выделив и охарактеризовав то, в каком виде, и в какой форме возможно представление электронных доказательств, становится возможным рассмотрение их в качестве целостной системы [10].

Все больше компаний переходят на электронный документооборот, заключают сделки в электронной форме. Соответственно, увеличивается количество доказательств в электронном виде – электронных писем, электронных договоров, электронных актов и т. д. Особенность постоянного развития технологий хранения, передачи и обработки электронных данных облегчает использование электронных доказательств в суде благодаря возможностям их надежного представления.

Если рассматривать аспект упрощения судопроизводства, то при предоставлении электронных доказательств отсутствует необходимость тиражировать и передавать бумажные копии, достаточно направить файлы в электронном виде. Это ускоряет и облегчает процесс.

Применение электронной подписи в арбитражном процессе позволяет идентифицировать автора электронного документа и гарантировать, что содержание не было изменено после подписания, штампов времени, фиксации достоверной даты и времени создания либо изменения электронного доказательства; блокчейн технологии позволяют создавать неизменяемые записи о факте передачи данных документов с фиксацией метаданных и других механизмов с сохранением подлинности и целостности электронных доказательств.

В совокупности все эти новации требуют специальных знаний и оборудования, которыми суды зачастую не располагают, учитывая разнovidность электронных доказательств, требуются отличительные механизмы обеспечения подлинности, что создает проблему универсальности. Достаточно актуальной проблемой выступает так же и отсутствие единого правового регулирования, которое бы регламентировало электронные доказательства как отдельный вид при рассмотрении в суде. В действующем законодательстве РФ отсутствуют единые требования к способам обеспечения достоверности электронных доказательств.

Рассматривая судебную практику, в которой Девятый арбитражный апелляционный суд отменил решение Арбитражного суда г. Москвы по

иску ЗАО Фирма ЦВ «ПРОТЕК» к ООО «Фармстиль». ЗАО Фирма ЦВ «ПРОТЕК» подало иск о взыскании с ООО «Фармстиль» 797674 руб. 14 коп., из которых 734689 руб. 10 коп. – задолженность, 9841 руб. 41 коп. – проценты за пользование чужими денежными средствами и 53143 руб. 63 коп. – проценты за пользование коммерческим кредитом.

Решением от 31.03.2015 в удовлетворении исковых требований отказано. Суд первой инстанции решил, что не подтверждена подлинность электронной подписи, сертификатов ключей проверки электронной подписи, из представленных документов невозможно установить, действительно ли уполномоченное лицо ответчика подписало представленные товарные накладные.

Апелляционный суд не согласился с данными выводами, поскольку представлены следующие доказательства, среди которых:

- электронные товарные накладные;
- сведения о подписании каждой из них генеральными директорами истца и ответчика;
- отчет ООО «Тензор» – оператора ЭДО, через которого стороны обменивались электронными документами,
- и ряд других, по мнению апелляционного суда, подтверждают факт поставки товара [4].

Другим примером можно рассмотреть решение арбитражного апелляционного суда от 3 октября 2017 г. по делу № А40-27244/2016. Закрытое акционерное общество «Центр внедрения “ПРОТЕК”» (далее – общество «Протек», истец) обратилось в Арбитражный суд города Москвы с исковым заявлением к обществу с ограниченной ответственностью «Аптека-А.В.Е» (далее – общество «Аптека-А.В.Е.», ответчик), в котором просило взыскать задолженность по договору поставки в общем размере 115 385 325 руб. 39 коп., из которых: 114 155 094 руб. 62 коп. – основной долг (задолженность за переданные товары), 414 608 руб. 16 коп. – проценты за пользование чужими денежными средствами, 815 622 руб. 61 коп. – проценты за пользование коммерческим кредитом (с учетом уточнений в порядке ч. 1 ст. 49 АПК РФ [7]. В материалы дела истцом были предоставлены доказательства, в том числе товарно-транспортные накладные на перевозку товаров.

Данные накладные оформлены с использованием электронной подписи, тогда как Ответчик не уведомлял Истца о наличии у него возможности использовать электронный документооборот. Квалифицированный сертификат ключа проверки электронной подписи Ответчика

выдан ЗАО «ПФ СКВ «Контур»», а не ООО «Компания «Тензор»». Истец не доказал, что квалифицированный сертификат ключа проверки электронной подписи в СКВ «Контур» получал Ответчик.

В договоре поставки стороны установили возможность использования электронных документов, подписания товарных накладных через систему ЭВМ «СВиС++». Ответчик не заявлял, что не использовал систему СВиС++ для обмена документами, а лишь направил истцу уведомления о том, что он может использовать систему.

Факт уведомления или неуведомления ответчика о наличии у него возможности подписывать товарные накладные не имеет правового значения и не может лишать доказательственной силы документы, оформленные в полном соответствии с Договором поставки и законодательством об электронной подписи и подписанные Ответчиком с использованием электронной подписи. Довод о том, что сертификат ключа проверки электронной подписи ответчика выдан ЗАО «ПФ СКВ «Контур»», а не ООО «Компания «Тензор»», не свидетельствует о том, что товарные накладные не являются доказательством поставки товара.

Оценивая указанные доказательства, суд учел, что в силу ч. 3 ст. 75 АПК РФ, документы, подписанные электронной подписью в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, допускаются в качестве письменных доказательств в случаях и порядке, которые предусмотрены АПК РФ, другими федеральными законами, иными нормативными правовыми актами или договором.

При большом объеме электронной информации возникают трудности с отбором относимых к делу сведений. Кроме того, в электронных документах может содержаться конфиденциальная информация, которую нужно обезличивать или изымать из доказательств, учитывая тот факт, что электронные данные можно удалить, повредить или скрыть. Важно надлежащим образом их фиксировать и обеспечивать сохранность. В иных случаях возникает проблема риска раскрытия персональных данных. В электронных документах и файлах может содержаться информация, относящаяся к персональным данным сотрудников, контрагентов, клиентов (ФИО, контактные данные, реквизиты и т. п.). Раскрытие таких сведений создает риски нарушения законодательства о персональных данных, затрагивая также и коммерческую тайну. Зачастую электронные доказательства содержат информацию о технологиях, методах работы, ценовых условиях и другие коммерчески ценные сведения, составляющие коммерческую тайну организации.

Передача электронных доказательств в суд по открытым каналам связи или на незащищенных носителях создает угрозу утечки и несанкционированного распространения конфиденциальных данных.

Электронные доказательства в арбитражном процессе имеют ряд особенностей по сравнению с традиционными письменными и вещественными доказательствами.

1. Нематериальная форма – электронные доказательства существуют в цифровом виде, не имея физической, материальной формы. Это создает сложности с их идентификацией, исследованием и обеспечением сохранности.

2. Динамичность и изменчивость – содержание электронных данных может меняться, что вызывает необходимость их оперативной фиксации процессуальными способами (протоколирование, осмотр и т. п.)

3. Проблемы подлинности – возникают трудности с установлением подлинности электронных документов, аудио-, видео- и других электронных сведений, риски их фальсификации.

4. Зависимость от технологий – работа с электронными доказательствами требует специальных технических средств, программного обеспечения, специальных знаний у участников процесса.

5. Объемность данных – электронные файлы способны содержать большие массивы разнородных данных, что усложняет их исследование, выделение относимых сведений.

6. Риски конфиденциальности – в электронных доказательствах может содержаться конфиденциальная информация (персональные данные, коммерческие тайны), требующая обезличивания.

7. Электронные данные более подвержены рискам повреждения или утраты, в частности со стороны «DDoS-» атак. Для того чтобы предотвратить вмешательство и минимизировать риски, следует поработать и внедрить программное обеспечение, которое позволило бы в полном объеме решить данную проблему. Отсутствие надежного защитного программного обеспечения позволяет с легкостью вносить изменения, удалять, дополнять и изымать содержащую информацию, что является значительным риском.

Для минимизации таких рисков требуется применение средств обезличивания данных, защиты информации, работа с конфиденциальными доказательствами в закрытом режиме и другие меры. Необходимо развитие регулирования порядка сохранения конфиденциальности электронных доказательств в арбитражном процессе.

Особенности электронных доказательств создают новые вызовы для процессуального регулирования и судебной практики их применения. Необходимо разработать более строгие правила и стандарты в отношении использования электронных доказательств в арбитражных процессах. Суды и арбитражные органы должны быть готовы принимать во внимание особенности участия электронных доказательств и разрабатывать процедуры и руководства для их подачи и рассмотрения. Таким образом, дальнейшее развитие электронного правосудия требует совершенствования процессуальных норм, технической базы и методов работы с цифровыми данными для обеспечения прав сторон.

Литература

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 23.03.2024). – URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/. – Текст : электронный.
2. Инструктивные указания Госарбитража СССР от 29.06.1979 N И-1-4 «Об использовании в качестве доказательств документов, представленных с помощью электронно-вычислительной техники». [Электронный ресурс]. – URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2783/. – Текст : электронный.
3. Письмо ВАС РФ от 19.08.1994 N C1-7/ОП-587 (ред. от 12.09.1996) «Об отдельных рекомендациях, принятых на совещаниях по судебнo-арбитражной практике». [Электронный ресурс]. – URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4612/. – Текст : электронный.
4. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 07.07.2015 N 09АП-21682/2015 по делу N А40-26656/2015. – URL : <https://www.consultant.ru> (дата обращения 23.03.2024). – Текст : электронный.
5. Постановление арбитражного апелляционного суда от 3 октября 2017 г. по делу № А40-27244/2016. – URL : <https://www.consultant.ru> (дата обращения 23.03.2024). – Текст : электронный.
6. Решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 04.02.2022 по делу № А56-35798/2021. – URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения 23.03.2024). – Текст : электронный.
7. Боннер, А. Т. Традиционные и нетрадиционные средства доказывания в гражданском и арбитражном процессе / А. Т. Боннер. – Москва : Проспект, 2015. – 611 с. – Текст : непосредственный.
8. Голубцов, В. Г. Теория доказательств и цифровизация в гражданском судопроизводстве / В. Г. Голубцов. – Текст : электронный // Перм-

ский юридический альманах. 2019. №2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-dokazatelstv-i-tsifrovizatsiya-v-grazhdanskom-sudoproizvodstve> (дата обращения: 23.03.2024).

9. Темергалиев, А. Т. Электронные документы как доказательства в суде / А. Т. Темергалиев. – Текст : электронный // Юридическая научная сеть. Современное право: сборник онлайн-докладов. 2013. – URL: <https://www.sovremennoepravo.ru/> (дата обращения: 23.03.2024).

10. Шаймуратова, К. И. Особенности использования электронных доказательств в арбитражном процессе / К. И. Шаймуратова. – Текст : электронный // Скиф. 2022. №12 (76). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-polzovaniya-elektronnyh-dokazatelstv-v-arbitrazhnom-protseste> (дата обращения: 23.03.2024).

Сведения об авторе

Тишин Артём Дмитриевич – студент 4-го курса, 40.03.01 «Юриспруденция» (международно-правовой профиль) ФГБОУ ВО Донбасский государственный университет Минюста России.

E-mail: tyomka.tishin@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Е. А. Белокрылова. Особенности оценки экологических рисков отдельных НБИКС-технологий в Российской Федерации.....</i>	<i>3</i>
<i>А. И. Бигуненко. Теоретические и практические аспекты применения информационных технологий в гражданском судопроизводстве... </i>	<i>7</i>
<i>Д. Ю. Виноградова. Совершенствование финансово-правового регулирования бюджетной системы в условиях развития цифровой экономики.....</i>	<i>16</i>
<i>И. А. Воронина, А. В. Киртичникова. Проблемы реализации избирательных прав граждан посредством сети Интернет</i>	<i>22</i>
<i>Т. А. Демина. Информационные технологии и национальные традиции</i>	<i>31</i>
<i>Е. В. Завгороднева, А. Г. Голощапова. К вопросу о критериях допустимости информации, полученной посредством видео-конференцсвязи, в целях доказывания по уголовным делам</i>	<i>38</i>
<i>И. А. Иванников. Права и свободы суверенной личности.....</i>	<i>48</i>
<i>О. А. Калякин. Проблемы хронологии просвещенного абсолютизма в России</i>	<i>51</i>
<i>А. В. Калякина. Управление земельными ресурсами в условиях цифровизации</i>	<i>56</i>
<i>А. С. Камбур. Государственное управление в условиях цифровизации</i>	<i>61</i>
<i>Е. В. Ковтун. Цифровая трансформация налогового администрирования.....</i>	<i>70</i>

<i>С. А. Крюков.</i> Антикоррупционная стратегия: сравнительно-правовой анализ по законодательству Китая, России и Приднестровья	78
<i>М. А. Лободюк.</i> Правовая защита несовершеннолетних в сети Интернет..	91
<i>Н. М. Лысенко.</i> Перспективы развития цифрового права в Приднестровской Молдавской Республике.....	99
<i>В. В. Лысенко, Н. В. Щукина.</i> Механизмы государственной поддержки субъектов малого предпринимательства в Приднестровье и направления их совершенствования	111
<i>П. В. Мунтяну.</i> Размер санитарно-защитной зоны как условие легализации самовольной постройки.....	122
<i>Е. В. Мытник.</i> Сущность электронного правосудия в гражданском судопроизводстве.....	129
<i>А. П. Пашкевич.</i> Адвокат-представитель: проблемные вопросы участия в уголовном деле.....	138
<i>И. И. Погорлецкая.</i> Проблемы реформы законодательства в области защиты прав потребителей.....	146
<i>Е. В. Сарбаш, В. В. Шульга.</i> Судебно-психологическая экспертиза порока воли в цифровую эпоху	154
<i>Е. А. Синика.</i> Правовые основы социального предпринимательства.....	170
<i>М. Б. Уаге.</i> Правовые особенности организации и проведения аукционов в сфере недропользования	176
<i>М. П. Цап.</i> Общественные слушания в Приднестровской Молдавской Республике: правовое регулирование и проблемы реализации....	181
<i>Н. А. Шеленга.</i> Цифровая трансформация и социальное загрязнение трудовой сферы.....	188

<i>Е. А. Яковлева.</i> Раскрытие понятия «цифровая доверенная среда» в рамках информационной безопасности	195
<i>К. С. Артамкин.</i> К вопросу о включении в состав наследства исключительного права на искусственный интеллект (технологии искусственного интеллекта)	208
<i>А. Д. Бреславский.</i> Перспективы использования «электронных» доказательств в гражданском процессе.....	220
<i>К. С. Лидовская, А. С. Червона, В. А. Ярмолинская.</i> Электронный документ как самостоятельное средство доказывания в гражданском судопроизводстве в условиях цифровизации	226
<i>А. Д. Тишин.</i> Перспектива использования электронных доказательств в арбитражном процессе.....	238

Научное издание

ЯКОВЛЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ:
актуальные вопросы юридической науки и практики
в условиях цифровой трансформации

*Материалы международной научно-практической конференции
г. Тирасполь 9 апреля 2024 г.*

Издается в авторской редакции
Компьютерная верстка И. И. Головачук

ИЛ № 06150. Сер. АЮ от 21.02.02.
Подписано в печать 13.11.2024. Формат 60х90/16.
Уч. изд. л. 15,8. Электронное издание. Заказ № 484.